

Геннадий Волобуев

У парадного подъезда

Окончание. Начало см. «ДиН» №№ 5–6/2023

Своя правда

Иван включил свет, втиснул голые ноги в войлочные тапки и вышел на кухню. Самая обитаемая часть малогабаритной квартирки, больше похожая на тесную каморку, пахнущую подгорелым подсолнечным маслом, жареной картошкой и ещё чётр знает чем, ставшим родным и привычным в пределах своей жилплощади. Она не отталкивала, а притягивала к себе не только домочадцев, но близких соседей и друзей своей простотой и доступностью. Как же парадоксальна жизнь. Убогий уют и теснота делали соседей друзьями, с которыми можно было делиться сокровенными мыслями, получать помощь в трудную минуту, доверять и радоваться успехам друг друга. Оставлять на время своего отсутствия детей, звонить в скорую и помогать клеить обои. Но пришло долгожданное время, когда многие стали собственниками жилья, сделали современные ремонты квартир или купили дом с усадьбой, так называемый коттедж. И всё вдруг перевернулось.

Иван задумался. Что это? Пробуждение ото сна? Прозрение? Что с нами происходит? Мы свободны? Мы жили в плену? Мы жили неправильно? Мы сделали все какую-то одну большую ошибку? Мы — наше поколение. А если я рождён был в этом самом обществе? От головы до пят был продуктом его воспитания? Это была наша жизненная среда, наша жизнь и всех родных, близких, друзей... Мы не собираемся от неё отказываться, искать преимущества у современности. Да и глупо отказываться от того, что прожил. Всё равно больше остаётся в памяти то, что радовало душу, приносило чувство счастья семье, друзьям, то, что удавалось на работе. От трудностей, новых больших проблем, драматических событий в новом времени нас никто никогда не избавит. Они будут. Такова жизнь. Мы будем изучать то время и тех людей, передавать объективные, да и субъективные, знания о них своим потомкам. Мы знаем, что борьба за лучшую жизнь никогда не закончится, даже в самые благополучные времена.

Что? Моему поколению кричать, что мы лишись ума, что мы преступники? Каяться, строго судить вчерашнее, как мы на государственном уровне замалчивали и осуждали всё, что было в нашей

истории до революции, как верили в светлое будущее, как доверяли своим вождям и лидерам? Пришла другая жизнь. Мы не хотим краситься в новые цвета. Мы хотим иметь свой голос, и не надо нам опять указывать, за кого голосовать, кого любить, что ценить больше всего.

Иван подошёл к пластиковому окну, повернул ручку и пустил свежий, пахнущий летней ночью воздух, который стал опускаться на тёплый пол и растекаться по тонкому ковру. Он присел на диван и продолжал думать. Наша жизнь имеет свою ценность, несёт свой опыт, свою правду. И никто не вправе вмешиваться в неё с позиций нового времени. Да, мы увидели прошлое без прикрас, узнали кое-какую правду, ощутили реальные начала свободы. Жизнь такова, что постоянно появляются неведомые раньше проблемы. И на весах истории они не раз будут перевешивать в худшую сторону от того «светлого», в котором мы жили. Время от времени моих друзей посещает ностальгия по ушедшей в том виде Родине, по прошлым счастливым минутам дружбы и общения. Значит, не всё нормально в нашем сегодняшнем «королевстве»? Да и тогда — зачем власть так «закручивала гайки»? Только настраивала против себя. Сколько талантливых людей уехало за границу, а кого и сослали в качестве наказания. Но они и там держали марку мирового уровня в спорте и творчестве. Только недавно стали показывать этих изгнанных, о них пишут книги, показывают фильмы, наши туристы посещают могилы оставшихся за рубежом.

Что мы от этого выиграли, что получили, когда загнали их на чужбину? Наши же партийные лидеры, руководители от культуры запрещали и сдерживали родные таланты. И не только от идеологического рвения делали это, а по собственной необразованности, тупости, от политической конъюнктуры и личного желания выслужиться. Да и сейчас не всё ладно. В отличие от прошлых лет, одни люди сами ищут место за границами, другие уезжают опять под давлением власти. Надо полагать, что это дееспособные, умные граждане, много специалистов и учёных. Всё-таки, правда, и настоящие ценности пробиваются, словно бамбук сквозь асфальт, и в новое время. Так зачем же

сегодня опять упорно пытаются повторять ошибки прошлого? Зачем случайные люди на экранах телевизоров с «колокольни» подаренной должности или частного журнала от олигарха врут бессовестно? Зачем навязывают свою не пережитую «правду» народу? Всё равно это осудят молодые, более просвещённые поколения. И всё же это продолжается. Не пора ли нам научиться жить всем вместе: и «серым», и «белым», и «красным», и «зелёным», и верующим, и неверующим, и кудакам, и прагматикам? Может, тогда и Родину будем любить по-настоящему. Правильно говорят китайцы: «Пусть расцветают все цветы!»

Иван зашёл в кладовую, нашёл там Евангелие, спрятанное много лет назад его бабушкой, и с интересом начал листать. Просто из любопытства. Он замечал, как у некоторых знакомых появилась тяга к религиозной литературе, символике и обрядам. Это походило на моду, Иван сторонился такого увлечения. После активной, наполненной каким-то смыслом жизни, он не мог терпеть пустоты. Брал разные книги в библиотеке и, не дочитав порой трети содержания, бросал томик с презрением на край дивана. Он не понимал авторов. Они были похожи больше на тех мифических «чёртиков из табакерки», которые выскочили на светлое пространство, и каждый побегал в какой-то угол, чтобы спрятаться вновь в темноте, получая собственное удовольствие во мраке недомыслия, или, оставаясь на свету, изображать немислимые кульбиты, удивляя публику. Редкие книги он читал с интересом, бережно перелистывая страницы. Внимательно разглядывал титульный лист, получал первую информацию об авторе, издательстве и замысле книги. Он скорее угадывал по отрывкам текста, стоит открывать книгу или здесь же отложить её в сторону. Рекламные фразы умел расшифровать с позиций своего опыта, не поддавшись на литературную дешёвку. На последней страничке искал цифру тиража. Замечал, что автор едва набрал средств, чтобы сделать двести-триста экземпляров.

Всегда немного волновался, разглядывая очередной том. Если не доверял автору, клал в маленькую стопку, чтобы отнести на абонемент обратно. Исторические книги самых известных авторов медленно прочитывал от корки до корки, делал пометки себе в тетрадь. Поздно, но всё же пришло время понять своих родителей, особенно бабушку по матери, которая молилась Богу, изредка посещала церковь, в основном чтобы помянуть родных ей людей. Он подумал: «Может, в нём (Евангелии) есть ответ на тот хаос, что в головах народа и на площадях столицы? Это не простая книга, её издадут самым большим тиражом. Если миллионы людей в разных уголках христианского мира читают её, значит, здесь должны быть мудрые мысли, может, ответы и на мои вопросы».

Иван оставался внутри советским человеком. Его считали атеистом, но он нигде не выражал своё определённое отношение к религии. В детстве и по молодости твёрдо верил в коммунизм и давал понять в неопределённой форме, что в Бога не верит. С возрастом никак не показывал свои предпочтения. Жил себе человек да жил, работал, поднимал детей. Но в душе тянулся к знаниям, выписывал несколько газет и журналов, ходил регулярно в книжный магазин, покупал «умные» книги. Если его друзья больше читали детективные романы, приключенческие и военные книги, то он покупал исторические, читал биографии знаменитых людей, тянулся к классике. В последние годы перестройки выписал «Литературную газету». Что его привлекло в этой газете, трудно сказать. Большие статьи по теме развития литературного процесса с мудрыми идеями и критической позицией авторов не могли затронуть его ни по каким достоинствам. Политические статьи больше отвечали на его вопросы, но бывало, что и они ставили его в тупик и он терял к ним интерес на половине текста. И тем не менее он старательно просматривал каждый номер, находил для себя что-то значимое. Его привлекали критические статьи по художественным произведениям. Он невольно сравнивал свои мысли от прочитанных книг с тем, что писали авторы статей. Это больше походило на расшифровку ребусов. Тираж газеты говорил о том, что не один Иван из простого народа читал её. Росла новая культурная среда, захватившая любознательных рабочих, которые непрерывно учились, развивали свой интеллект и стремились достичь в этой жизни собственных высот. Была ещё тайная мысль: не отстать от своих детей. Он всё больше замечал, что они стали опережать его время и знают много того, о чём в его детские годы не было даже в мечтах.

Просматривая тексты евангелистов, в третьей главе Евангелия от Матфея он прочитал такие слова: «Уже и секира при корне дерев лежит: всякое дерево, не приносящее доброго плода, срубают и бросают в огонь».

Неужели мы дошли до такого конца, что надо под корень срубить почти засохшее дерево? А кто его попытался оживить, поливать, убирать совсем сухие ветви? Он устало закрыл глаза.

Иван, как и всё его поколение, смотрел по телевизору разные политические программы, по-современному — шоу. Проникал сознанием в новое представление о мире, с надеждой ловил всё, что могло относиться к достижениям ещё молодой страны. Хотел убедиться, что выбор нового пути в девяносто первом году был сделан правильный. Многие достижения действительно радовали уставшую душу. Он видел переполненные полки магазинов — вначале тех, советских, приватизированных «активными ребятами», потом стали появляться совсем не наши

огромные торговые центры, в основном на бывших площадях полуразрушенных и разворованных заводов и фабрик. Постепенно стал забывать прошлую пустоту прилавков. Видел, как молодые семьи начали приобретать квартиры, делать евроремонт, покупать вначале подержанные иномарки, потом новые и всё более мощные машины. Знакомые стали ездить за границу погреться на песках южных морей. Что в этом плохого? Но что-то беспокоило, давало о себе знать и вызывало вначале слабую тревогу, которая с годами усиливалась. Не было в душе той цельности и полноты жизни. Не хотелось смотреть на блеск автомобилей и богатство новых домов. Чего-то существенно не хватало. Он видел, что молодые «десятели», в основном демократы девяностых годов, а с ними и растущие стремительно в своих богатствах, вдруг возникшие ниоткуда бизнесмены, обманули его и весь народ, который хотел трудиться в своём государстве, получать от своего труда и богатых природных ресурсов достойную зарплату. Не меньше его беспокоила и сама «сошедшая с рельсов» демократия. Он опять стал голосующим, но не выбирающим тех, кто руководит районом, областью, страной. Он опять, даже в большей степени, стал никем. Как тут будешь спать спокойно? Да и годы ушли, новые поколения думают по-своему. С горором, амбициями, какими-то неясными новыми ценностями. Иван видел в их колючих глазах жёсткое: «Отойди, дедок, не мешай!»

Давно разойдясь с партией, её идеологией, многим таким, что называлось жизнью при социализме, Ивану стало казаться, что всё вокруг насыщено ложью, неправдой, иллюзиями, что жизнь простого человека и даже просвещённого, продвинутого в новом пространстве и времени, отдаёт пустотой. Церковь, занимая всё новые пространства, не овладела душами большинства людей, небольшое богатство или просто достаток не только остановился, но и стал падать вниз. Чиновники всех рангов безбожно воровали («пилили») бюджетные деньги), верхушка бизнеса обогащалась невиданными темпами и стала не замечать народ. Она жила по своим законам, народ — по своим. Иван стал задумываться. Он давно не воспринимал призывы и действия преемника своей бывшей партии, ставшего также пожизненным лидером, но уже был готов во многом поддержать её слабые попытки найти своё место в общем политическом процессе. Маятник жизни стал склоняться в обратную сторону. Но остановился, утратив энергию пружины, которая называется — Цель.

Что им Даннинг — Крюгер?

Кадровая политика нового главы стала вызывать всё большее удивление у подчинённых чиновников и активной части населения. Василий Иванович Стенин, начальник первого отдела (секретного) администрации, не был новичком в своём деле,

он пережил уже несколько глав района. Работал уверенно, всегда спокойно общался со своими руководителями. Но с приходом последней главы внутри него что-то надломилось. Он видел, как молодой помощник, Руслан Сергеевич, изобретает казуистические схемы, подставляя под увольнение то одного, то другого чиновника с опытом работы, глава ставит на их место неизвестных, приглашённых с других мест якобы специалистов. У аппаратных работников, начальников служб и предприятий постепенно исчезло чувство солидарности, доверия друг к другу, они перестали советоваться между собой и откликались только на вызов главы или его помощника. Страх за себя и будущее своих семей поселился в душах сотрудников администрации, спешащих пробежать в пустых длинных коридорах власти. Особенно это обрело необратимый характер, когда в штатное расписание возвратили упразднённую ранее должность заместителя главы администрации и назначили на это место известного нам помощника главы, Руслана Сергеевича. Должностная инструкция давала ему неограниченные полномочия и реальную власть над чиновным и служивым людом. Он объявлялся куратором районного совета депутатов, председателем окружной избирательной комиссии, руководителем аппарата администрации и куратором силовых ведомств.

Опытные руководители в сторонке от места работы недоумевали. То, что глава провёл вместе с помощником сомнительную операцию, унижающую достоинство сотрудников аппарата администрации, — ладно, переживём, у него есть право ставить на высокий пост кого считает нужным. Но что будет дальше? Доверительно общались между собой люди знающие, они преодолели не одно испытание, прошли множество курсов по переподготовке, в том числе и в региональной школе государственной службы, сдавали десятки экзаменов, тестов, особенно когда шли на повышение по службе.

Евгений Леонидович Корнев возглавлял районные электросети, отличался эрудицией и независимым характером. Своими глубокими вопросами или замечаниями часто ставил в тупик своих коллег, а иногда и вышестоящее начальство. В узком кругу он порой пытался сверить свои мысли с тем, что думают его друзья.

— Друзья, вы наверняка читали о принципах Питера, об эффекте Даннинга — Крюгера, тем более книги Карнеги? Карнеги у нас много издавали. В них пишется об этике отношений между людьми, особенно в деловой обстановке. Даннинг же прямо писал о той особой уверенности в себе и своих силах тех, кто не понимает, что их знания далеки от того, что они о себе думают. О нас же такие персоны думают, что мы не можем быть сведущей, опытнее их самих во многих

вопросах. Беда ещё в том, что окружение будет с ними соглашаться и проводить их линию в практическое дело. Недавно на депутатских комиссиях рассматривали вопрос о закрытии аэроклуба. Его руководитель, конечно, сделал много ошибок, пренебрёг требованиями административного руководителя учреждения, в котором арендовал помещение. Вместо того, чтобы разобраться и оказать организаторскую и юридическую помощь, как это было раньше, Руслан Сергеевич занял формальную позицию с юридической точки зрения. Его не тронула судьба детей, которые остались без любимого занятия. Проблема не решена, всё осталось в подвешенном состоянии. А ведь этим клубом три десятка лет занимались и партийные, и советские руководители, помогали и морально, и деньгами. Клуб работал. Сколько мальчишек и девчонок прошли здесь школу, научились летать, прыгать с парашютом! Это и патриотизм, и закалка мужеством. Я сомневаюсь, что с книгами, о которых я только что сказал, как-то знакомился глава, тем более его новоиспечённый зам. Скажите, я не прав? Ни по одному признаку, ни деловому, ни моральному, его протезе не подходит. Это что, издевательство над нами? А посмотрите, кого он поставил управлять учреждениями культуры! Женщина себе на уме, нравится ей командовать подчинёнными, но здесь же думать надо, культуру иметь ещё и личную! Кто будет заниматься инвестиционной политикой в администрации, конкурсами по торгам? Все они — новые люди из-за пределов района, неизвестные нам. О том, какие они будут принимать решения, да уже принимают в закрытых от глаз народа кабинетах, я вообще молчу! Значит, он ставит некомпетентных людей, а может, знатоков, «пилить» бюджетные средства «как надо» и с намерением управлять всем самому?

Да и не один был такой Корнев. Сомнения в действиях новой команды главы района проникали в сознание многих активных и ответственных руководителей, неравнодушных специалистов и рабочих.

Его поддержал сосед по саду и коллега по работе Виктор Сергеевич:

— Да! Он сознательно ставит на ответственные должности своих друзей и бывших коллег. Почему игнорирует испытанные местные кадры — это пока вопрос. Но время проявит его истинные намерения и возможности.

Виктор Сергеевич в начале реформ состоял в партии «Пенсионеры России», а после слияния её с другими партиями перешёл во вновь образованную «Справедливую Россию». Убедившись, что ничего нового от неё не дождётся, покинул организацию. И стал беспартийным, но с партией настоящей справедливости в душе.

— То есть создаёт свою команду, не доверяя ко- ренным жителям и всем испытанным руководящим

кадрам, — продолжал Виктор Сергеевич. — Укрепляет позиции отделения правящей партии в районе. Её влияние будет посильнее той, нашей — «руководящей и направляющей». Она стала фактически политическим монополистом в стране. Без действительных советов, профсоюзных организаций, комсомола. Не видно, чтобы какие-то другие партии и общественные организации имели хоть какое-то заметное влияние. Все знают, что лидеры этих партий давно пользуются благами высшего руководства страны. Оно реальную оппозицию к власти и близко не подпускает. Но в этом виноваты сами партии и их начальники. Они даже на звание лидеров не тянут. Смешно смотреть их выступления с серьёзным видом, «надутыми» губами и аристократическими жестами. Комедия!

Читатель, я не сказал подробно о том месте, где велись эти «крамольные» разговоры. Но вы сами догадались: конечно, в саду (на даче)! Что такое сад? Это обывательская поэзия двадцатого века, средоточие реального нелёгкого физического труда, творческого вдохновения и настоящего дружеского общения. Начальники цехов на заводе порой смеялись, глядя на рабочих:

— Нароботались, пришли сюда отдыхать.

Но люди держались за примитивные рукодельные «хоромы» и клочки земли. Садоводов объединяло ещё воспоминание о том, как и где они добывали материалы, чаще всего бывшие в употреблении — от разобранных строений на производстве, строительных площадках. Ездили по деревням и леспромхозам, в областной центр в поисках всего необходимого для строительства. Поэтому ценность той частной собственности возрастала во много раз. И «садоводы-дачники» держались за неё, считая своим загородным помещем. Ко всему, был закон, ограничивающий площадь строения и участка, его высоту. Долгое время запрещалось строить бани. Но жизнь, словно корни вековых деревьев, расширяла пространство, обходила препятствия и приносила свои плоды. Хозяева участков делились опытом строительства. Непросто было осваивать новую специальность даже инженерам, особенно специалистам бюджетных организаций. Многие из них впервые слышали о технологии рубки сруба «в лапу», «в чашу», «ласточкин хвост». Почти никто не брался сам сложить печь. Искали печников среди пенсионеров, родителей своих друзей, или ездили за ними в деревни.

О дружбе на садовых участках можно было рассуждать только с некоторыми оговорками. Собственность хоть и маленькая, но правила остались ещё те, старые. Здесь и конкуренция, и зависть, и громкие стычки с соседями, не убирающими вовремя сорняки и мусор или продвинувшими забор в сторону соседа на двадцать сантиметров. Не подумайте, что это мелочи. Из-за них порой

и судились. И даже доходили до Верховного суда. Такие неизбежные обстоятельства подталкивали настоящих садоводов находить себе добрых соседей и негласно составлять группы по интересам. Особую роль здесь играли коллеги с места работы и настоящие друзья, которые собирались в редкие выходные дни, топили баньку во дворе, парились, накрывали обильный стол. Кстати, о «баньках». Рубленая из кругляка или собранная из бруса, с самодельными, сваренными втихую на каком-то предприятии стальными печами, с баком для нагрева воды, она всё больше закреплялась на участках и вместе с домиком заменяла городскую стандартную и бездушную квартиру в хрущёвке. Сразу оговорюсь: не примите этот эпитет как дискредитацию самой идеи строительства панельных домов по всей стране. Она была своевременной и значимой для народа. На дачах проводили отпуск, если не уезжали из города, здесь готовили на зиму соленья и варенья, приучали детей к труду. Надо признаться, это их не особенно радовало, дети находили тысячи отговорок, чтобы остаться с друзьями в городе, уйти на берег реки или отправиться в поход с классным руководителем. Почти никто из взрослых не чурался пить водку, а с девяностых годов активно употреблять самогон. Хорошие напитки становились недоступными или контрафактными. Садоводы хвастались друг другу, что у них «чистый» напиток, дважды прогнанный через аппарат, в него добавлены кедровые орехи или полезные травы, и что никакой «отравы», как водка из магазина, не представляет. Люди отворачивались от множества бутылок с красивыми этикетками на полках магазинов и уличных киосков, сокращая тем самым потребление опасного продукта. Но это не мешало политическим деятелям и журналистским пропагандистам говорить с экранов телевизоров и высоких трибун, что в стране в целом снижается употребление крепкого алкоголя. Не увлекаясь излишне крепкими напитками, в компании пели песни, веселились, скрашивали общение смачными анекдотами. Это был настоящий народный фольклор с «изюминкой». Вперемешку шли разные жанры: политический, чаще всего — интимный, личностный. Про армянское радио, про чукчу, про Василия Ивановича и Анку с Петькой, про евреев, про русских недотёп. Одно время много было анекдотов про Хрущёва, потом — про Брежнева, в семидесятые-восьмидесятые годы — про Штирлица. Анекдоты воспринимались весело, со смехом. Но был от них и осязаемый осадок за несовершенство собственной жизни. Народное творчество — неиссякаемый источник мудрости, острого восприятия действительности, хлёсткого юмора, уничижительных оценок, эротики. Во всём положительном живёт антипод. Он обязательно покажет себя. С первыми анекдотами

политические или деловые разговоры здесь быстро прекращались, да и велись они с какой-то озабоченностью, без злости или той жёсткости, которая случается на грани больших потрясений. Люди отдыхали и больше говорили о делах семейных, о «болячках», планах на будущее. Жизнь и природа переваривали, перемалывали и рассеивали во времени невзгоды и тревоги. И не было им дела до какого-то Даннинга — Крюгера...

Рейдер?

Давайте вернёмся к нашим известным героям. Почти одновременно с утверждением и вознесением на политический олимп своего помощника, глава начал операцию по продвижению бывшей сотрудницы, оставленной ранее где-то на своём карьерном пути. Он шёл к своей цели, словно ледокол в холодном безмолвии льдов. В один из осенних дней директору городской библиотеки позвонила секретарь приёмной главы района и сказала, что через час к ней зайдёт Георгий Георгиевич, встречайте! Директриса и сотрудники дворца знаний обрадовались. Не часто такой гость мог позволить себе зайти в учреждение и посмотреть, поговорить, оценить достижения или обозначить те проблемы, которые на уровне администрации и районного совета надо безотлагательно решать. Женщины второпях начали поправлять причёски, убирать лишние бумаги и книги со столов. Они вскипятили воду и приготовили душистый чай из местных трав. Не зная вкусов главы, на всякий случай положили рядом пакетики с лучшими образцами индийского, краснодарского и других престижных видов сухого напитка, достали коробку конфет, печенье и стали ждать. Глава открыл дверь библиотеки ровно через шестьдесят минут от звонка и приветствовал встречавших его сотрудников библиотеки. Бывалые работники заметили, что он проявил некоторую сдержанность, даже холодность при коротком знакомстве. Быстро снял куртку, посмотрел на встречающих скользким безразличным взглядом. Директора библиотеки, Татьяну Игоревну Светлову, приветствовал лёгким поклоном головы. Движением правой руки поправил чёлку на лбу и сказал, что хочет полистать несколько отчётов и осмотреть помещение. Все сразу забыли про чай и направились в кабинет директора. Глава задержал директрису и её заместителя, предложив остальным сотрудникам идти на свои рабочие места. Обращаясь к Татьяне Игоревне, велел вызвать бухгалтера. В воздухе сразу повеяло духом известной бюрократической проверки. Тем не менее она была загадочна и непонятна женщинам. Пока бухгалтер шла с отчётами, стояла неловкая тишина, и заметно было, как учтивые дамы волнуются. Одна стала неловко перебирать бумаги на столе, другая остановила взгляд на манжете рубашки с дорогой

запонкой. Бухгалтер появилась через несколько минут и держала в руках две объёмистых папки с отчётами. Волноваться было незачем, так как отчёты проверялись в комитете по культуре и финотделе администрации. Всё в них соответствовало нормативам и строгим правилам. Глава, опершись на широко расставленные локти вокруг папок с отчётами, начал читать:

— Так, сравним книговыдачу с посещаемостью и нормативную нагрузку на персонал. Считать умеете? Видите, что штаты у вас раздуты, на полторы единицы не соответствуют нормативу?

— Георгий Георгиевич, так ещё год назад наше министерство культуры уменьшило штатную нагрузку на персонал для всех городов.

— Это касалось только региональных библиотек, — объяснил глава причину снижения нагрузки.

Опытные сотрудницы сразу поняли, что глава хорошо подготовился к встрече. Но зачем ему такие мелочи?

— Нам разрешили, — робко заметила заместитель директора.

— Кто вам разрешил? — продолжал гость-начальник.

— Администрация города!

— По-о-нятно! Только вы знаете, где сейчас эта администрация?

Молчание!

— Ну, нет худа без добра, — заключил загадочный посетитель и направился к двери.

Через несколько дней директор библиотеки получила постановление администрации района. В преамбуле отмечалась важность библиотечного дела, в целом выполнение планов и освоение средств, а в постановляющей части было написано: «Назначить заместителем директора библиотеки Елену Романовну... Предоставить ей права заместителя начальника управления культуры района на общественных началах. Директору библиотеки за счёт экономии ставки методиста по штатному расписанию начислять заработную плату на вновь введённую штатную единицу. В срок до... выделить кабинет и сделать текущий ремонт. Обеспечить техническое содержание заместителя директора за счёт внутренних резервов».

Конечно, этот документ был оформлен по всей строгости канцелярского дела, фразы разбиты на пункты, пункты пронумерованы. Стояли дата исходящего документа и его номер. Ниже — глава района... и подпись. Подпись (неразборчивая) в виде удлинённых ласточковых крыльев. Таких размашистых и бессмысленных вроде бы крыльев. В них была воплощена вся мощная энергия большого начальника и таинственность его характера. Но сотрудники библиотеки где-то читали, что неразборчивая подпись — это и пренебрежительное отношение к тем, кто будет читать документ; в этом скрыта не только небрежность, которая присуща

слабым руководителям, несобранным, недостаточно грамотным. Здесь сотрудницы библиотеки усмотрели закрытый, «тёмный» характер личности главы. Недоверие сразу поселилось в их душах.

На следующий день в обычном режиме глава проводил в зале заседаний администрации очередное совещание с исполнителями, которое называли планёркой. В заключение он объявил:

— Коллеги, довожу до вашего сведения, что я назначил своим советником на общественных началах руководителя муниципального ресурсного центра Елену Романовну...

Сотрудники библиотеки заволновались. Это постановление лишало их части запланированных расходов, они не поняли роль нового зама и как будут взаимодействовать с коллегой. Но гадали, что она будет стоять над всеми и какие-либо жалобы «наверх» закончатся для них неприятностями. Женщина под таким прикрытием — двойное зло и опасная непредсказуемость. В коллективе повеяло холодком, все как бы сжались в ожидании чего-то нехорошего.

Красота работе не помеха

Елена Романовна, директор ресурсного центра, конечно, мечтала о счастливой личной жизни, надёжном муже, двух или трёх милых детях. Как деятельная, инициативная личность, она не менее мечтала об удачной карьере, которая помогла бы ей осуществить свои вдохновенные проекты и в лице хотя бы активной части населения получить признание за свой полезный вклад в развитие гражданской инициативы районного сообщества. Прежде чем говорить о её планах и первых шагах на рабочем месте заместителем директора библиотеки и советником главы города, посмотрим хотя бы вскользь на её портрет. Вы сразу поймёте, встречались ли ещё вам такие персоны в жизни. Я уже говорил, что это была молодая, лет тридцати с небольшим, симпатичная женщина. Как выяснится позже, замужем не была и детей не имела. Густые тёмно-русые волосы с мягким, почти чёрным оттенком волнами ложились на её круглые полные плечи. Это была повседневная причёска. Такого образа она придерживалась в своё рабочее время. Но если готовилась к празднику и хотела себя представить в образе прекрасной дамы, то заказывала сложную художественную причёску, требующую, кроме многочасового труда стилиста, ещё и его истинно фантазийного воображения. Выразительные узкие брови и веки с наращёнными ресницами, лёгким макияжем очерчивали главный живой элемент чуть круглого лица — чёрные глаза. Они могли пронизать из глубины зрачков невидимым лучом и заставить смутиться собеседника или кротко взглянувшего на неё случайного соседа по креслу на банкете или

в каком-то зрительном зале. Даже опытный собеседник из числа мужчин чувствовал её гипнотическое влияние. Как и всякая свободная женщина равного с ней возраста, Елена Романовна умело и в меру использовала дорогую косметику, слегка оттеня живым цветом и без того приятные налитые энергией щёки — «ланины», как сказал бы Гомер. Или Пушкин: «как розы пламенных ланит». Неброская, мягкого цвета, губная помада лишь слегка подчёркивала гармонию её лица. Женская красота вызывает поэтическое настроение у мужчин. Но есть дамы, которые в рамках профессиональной стези просто обязаны на всё смотреть критически, считать своё мнение определяющим в людской среде. К ним можно отнести журналистов. Не тех, кто изучает дотошно человека, его психику, мотивы поведения, а кто гоняется за сенсациями, ищет «жареные» факты, кому дела нет до внутреннего мира человека. Вот он видит его так, и точка! Увидела представительница «острого пера» чуть полные груди, повыше среднего размера, и вот она — характеристика на страницах газеты! Но ведь репортёрша знала, что мужчинам может наверняка нравиться такая особенность, но не побоялась немного подтрунить над нашей героиней. И у мужчин могут быть некие сомнения в гармонии прекрасных дам. Заметим вскользь, без иронии, что шаг Елены Романовны отчасти был женским, отчасти — по-мужски деловым. Она шла уверенно, но слегка покачивалась, словно на дорогой яхте. Общее созерцание её движений подсказывало наблюдателю, что эта женщина, кроме приятного общения, способна на решительные поступки и продуктивные действия. И мужчина в противодействии ей может проиграть или позорно быть загнанным в угол. Это подтвердили её первые шаги в должности директора ресурсного центра. Проницательный читатель упрекнёт меня в банальности описанного образа, скажет, что я использовал избитые приёмы. Отчасти он будет прав: нет такого опыта в описании женщин, как у известных авторов. Особенно молодых плодovitых современных писателей, без тех старомодных понятий и правил, которые только мешали раньше быстрому общению и прохождению науки любви за один вечер. Но я обязан был объективно приблизиться к реальному её отражению. И то, что буду говорить в следующих главах, к сожалению, скорее вызовет у неё огорчение или, во всяком случае, смущение. Нет, смущение как состояние, предохраняющее от необдуманных поступков, видно, не для неё. Хотя бы уже потому, как она приняла отремонтированный вне очереди кабинет, «любезно» потеснив детский отдел, как скоро получила мебель и оргтехнику. Не будем слишком придирчивы к Елене Романовне,

лучше поболеем за её успехи на творческом поле, где реально должны воплотиться в «застойной» жизни района дерзновенные идеи и планы.

Елена Романовна взяла на учёт и зарегистрировала все, какие были, социально-ориентированные общественные молодёжные организации, разработала программу конкурсов между ними, призвала объединяться ищущих, равнодушных молодых людей и школьников по интересам. Этого давно ожидали самые активные молодые силы района и особенно — районного центра. У формальной власти в лице комитета по делам культуры и молодёжной политики как-то не хватало времени на всё это в той массе плановых мероприятий и ограниченности бюджета.

Небольшие группы ребят уже занимались любимым делом. Самостоятельные объединения молодёжи и творческие клубы давали о себе знать. Каждый проявлялся по-разному. Кто-то испытывал себя в экстремальных видах спорта, приобретая специальные усиленные велосипеды — хардтейлы. Читателю не по глазам и слуху придётся обращение с их названиями и теми видами спорта, которые доступны подобным колёсным «ланиям». Что можно освоить на них? Мини-даунхилл, дуал-слалом, дёрт-джампинг, фрирайд. Приходится мириться с таким неблагозвучием, виной тому наша известная отсталость от «спартнёров». А дальше всё зависит от возможности покупать эти дорогие машины или ещё более совершенные, приспособленные действительно к жёсткой и опасной работе на них. Представьте себе, если вы не видели в кино или по телевизору, молодого райдера, который на специальном трамплине — дропе — совершает изощрённые трюки или скатывается с крутого утёса через горную щель и немислимую по рельефу поверхность, усыпанную камнями и остатками засохших деревьев. Вот здесь-то и нужна поддержка извне. Финансовая и профессиональная, тренерская. Ресурсный центр потому и назвали такимым, что он должен изыскивать ресурсы для такого рода занятий.

Долгое время в подвалах жилых домов несколько энтузиастов ковали металлические листы, гнули пруты и делали доспехи, мечи русского богатыря и шпаги средневекового рыцаря. Называется такое увлечение исторической реконструкцией и ролевым моделированием. На праздниках ребята показывали батальные сценки с владением таким самодельным оружием. Это была трудная работа по причине отсутствия нужных материалов, нормальных оборудованных мастерских и денег для приобретения всего необходимого. Опять же — ресурсный центр мог помочь в решении этих проблем. Если вы видели когда-нибудь альпинистов, собирающихся в очередной поход, то обратили внимание на их огромные столитровые альпинистские рюкзаки, верёвки с карабинами

и прочим инвентарём. Где, как и за какие деньги можно иметь всё это оборудование для сложных и опасных восхождений? Альпинисты обрашались к главе района и получали временно финансовую поддержку. Различные экспедиции энтузиасты готовили зимой и летом и не собирались оставлять своё увлечение. Значит, им нужна была более надёжная и постоянная поддержка.

Из Африки, а потом и Америки в семидесятые годы занесло в молодёжную среду увлечение необычным видом танца, больше похожего на гимнастику, с кручением на спине или голове. Называется он брейк-данс (break-dance). В областном центре энтузиасты этого нового вида молодёжной культуры в начале девяностых годов показали его в натуральном виде, прямо на полу вестибюля Дворца культуры. Комсомольские вожаки приняли новый танец с пониманием и сдержанным одобрением. Они в душе всегда были впереди своего времени. Конечно, если речь идёт о настоящих комсомольцах, а не политических верхоглядах. Одновременно в молодёжных компаниях и на концертах стали звучать напевные ритмичные речитативы с музыкальным сопровождением на определённые темы. Самодельные артисты эмоционально и торопливо рисовали картину или раскрывали сюжет жизненных переживаний автора, коллизий в отношениях с девушкой или политической проблемы. Это называется рэп. Рэперы тоже нуждались в поддержке.

Современная молодёжь, не зная моральных ограничений комсомольских времён, всё больше увлекается привнесёнными издалека танцами, которые смущают старшие поколения. Например, тверк, танец ягодиц (booty). Он тоже попал в Россию из Африки через Америку. Там молодые девушки этим танцем завлекали парней для интимных отношений. В России он приобрёл несколько благопристойный вид и распространяется, как и другие танцы. Но бороться с этим бессмысленно. Мы же знаем, как старшие поколения вначале воспринимали твист, рок-н-ролл, шейк, буги-вуги и что из этого вышло. Значит, остаётся только направлять их в культурное русло, находить подготовленных руководителей. Без денег эту проблему решать трудно, почти невозможно. Молодые ребята ищут новые формы самовыражения в танце, порой подражают кумирам, таким как Майкл Джексон, или изобретают с помощью профессионалов новые танцы. Часто они пересекаются с акробатикой, множеством её форм. Примером может быть Ролл-данс (Role dance) или Экзотик пол данс (Exotic pole dance). Культурным явлением, и не только среди молодёжи, стал балет «Тодес», множество стилей и форм которого вихрем врывается в нашу жизнь на том уровне и культурной отечественной основе, о которой можно сказать,

что это реальный шаг вперёд на поле современности. И молодые исполнители искренне и профессионально «зажигают» аудиторию.

Среди молодёжи много талантов. Одни сочиняют музыку и играют на музыкальных инструментах, другие пробуют себя в литературе, третьи пытаются исполнять серьёзные роли на самодельной сцене. Многие группы ребят оставались вне организованных властью форм, надёжных и профессионально обеспеченных. Парни и девушки жаждали свободы действий и реализации своих возможностей. Молодёжь тем и отличается от старших поколений, что её фантазия неизмеримо активнее и смелее, её энергия неисчерпаема, а стремление к достижению цели превосходит все материальные и бытовые проблемы. Тем не менее для самоорганизации нужны ресурсы. Такие ресурсы разумно было выделять не прямо заявителю, а через конкурсы проектов.

Пусть инициаторы, думала Елена Романовна, глубже осмыслят свои идеи, просчитают и спланируют действия, защитят их публично. Этим и занялась конкретно руководитель названного центра. Направление действий было выбрано правильно, оно реально могло принести пользу молодёжи. Опять же, этот пресловутый «дьявол». Он внимательно наблюдал и за Еленой Романовной, и за её покровителем. Был уверен, что такие люди обязательно попадут в его подслащённые сети. Он почему-то сомневался в качестве их духовного содержания. Сказал же один известный писатель такие слова: «Отравить жизнь добром — цель дьявола».

«Ямаха» на старте и шеф за окном

Город просыпался после тёплой ночи, ласкающей приятным ароматом распутившихся деревьев. Яркий солнечный шар на глазах прохожих поднимался над крышами домов, тополями, всё ярче освещающая вершины сопок. Его лучи отражались мягкой зелёной свежестью на утренних молодых листьях деревьев.

Миловидная молодая женщина, можно сказать, ещё девушка, с привлекательными и совсем не худенькими формами, в кожаной облегающей куртке, шлеме с опущенным визором, обрезанными на пальцах кожаными перчатками и в мотоджинсах, лихо развернувшись на японском мотоцикле «Ямаха», остановилась на минуту, включила айфон с наушниками, прочертила коротким движением пальца вверх сенсорный экран, и в наушниках послышалась музыка и голос Бориса Гребенщикова:

Не трать время,
Милая, не трать время!
Солнечный свет на этих ветвях,
С нами ничего не случится;
Не трать время!

Владелица «Ямахи» энергично вписалась в небольшую колонну байкеров. Вы узнали нашу героиню? Конечно, это была она — Елена Романовна. Кто её провожал? Небольшая группа молодых ребят. Ранним утром напрасно ожидать праздных зевак. Здесь были местные экстремалы, они с завистью стреляли восторженными глазами на такую «крутую» технику. Никто не заметил, как над площадью, в широком окне третьего этажа административного здания, раздвинулись жалюзи, вернее, развернулись их полоски настолько, чтобы видеть отъезжающую группу. Только внимательный прохожий мог различить фигуру в окне, знакомую всем горожанам.

Вместе со всеми Елена Романовна взяла курс на запад. Мотоцикл, поблёскивая на солнце хромированными деталями, уверенно издавал приглушённый урчащий звук от двухцилиндрового двигателя. Какая сила подбросила на столь крутую орбиту заместителя директора городской библиотеки — руководителя ресурсного центра? Может, романтика дальних дорог, может, последняя мода на байкерский антураж или желание найти верного друга на свой зрелый период одинокой жизни? Она вам на это ничего не скажет. Нравится такой образ жизни, и всё тут! Машина, мотоцикл, частые туристические поездки и походы, восхождения на заснеженные и обледеневшие горные вершины в компании закоренелых альпинистов радовали её счастливым досугом. Работа не отягощала молодого директора ресурсного центра, а только дополняла эмоциональный и деловой характер реальным разнообразным содержанием.

Надо пояснить, что означает этот самый ресурсный центр, на который её поставил руководителем глава района. В оное время центрами именовались солидные по концентрации ресурсов и своей значимости организации, профессиональные и финансовые: например, «Космический центр», «Центр подготовки офицеров внешней разведки», «Центр подготовки космонавтов», «Центр подготовки олимпийских чемпионов» и другие. Но с девяносто первого года центрами стали называть сами себя всякие мелкие коммерческие структуры, организаторы сомнительных влиятельных групп, крупные и мелкие предприятия торговли. Последних наверняка оказалось больше всего. Почему было не назвать центром одного человека, у которого в голове поселилась идея объединить молодёжь и организовать реализацию проектов с их участием? А если ещё молодых людей собирать время от времени вместе и демонстрировать какие-то задумки или готовые результаты бурной деятельности, то это уже тянет на звание «форум». Нищета духа начинается с громких слов.

Не подумайте, что наша героиня была по-особому, как женщина, близка к своему начальнику. У нас таких мыслей не должно быть просто

по определению, из уважения к прекрасному полу и тем немногим приличиям, которые сохранились от прошлого времени. Хотя сам глава непроизвольно и не раз объяснял собеседникам, наталкивая на подозрения, будто держал в кармане горячий пирожок, что у них чисто «деловые отношения». Деловые, и точка! У нас тоже не любовный роман, а политическая форма художественного произведения, то есть — серьёзная книга. Шутки в сторону!

Она — подруга молодого главы, а может, и подруга его жены, а может, её знакомая по курсам кройки и шитья, бизнесу по раскрашиванию тканей или модному салону красоты в областном центре — и всё тут! Наверняка работали вместе где-то. Конечно, работали. Думайте что хотите, всё равно ваши мудрствования ничего нового не принесут. Такое вот мёртвое время, в прошлом копаться некогда и незачем. Да так ли это важно жителям главного районного городка, если она уже здесь и у неё есть крепкий спутник-проводник? Деловая дама, Елена Романовна, — не путайте с бизнесвумен, которые зарабатывают свои деньги в поте лица своего, со страхом за завтрашний день, — заметно отличалась от начальницы «культуры» интеллектом. Замечу, что почти все работники комитета по культуре и, конечно, городской библиотеки далеко превосходили Марию Ивановну Батыгину в этом качестве. Все понимали, что именно Елена Романовна станет фактическим руководителем комитета, но будет действовать выборочно, там, где ей будет выгодно, не вдаваясь во всю рутину этой сложной и ответственной работы. Вполне закономерно, что у самостоятельного директора ресурсного центра, свободного от административного влияния, защищённого от всех коллег своим протезом, начала проявляться способность инициировать полезные дела, собирать команды единомышленников, увлекать их новой идеей. Слово «начала» — ещё не свидетельство того, что последует полный успех и признание и что она в итоге справится со своим предназначением. Такое начало подобно лёгкому восхождению на высокую вершину горного пика. Если ты опытный, знающий альпинист, то учтёшь все возможные обстоятельства и подстрахуешься даже от небольшого ночного обледенения или случайного снегопада. В жизни, как и в походе, может случиться всякое. «Чем чёрт не шутит», — мудрая поговорка. Вот и с нашей героиней, коли она, вопреки воле коллектива, его мнению и поддержке, решила брать собственные высоты в масштабах всего района, могли случиться разные неприятности. Всё ли она учла? Заручилась хотя бы моральной поддержкой самого опытного человека в коллективе? Или она доверилась только одному человеку, наделённому административной силой? Всё может хорошо сложиться, если тот самый мифический «чёрт» не «попутает». Мы ей этого совсем не

желаем. Чёрт или демон, сатана, Люцифер — всё равно, это одно и то же. Есть даже целые словари имён демонов. Вспомним Мефистофеля в поэме «Фауст» Гёте или Демона в поэме Лермонтова, Воланда в «Мастере и Маргарите» Булгакова, равно и многих других в произведениях классиков литературы. Эти метафизические существа в них, как правило, похожие на человека в воображении писателей, умели опутывать свои жертвы ласковыми и умными словами с целью погубить душу своей жертвы. Если сатана, пробравшись в Эдем, сумел совратить Еву, то какая сложность сбить с верного пути молодую женщину, ищущую свой особый путь в жизни? Тем более в незнакомом городе, районе, где рядом был один человек: авторитетный, молодой, энергичный, с идеей покоришь весь район, его столицу, сделать их обитателей счастливыми. Не сомневайтесь, то был истинный демон, который на крыле своих амбиций мог погубить душу нашей героини по классической схеме. Знаем же мы, что «благими намерениями дорога в ад выстлана». Для него, полного надежды и ослеплённого уверенностью в успехе дела, это было естественно и по всем правилам подобного жанра. Для жертвы — совсем нет. Разница между классическим демоном, знающим, что он и зачем делает, и реальным, из нашей текущей жизни, заключалась в том, что наш герой, с глубоким чувством собственного превосходства, не понимал, что творит. Здесь автор использует слово «творит» не в смысле окрыляющего творчества, а, напротив, в смысле разрушения. Не будем торопиться заглядывать вперёд. Надо убедить читателя, что финал подобных игр, особенно когда замешана женщина, зависит только от времени.

Он всё дежурит и наблюдает...

Елена Романовна так уверовала в силу своего начальника, что забыла о простых правилах работы в среде сотрудников. Кто успел так повлиять на её характер в прошлом и слепить в её лице неопределённую личность, которая, признаюсь, переоценивала свои возможности и не умела правильно выстраивать отношения среди людей, от которых зависел её успех? А может быть, умение здесь ни при чём? Если за спиной стоит сильный человек, имеющий власть, и не надо какого-то умения. Может, этого достаточно для успешной работы на той площадке, которую сама же и придумала? Не совсем — сама. Помните, идею подал глава? Её задача — наполнять смыслом новацию и не обращать внимания на нытиков вокруг.

В библиотеке Елена Романовна формально числилась вторым лицом после директора. Но все важные вопросы напрямую решала с самым главным человеком в районе, как будто по родственному признаку. Было похоже на то, что она действительно второе лицо в районе — как бы тенево-

Через неделю от начала своей деятельности Елена Романовна встретила в холле библиотеки заведующую отделом комплектации и спросила:

— Как дела?

— Да всё нормально! — ответила сотрудница.

Елена Романовна вдруг отвела её к ящичкам с тематическим каталогом и продолжила:

— Анастасия, слушай, а ты не хотела бы стать директором библиотеки? Смотрю на тебя, ты человек деловой, но скромный, подруг здесь не водишь, мы бы сработались. А?

Анастасия Николаевна недоумённо посмотрела на неё, смутилась и взмахнула обеими руками:

— Да что вы? Я с отделом-то едва справляюсь, да и двое детей, некогда будет ездить в командировки и на всякие совещания ходить. Спасибо, конечно, за доверие, извините, пожалуйста.

Самая главная опасность таилась в деньгах. Елена Романовна вначале не беспокоилась о включении расходов на нужды центра в план библиотеки, согласовании его с финансистами районной администрации и депутатами, а прямо заявляла директору, что ей надо перечислить определённую сумму на такие-то мероприятия. Для руководителя библиотеки это было неожиданно, так как финансовый план давно был свёрстан, и надо жертвовать утверждёнными мероприятиями. За ними стояли исполнители, заранее велась подготовка. Но не это больше всего пугало директора библиотеки как должностного лица. Любой финансовый инспектор мог задать вопрос: «А почему этого нет в плане, почему вы выделили незаконно деньги на такое-то мероприятие? Это нецелевое использование средств».

Всякий служащий, кто имеет дело с финансами, знает, что подобное нарушение приравнивается к присвоению бюджетных средств. Значит... значит, могут прийти стражи законов. Читателю, конечно, понятно, что полученными Еленой Романовной средствами надо было честно, по-хозяйски, распорядиться, быть справедливой в проведении конкурсов и распределении денег по самостоятельным коллективам. Но жизнь, вопреки здравому смыслу, разворачивалась совсем в другую сторону. Здесь-то уж наш непременный спутник — помните, я называл его дьяволом? — дежурит днём и ночью. Он никогда не спит и наблюдает, как должностное лицо нарушает всякую логику поведения, самоуверенно принимает решения. Видит, что его не покидает назойливое ощущение собственной власти, которое подталкивает жертву изнутри, будто пружина, и что у него только одна опора — на более сильную власть рядом. Криво ухмыляясь, наш воображаемый персонаж потирает косматые лапки. Что ему вот это телесное существо — несуществующему существу, воплощённому метафизически только в своём влиянии на души жертв? Душа! Её ни пощупать, ни увидеть.

Но она черпает энергию извне: положительную и отрицательную. От этого зависит процесс развития личности или её распада.

Мы хорошо знаем, как воспринимают назначенного сверху руководителя коллеги, особенно «сдвинутые» им на второй план, бывшие первые лица. В те строгие времена, то есть до девяносто первого года, партийные боссы и крупные хозяйственные руководители старались не показывать роли и влияния своих жён на служебные дела, тем более близких по общению женщин. Если не хватало ума и сил реально отдалять их от себя хотя бы для видимости, то всячески пытались, пряча глаза, объяснить своему окружению исключительную роль близкого человека. Последний генсек нарушил этот порядок, и сами видели, чем закончилось всё. Потом мэр столицы посчитал свою жену «самой умной женщиной в стране». Потерял должность. Но со временем всё «рассосалось». Наступили такие времена, что сама женщина стала на уровень с мужчиной, даже порой выше, если она успевала овладеть деньгами и властью. Сразу оговорюсь: деловая женщина или стремившаяся к тому. Откуда и какого она рода-племени — не важно. Может, бывшая соседка по парте, может, подруга моего друга. А бывает, и просто сослуживица делового мужчины, правильно понимающая, как распределять финансовые потоки, и умеющая хранить тайну. Так что женщина в наше время стала ещё большей загадкой не только для мужчин, но и для «компетентных органов».

Жизнь продолжается

Елена Романовна печатала на компьютере заявку на участие в очередном областном конкурсе, когда её работу прервал переливчатый сигнал смартфона. На сенсорном экране она увидела знакомое ей лицо Руслана Сергеевича. Он загадочно улыбался.

— Леночка, хеллоу (hello)! Как ты там? Не замучили тебя «любимые» коллеги по библиотеке? Как настроение? При любом раскладе хочу добавить положительных эмоций. Догадываешься? О чём мечтала последнее время?

— Да много о чём. Говори скорее. Спешу отправить заявку на конкурс!

— Подношу с реверансом! Тебя направляем в столицу на курсы менеджмента в молодёжных самодельных организациях. Месяц потусуешься среди столичных профессоров и депутатов, да и коллег из других городов, наберёшься новых знаний, идей, будет чем просвещать твоих «ягнят».

— Ну, убил наповал! Спасибо!

Месяц пролетел как одна неделя: лекции, круглые столы, диспуты, реферат, музеи, театры, да и ресторан на выходе.

Лёгкой походкой с едва заметным морским пошатыванием она торопливо вошла в вестибюль библиотеки, на ходу лёгким поклоном поздоровалась

с гардеробщицами и пробежала по лестничным ступенькам на второй этаж. Замечу, что с работницами скромного уголка, отгороженного узким парапетом, некоторые важные визитёры вообще не здоровались. Есть такие посетители «с улицы», которые ещё не дочитали нужных книг, особенно по этике.

Но один случай дежурным в раздевалке женщинам запомнился, думаю, до конца жизни. Как-то после обеда «влетела» в вестибюль знакомая уже читателю «начальница» комитета по делам культуры и молодёжной политики, уважаемая Мария Ивановна Батягина. Она спешила на совещание с директорами учреждений культуры, с ходу бросила свою куртку на стойку выдачи одежды и «вежливо» изрекла гардеробщице:

— Так, давай быстро! Я опаздываю!

— Да никто без вас, Мария Ивановна, не начнёт, не расстраивайтесь!

— Ты кто такая — мне указывать? Чучело!

Нелегко, наверное, было найти такого уникального руководителя «культуры» целого района. Да и в области найти проблема. Но — нашёл же глава где-то её, «по доброте души». Значит, надо подробнее остановиться на её ярком, незабываемом образе и «достижениях».

Начнём с того, что с первого дня работы Марии Ивановны руководителем комитета по делам культуры одна местная «всезнающая» газета сразу выдала информацию о её «никаком» образовании. Может, корреспонденту так показалось с первого взгляда. Такое бывает, если спешить и не проверять факты. Темпы жизни теперь другие, всё некогда! Справедливости ради заметим, что у Марии Ивановны был диплом, скорей всего, не купленный, а заработанный напряжённым умственным трудом в техническом университете. Хотя это и была заочная учёба, но тем трудней она достаётся студентам, загруженным по месту жительства работой. Не это важно, многие инженеры становятся на жизненном пути гуманитариями, работниками культуры, социальной сферы, артистами, писателями. Почему не стать и Марии Ивановне к тридцати годам активной жизни работником управления культуры, и не важно, с каким дипломом об образовании? Она неплохо знала людей, как мы уже убедились; постоянные поездки в Китай и Турцию, посещение множества магазинов и рынков, конечно же, обогатили её опыт. А прикосновение к зарубежной культуре? Не один «Гранд базар» привлекал её внимание. Только музей (собор) Святой Софии чего стоил! Отсюда и кругозор, знание десятка иностранных слов и географии. Сами видите, как уверенно и энергично она взялась за свою новую работу. Конечно, Мария Ивановна понимала, что её специальных знаний и опыта не хватает, чтобы убеждать подчинённых ей специалистов: педагогов музыкальной школы, режиссёров самодельных коллективов Дворца культуры, библиотекарей

и даже бухгалтеров централизованной бухгалтерии. Она по своим служебным обязанностям должна была обоснованно ставить задачи перед руководителями учреждений, грамотно подводить итоги работы за полугодие и год, корректировать их справки с компиляцией в текст общего отчёта. Наконец, она должна была владеть в меру этих обязанностей языком устной речи. Совсем не ораторскими приёмами и хитростями убеждений, но доступными всем, понятными и простыми словами. Может, это она понимала, и её тяготила мысль о своей слабой подготовке, она замечала усмешки на лицах подчинённых ей специалистов, слышала шепотки себе вслед, ещё эта «вредная» газета разрушала её спокойствие и уверенность. Может, потому её речь была напористой, атакующей, сокрушающей мнимые препятствия, без признаков красноречия и ощущения реакции слушателей. Для пушей убедительности, хотя и редко, Мария Ивановна применяла весомые русские выражения из мужского лексикона. Надо отдать ей должное, она извлекала подобные выражения из памяти о прошлом только в женском кругу. Мужчин она стеснялась убеждать подобным «красноречьем» — потому, что боялась получить более квалифицированный изощрённый ответ.

«Железной рукой»

Было бы совсем несправедливо относиться к молодому главе района с долей сарказма, который всё же просматривается невольно на страницах нашего повествования. Будем объективны! Георгий Георгиевич Зарубнин с первого дня исполнения своих служебных обязанностей ревностно взялся наводить порядок в городе и посёлках. Как ни прискорбно вспоминать, два его предшественника многое упустили и, как говорят, «спустили район на тормозах». Кроме обычных проблем, с которыми сталкивались их предшественники, правительство создало новые, себе в угоду и как испытание для местной власти. Оно приняло закон о налогах, который сделал большинство регионов и, конечно, городов и районов дотационными. Теперь самым высоким руководителям на местах надо было обладать особыми качествами, чтобы доказывать высшей власти целесообразность затрат, их эффективность и своевременность. К тому же их обязывали подавать необходимые заявки на работы и материальное обеспечение через конкурсы. Без поддержки сверху и «понимания» деньги на развитие территорий получать стало во много раз труднее, чем прежде. Значит, и кадры подбирать стали по-новому. Читатель поймёт эту особенность, если будет внимательно смотреть на действия Георгия Георгиевича и оставит свой идеализм там, в до-девяностых годах.

Обильное цветочное оформление главного го-

рода, в лучшие годы насчитывающее до миллиона цветов разных сортов, зияло чёрными полосами земли без признаков жизни. Горожане вспоминали, как бригада женщин участка озеленения, сняв тёплые кофты в последние апрельские дни или в начале мая, обёртывали их вокруг талий, завязывали рукава на поясе и вскапывали чернозём на клумбах. Потом тем же составом высаживали рассаду по ранее разработанному плану, подбирая сорта цветов с их отличительным цветом в какую-либо композицию. Они гармонично вписывались в тему архитектурных форм и придавали общий живой и радостный фон всей городской застройке. За этим ревниво следил главный архитектор района. Осенью высаживали луковицы тюльпанов у здания администрации района, чтобы ранней весной они радовали горожан цветением. Это была широкая простая клумба с плотными рядами алых тюльпанов. Слева у бордюра на облицованном мрамором подиуме возвышался бронзовый монумент вождя. Справа и слева от здания вдоль улиц с наступлением стабильно тёплых дней высаживались длинными лентами рабатки. Маргаритки, бегония, виола и другие прекрасные создания природы пёстрым разноцветным ковром оживляли широкие тротуары и радовали глаза прохожих. Кто-то останавливался, внимательно всматривался в нежные лепестки и даже пытался прикоснуться к ним кончиком носа, вдохнуть ароматный воздух. Бригада участка озеленения ни на один день не останавливала работу, и город на глазах преображался. Появлялись новые цветочные и кустарниковые композиции, группы, расцветали миксбордеры, обустроивались альпинарии, оживали и обретали сказочные формы композиции из фигурок героев детских сказок. В середине июня мужские бригады озеленителей начинали стричь многочисленные живые изгороди, косить газоны.

Горожане ценили творческое оформление современных улиц и всегда с гордостью говорили гостям: «Здесь высажен миллион цветов!» Сейчас же, после десятка лет падения доходов в городской казне и безразличия некоторых главных руководителей города, всё стало приходить в запустение. Вдоль бордюров скапливались навалы плотного мусора, тополя перерастали и сбрасывали на дороги тяжёлые ветви во время порывистых ветров. Автобусы стали ходить с перебоями, знаменитый фонтан с бронзовой многофигурной композицией и двумя гранитными чашами, символизирующей мощь и красоту рек, потрескался, воду неоднократно перекрывали, пакеты от чипсов и окурки стали засорять ложе фонтана. Дети, те, которые не учились в местной художественной школе, глумились над произведением искусства знаменитого московского скульптора. Они разрисовывали цветными мелками и даже распылителями из баллончиков интимные места бронзовых фигур. Было за что браться с такой энергией, как у Георгия

Георгиевича. Он сутками находился на работе, появлялся неожиданно там, где его не ждали или нехотя выполняли его очередные поручения и приказы. Мы уже знаем о случае с сантехниками, не очистившими вовремя колодцы. Реакция на это, казалось, рядовое событие в городе была такой, что на следующий день о нём заговорили в магазинах и на автобусных остановках. Слесаря, как говорили в народе, немедленно уволили, а начальника службы понизили в должности. На очередной планёрке директор комбината благоустройства Евгения Озерова, опытная практичная женщина, дипломированный специалист, забыв о «скорой руке» главы района, начала по старой привычке объяснять Георгию Георгиевичу невозможность благоустроить в указанные им сроки автобусные остановки.

— На счетах комбината нет таких денег, — говорила она. — Жилищное управление вовремя не перечислило за работу, а кредитная линия уже закрыта.

— С директора жилищного управления мы уже спросили. Там новый руководитель. Но где вы сами были? Почему не требовали долг вовремя? В этом ваша прямая вина. Думаю, нам не о чем больше говорить, вы свободны.

Здесь автоматически повторился акт, подобный тому, как мы его описали в первой главе. Возмущённый рассуждениями, недопустимыми для его подчинённых, глава распорядился немедленно её уволить. Никто не попытался защитить женщину-руководителя. Её коллеги, опытные и решительные в масштабах своей организации, сидели молча, напряжённо вперив глаза в столешницы столиков, с каплями пота на шеях и бледными лицами. Жёсткий немигающий взгляд главы будто подталкивал её решительные шаги на выход. Мёртвая тишина провожала потерпевшую, которая гордо подняла голову и сильным ударом правой ноги с грохотом растворила дверь зала совещаний. Было раньше такое понятие: «открыть дверь ногой». Это условно значило войти в кабинет начальника по-свойски, без предварительного звонка или разрешения секретарши. Такие времена незаметно прошли. Но описанный прецедент говорит о том, что ногой можно открыть дверь в обратную сторону в случае возмущения и презрения к начальнику. Говорят, через пару месяцев, не сумев навести порядок в организации, глава справлялся о ней и сам хотел вернуть опальную руководительницу на прежнее место.

Между тем город стал медленно менять облик. Очищался, благоустраивался, понемногу оживал от недавней спячки. Главу все стали бояться, инициатива спряталась в головах умных руководителей. И в то же время внимательные люди замечали, что чиновники администрации, руководители муниципальных предприятий стали

угодливо хвалить действия главы, его жёсткость оправдывали ленью и ошибками отдельных исполнителей. Аппаратные работники администрации замкнулись, исчезло понятие коллектива, и сотрудники, ранее дружные и внимательные друг к другу, стали сторониться друг друга и никаких оценок происходящему не давали. Каждый думал о своём рабочем месте и боялся его потерять. Только иногда с хитрой улыбкой вспоминали прежних двух глав, при которых начался спад деловой хозяйственной активности. Может — осуждая их, может — сожалея о прошедшем спокойном времени. Георгию Георгиевичу надо было победить, доказать, что он может сделать город и район ещё лучше прежнего. Но как с этим справиться одному, без грамотных и опытных руководителей, самостоятельных в своих действиях, творческих, волевых, харизматичных? Куда они все попрятались? Вместо них всё больше угодливых, расчётливых, боязливых и безынициативных исполнителей, особенно среди тех, кого он приглашал по старому знакомству. Время отсчитывало дни, недели, месяцы, торопилось перейти первые новогодние праздники, встретить три весны и совсем забыло, что главное должностное лицо района не успеет сделать всё, что задумал, не всё разложил по полочкам: первоочередное и второстепенное. Потому случались периоды неподконтрольной текучки, необязательных отвлечений и ошибок. Его душа горела, как и всякого деятельного человека, но в ней не находилось времени и желания остановиться, взвесить и оценить свои деяния, осмыслить реакцию населения, руководителей служб и даже своих заместителей.

Зачем? Всё работает так, как сказал! И зачем мне ещё чьё-то мнение? Для того чтобы терять драгоценное время и потакать капризам подчинённых? Руководители, например, главного предприятия должны понимать, что я на территории наделён самыми высокими полномочиями и кланяться по разному поводу, как мои предшественники, не намерен.

Может, так он думал, может, иначе, и продолжал активно руководить районом.

Будни

Георгий Георгиевич вошёл в вестибюль пятидесятиметрового плавательного бассейна. Старожилы помнили, как трудно досталось району это красивое здание. Нескольким раз начинали строить и бросали из-за отсутствия средств. Но прежние «зубры» районной власти упорно стояли на своём, ездили специально в столицу, убеждали чиновников министерств всеми доступными средствами и «особым вниманием» — и победили. Быстротечное время оставило за бортом активной деятельности инициаторов проекта, первых исполнителей, и достройкой здания занимался

новый глава, которого поддерживал как своего покорного заместителя директор главного предприятия. О предшественнике он сразу забыл, что помогло торжественно, без похв и растаскивания «заслуженной» славы, провести торжественное открытие Дворца водного спорта с двумя бассейнами, сауной, тренажёрными залами, медицинским кабинетом и прекрасным современным оформлением интерьеров.

Добротное здание водного дворца блистало чистотой и радовало глаз посетителей продуманной по цвету и сочетанию мягких тонов раскраски стен. Одна из женщин продавала билеты в кассе, другая принимала гостей в раздевалке. Несколько работниц, закончивших уборку помещения, в голубых фирменных халатах и специально сшитых чепчиках с вышитой символикой, устало присели рядом на деревянную скамейку, окрашенную в приятный голубой цвет. Под потолком висел телевизор и излучал в уютное пространство «страхи» очередного заокеанского триллера. Женщины тихо посмеивались между собой, глядя урывками на экран:

— Застрелит или как? — предугадывали они финал фильма.

При появлении известного всем руководителя района технички вежливо наклонили головы и тихо поздоровались. Именитый гость, если можно его так назвать, сверкнул жёстким взглядом по короткому ряду «виртуозниц швабры» и решительным шагом направился в кабинет директора Дворца.

— Ты почему не занимаешься воспитанием своих подчинённых? — с ходу с язвительным напором в голосе заявил глава района. — Так думаешь и дальше принимать гостей? А если войдёт кто-нибудь из областной администрации или госкорпорации посмотреть на наш знаменитый бассейн? Ты ещё молодой руководитель, на первый раз я тебя прощаю, только вот персоналу оправдания нет. Там совсем не юные красотки, а опытные работницы, должны понимать, что они встречают главу района, а не бригадира сантехников. Ты понимаешь, что они должны были встать и приветствовать по имени и отчеству, стоять, пока я не пройду?

Глава района не махал руками, не сжимал в гневе кулаки, напротив, он ещё теснее прижал локти к серому пиджаку и сверлил взглядом молодого директора Дворца.

— Как ты с ними думаешь работать дальше? Тебе, наверное, надо помочь? Оформляй увольнение «по собственному желанию», всех, — тихо, но твёрдо заключил он.

Как видите, это было уже не новое явление в районе. Не впервые он увольнял работников. Если бы это можно было объяснить неисполнением производственных заданий или планов, тогда бы женщины поняли. Но чтобы просто так,

походя, — такое выглядело особо унижительным для скромных работниц, когда они, после ухода Зарубина, услышали о его решении от молодого директора. Женщины на мгновение ощутили себя рабами на плантации юга Америки. Не зря смотрели голливудские фильмы. Только уровень их сознания и воспитанности был выше руководителя. Потому они не обиделись, а только пожалели его. Знали: сколько верёвочке ни виться...

— Сам себя увольняет! Да мы и не оставим так, подадим в суд, напишем в газету, только не в нашу, а в ту, что он не признаёт.

Автору опять вспомнился Толстой с его мыслью о «чувстве, вследствие которого человек, совершая... безумные дела, как бы пробует свою личную власть, заявляя присутствие высшего, стоящего вне человеческих условий, суда над жизнью».

Вернёмся на минутку в кабинет директора.

Невысокий, на вид шуплый, а на самом деле тренированный спортсмен, молодой директор спортивного детско-юношеского клуба «Голубая волна» Николай Николаевич Пархоменко стоял, задумавшись, у своего кресла и пытался понять, что произошло. Совсем он был сбит с толку распоряжением главы. Такого не мог припомнить ни в своей жизни, ни общаясь с другими коллективами. По инициативе главы он всего два месяца до этого был назначен на должность директора, освободившись от обязанностей тренера по лыжным гонкам в другом районном клубе. Многие спортивные активисты недоумевали: почему лыжника ставят руководить развитием водных видов спорта? Но они ещё не знали, что это была промежуточная должность по замыслу главы. Главная будет впереди. Через месяц его назначат председателем районного спорткомитета, сняв с должности опытного, честного и уважаемого в спортивном сообществе чемпиона по биатлону. Последние пять лет районная спортивная организация занимала первые места в области по результатам всего комплекса спортивной работы, получала кубки и грамоты, благодарственные письма за подписью самого губернатора. Председатель спорткомитета также получал лестные отзывы о работе и личные награды. То, что случилось, понять никто не мог, а только встречные сотрудники и знакомые по работе люди сочувствовали и быстро проходили мимо, опуская глаза. Немногие, самые опытные, спортивные руководители начали связывать предшествующие события и факты в один узел. Поиск вывел их к областным фигурам. Заглянем за кулисы последних событий.

В кабинете главы зазвонил сотовый телефон, на дисплее обозначилась фамилия одного из министров областного правительства Андрея Сергеевича Стрелкова.

— Георгий Георгиевич, добрый день! Как у вас погода? Видимо, дожди так же заливают ваш район,

как и наш город, но вы, я слышал, уже подготовились к зиме, на станцию завезли хороший резерв угля, отчитались по урожаю, да и спортсмены ваши опять отличились, стали первыми в областном смотре спортивной работы.

— Спасибо, Андрей Сергеевич, стараемся! Наша команда руководителей муниципальных предприятий и организаций крепко взяла в свои руки хозяйство, навели полный порядок после развала прежней администрации, мои кадры надёжно и перспективно начали решать проблемы района, приезжайте, посмотрите.

— Я не сомневаюсь, правительство области относится к вам с большим уважением, считает район локомотивом развития области.

— Ещё раз спасибо, Андрей Сергеевич! У вас наверняка есть ко мне вопрос?

— Да! Знаете, мы здесь пересматриваем бюджет, появились кое-какие резервы, есть желание добавить вам на спорт хорошую сумму. Но не в целом на деятельность, а на строительство нового тренировочного корпуса на территории вашей спортивной школы, той, что отремонтировали в прошлом году. Мы предлагаем этот объект сделать областной спортивной школой-интернатом. Пусть ребята со всех районов поучатся у ваших спортивных мастеров.

— Будем рады, это превратит школу в настоящий спортивный центр областного значения. Мы сможем создать в ней все удобства для обучения и проживания ребят.

— Только сразу замечу, что могут возникнуть проблемы с вашим председателем спорткомитета. Неопытный кадр в таких делах, как я заметил. Всё ему не так да не эдак. Постоянно тормозил ремонт, придирался к сметам, пока мы не послали своего человека разобраться и поставить всё на место. Посмотрите по нему, если нужны деньги.

— Конечно! Деньги всегда нужны, потом оговорим детали. А с председателем разберёмся.

— Вас понял. Напишите письмо в адрес правительства с просьбой администрации района увеличить финансирование на объект. А пока — до свидания, Георгий Георгиевич.

Глава подержал задумчиво минуту замолчавший телефон в руке, потом медленно положил его на стол и внимательно посмотрел на известный читателю портрет губернатора.

«Турецкая» банька

Спортивная эпопея главы района на этом не закончилась. В городе Приреченске много лет работал тренером по футболу мастер спорта Антон Николаевич Быстров. Каждый год он привлекал в юношескую команду ребят с нестандартным поведением. Они, как правило, не раз вызывались на комиссию по делам несовершеннолетних, имели по несколько взысканий, а кому-то уже

грозила колония. Антон Николаевич был членом районной комиссии и внимательно приглядывался к подросткам. Он видел, что в семьях таких ребят у родителей не хватает времени заниматься воспитанием своего ребёнка. Причиной в основном было их увлечение «зелёным змием». Такие родители грубили сыну или дочери, не стеснялись применять в порыве гнева ненормативную лексику, а порой и силу. Подростки восставали против этого и начинали вести свой, независимый от родителей, образ жизни. Главной школой становилась улица, а учителями — сомнительные старшие «друзья». Антон Николаевич звал таких «сорванцов» посмотреть игру в футбол на стадионе, вёл с ними доверительную беседу и приглашал на тренировки подростковой команды. Здесь было на что тратить свой пыл и неуёмную энергию. К тому же состязательность и пример известных футболистов быстро увлекал их, и дети становились спортсменами. Тренер подготовил не одно поколение ребят и напутствовал их в самостоятельную жизнь. Футбол оставался их увлечением, а некоторые попадали в сборные команды района и даже области.

В каждом спортивном комплексе Приреченска тренеры со своими питомцами сделали по одной или даже по две сауны. Их посещение для спортсменов было обязательным. И старшие приходили вместе с ребятами. Сауна здесь больше напоминала баню, так как спортсмены иногда парились с помощью берёзовых веников и обязательно мылись после тренировок. Антон Николаевич за долгое время «парений» хорошо освоил технику подготовки веников, правильного их использования, знал допустимые температуры, мог сделать массаж. В целом получались оздоровительные процедуры, необходимые после активных тренировок. Этому он учил и ребят. Праздник бани описан во многих книгах и показан в сотнях роликов. Каждый опытный банщик имеет свою особенность вести лечебно-оздоровительный процесс. Кое-что они держат в секрете. Некоторые приёмы парения применяют только в присутствии взрослых, чтобы не навредить здоровью детей.

Таким приёмом была так называемая ими «турецкая» баня. Кто посещал бани в Турции, которые называют «хаммам», поймут, что ничего общего с настоящей турецкой баней она не имела, но само обозначение экстремального процесса этим названием придавало ему якобы классический, испытанный веками вид. И служило только реальным прикрытием экстремальных процедур. На втором или третьем заходе в парилку участников процесса на раскалённые камни сбрасывался целый ковш холодной воды, и каждый из участников, собравшись в комок, терпел жуткую температуру. Она немного не дотягивала до того уровня, чтобы спустить кожу с тела и развесить её на перилах парной. Конечно, то был сомнительный с точки

зрения врачей приём, но взрослым нравился. Они, конечно, рисковали своим здоровьем. Ребята о «турецкой» бане и не подозревали.

Как-то в воскресный день Антон Николаевич один пришёл в баню спорткомплекса и сквозь густой пар едва различил на полках Георгия Георгиевича и его помощника, а теперь уже и заместителя главы администрации района, Руслана Сергеевича.

— А, заходите, заходите, мы-то вас и ждали. Говорят, вы завсегдагатай этой парной, да ещё и большой мастер. Вот покажите нам мастер-класс.

Антон Николаевича немного смутил такой вальяжный тон руководителей района. Он едва был знаком с ними, и то — издалека: по совещаниям и собраниям. Заранее его никто не предупредил о встрече.

— Ну что вы, я здесь по необходимости, работа такая, надо следить за здоровьем моих подопечных футболистов. Сегодня просто выбился из графика, еду в командировку, решил перед дорогой зайти сюда.

— Нет уж, мы приглашаем вас теперь постоянно быть с нами здесь, покажете, как «по-научному» париться...

Антон Николаевич был крепким, волевым человеком, незаметно исполнял свой кодекс чести, отличался культурой поведения, вёл независимый образ жизни. Начальников признавал, если они соблюдали такие же правила жизни. Но здесь он почувствовал их верховенство, вторжение в его натуру. Тренер ответил:

— Да, я вам покажу сейчас, как мы здесь проводим свои процедуры, о вениках тоже расскажу. Это целое искусство, но об этом много уже написано.

Он привычным движением взял в руки свой берёзовый веник, подхватил шупленький веник гостей и под напором заполнил деревянную кадую горячий водой почти доверху. Через какое-то время, посидев на полке, взял веники, встрахнул, понюхал с приятным выражением лица, показал знатым гостям, какие они стали мягкие и пушистые, и поднялся вверх. Хлестал спины чиновников со знанием дела, старался не переусердствовать, спрашивал:

— Как самочувствие? Не поддать ли пару?

Руслан Сергеевич в ответ поработал обоими веничками на спине и груди Антона Николаевича. Горячие процедуры на этом не закончились. Все трое быстро обмылись под душем и выбежали в бассейн. Здесь был прохладный полумрак, стояла тишина, и только эхо от голосов пришедших разбудил дремоту высокого зала. Через полчаса должна появиться группа здоровья. Не задерживаясь, наши «спортсмены» сделали дружно глубокий нырок, разными стилями преодолели двухсотметровую дистанцию и возвратились в парную согреться.

Через полчаса они вышли в комнату отдыха: горячие, распалённые и пахнущие берёзовыми

листьями. Все трое слегка обтёрлись широкими полотенцами и обвязали их вокруг бёдер. Помощник главы быстро раскрыл спортивную сумку и вынул из неё две бутылки пива и бутылку армянского коньяка. Достал из небольшого шкафа тарелочки, три небольших рюмочки и поставил на стол. Начал доставать бутерброды и лимон.

— Ну, что, друзья, за знакомство и отличный урок, — произнёс сдержанно Георгий Георгиевич.

Все трое чокнулись верхними краями рюмок, и... Антон Николаевич поставил не выпитую рюмку на стол:

— Извините, я за рулём!

— Мы тоже за рулём, ГИБДД не бойтесь, свои ребята, не останвят, — сказал Руслан Сергеевич.

— Нет, извините, я не пью вообще, — повторил свой отказ Антон Николаевич.

— Ну, это ничего, а в баню по выходным приглашаем с нами, — сказал слегка удивлённо Георгий Георгиевич.

— Спасибо, вряд ли получится, я моюсь с ребятами по будним дням, а выходной, как всегда, занят. Спасибо за приглашение!

— Нет, я не понял: ты отказываешься париться с главой района? — возмущённо произнёс «верный помощник». — Для меня это было бы большой честью, — многозначительно заключил он.

— Признаю, что честь — это решающее обстоятельство, поэтому извиняюсь ещё раз, я не смогу парить вам спины, — Антон Николаевич встал, обтёрся большим полотенцем, оделся и направился к выходу.

Начальствующие лица с презрением смотрели ему вслед.

— До свидания! — услышали они в завершение роковой для тренера встречи.

На следующий день глава в первые же минуты рабочего дня вызвал в кабинет председателя спорткомитета, знакомого читателю, Николая Николаевича Пархоменко:

— Ну-ка расскажи мне подробнее, кто такой этот тренер по футболу Антон Николаевич? Что он из себя представляет?

— Он давно работает, ребята его любят, подготовил много спортсменов первого разряда и трёх мастеров спорта. Правда, директор спортивной школы говорит, что у него характер не похож на других. То ли гордый, то ли слишком умный, но всегда говорит то, что думает. А так — нормальный тренер.

— Да, я убедился в его дурном характере, таких тренеров не надо держать здесь. Найди ему работу полегче. Понял меня? Я проверю, как ты понял.

Через пару недель, под предлогом сокращения финансирования школы, Антону Николаевичу предложили работу с оплатой почти вдвое меньше, чем он имел. На отказ перейти на пониженную ставку ему заявили:

— Бери дополнительно ещё две группы, будешь получать больше!

Быстров отказался. Его нагрузка и так была на пределе. Через несколько дней ему позвонили из небольшого уральского города и предложили работу на ставку гораздо бóльшую при той же нагрузке, чем получал в последний год работы. Ребята плакали, когда провожали Антона Николаевича на вокзале...

На этом история с тренером не закончилась. Возмущённые родители написали письмо в муниципальную газету с требованием вернуть Быстрова на прежнюю работу и оставить ему заслуженную зарплату. Редактор запретил публиковать обращение родителей. Тогда одна из молодых корреспондентов, не успевшая «опалить крылья» в газетных баталиях, вспомнила, чему её учили в университете на журфаке, провела собственное расследование инцидента. Опросила коллег Антона Николаевича, ребят-футболистов, родителей. Зашла и к директору спортивной школы. Тот уклончиво отвечал, что у всех бывают ошибки, не надо ззнаваться, надо держаться коллектива... Она убедилась в неправоте директора школы и написала статью в другую, не зависимую от местной власти, газету. Её вызвал через секретаря директор муниципальной телерадиокомпании и спросил:

— Ты где работаешь, дорогая? Может, сразу трратишь силы на две газеты и получаешь двойную зарплату? Потихоньку предаём свой коллектив, да? Ты же понимаешь, что ни одна газета «таких» и минуты держать не будет. И я не могу отступить от святого правила журналиста. Вот тебе бумага и ручка, пиши заявление «по соглашению сторон».

Она написала это «добровольное» заявление и заявила в другой газете:

— Все очень боятся администрацию. Так повелось. И не дай Бог где-то сказать лишнее. Работать там, где нельзя говорить правду, мне тяжело.

Вникай, друг!

Служебная «Волга» прошла половину пути от областного центра до Приреченска. По обеим сторонам поднимались густые высокие хлеба. Было заметно, как зелень стеблей и колосьев начинала переходить в жёлтый цвет, золотиться и готовиться к своей зрелости. Сергей Михайлович, ветеран автохозяйства, вёл машину через родные в прошлом поля и безошибочно определял сорта пшеницы, вероятный к осени урожай.

— Игорь Владимирович, — обратился он к своему пассажиру, главному архитектору района, — посмотрите, пожалуйста, это новый сорт яровой пшеницы, называется «Свирель». В прошлом году она дала более высокий урожай, чем знаменитый сорт «Омская-19». В хозяйстве работает мой брат агрономом, говорит, что специалисты постоянно обновляют посевной материал. Так что неслучайно

здесь собирают с каждым годом более высокий урожай.

Проехали протяжённые лесополосы, за ними вновь открылись просторы полей. Они не радовали глаз. Здесь вместе с зерновыми культурами всюду виднелись сорняки, полёгшие от ветра слабые участки посевов, похожие на плешины. В отдельных местах, захватив широкие площади, на посевах наступал нестройными рядами мелкий берёзовый подрост. Налицо просматривалось закономерное явление, которое проявляет себя, когда в жизни страны происходят радикальные перемены. Такие плотные и молодые древесные посевы белоствольных деревьев посреди бывшего пахотного поля возможны только с разрушением крепких сельских хозяйств, когда нет уже сил и средств, чтобы обрабатывать ранее плодородные поля, и нет тех работающих и знающих своё дело крестьян, которые умели сеять хлеба и убирать урожай. Засорённые, погибающие пашни насевались семенами берёзы, захватывая всё новые площади.

Сергей Михайлович достал платок и обтёр им повлажневший лоб, издав странный гортанный звук. Видно было, как его пальцы сжались на кожаной баранке. Он слегка пригнулся. Так непроизвольно делают водители, когда на пути встречается препятствие или грозит опасное поведение встречных машин. Сергей Михайлович был опытный профессионал, много лет обслуживал заместителей глав администрации и начальников отделов. В любой ситуации он всегда чувствовал себя уверенно и никогда не подавал вида своим пассажирам, что его что-то волнует. Сейчас был особенный случай. На его глазах умирал труд его отца, его товарищей по работе, рушилась коренная надежда семьи не только на процветание хозяйства, но и на нормальную жизнь тех, кто здесь ещё держался. Он откинулся на спинку сиденья, включил приёмник и отрегулировал звук до приятного для слуха пассажира уровня. Передавали в записи Первый концерт Чайковского для фортепьяно с оркестром. Его часто можно было услышать и в дороге, и дома. Классическая музыка отвечала внутреннему настрою людей разных поколений — и молодых, и в возрасте. Было в ней что-то от русской души, и бунтующей, и ласкающей, и любящей, и отторгающей. В поведении пассажира водитель чувствовал интеллигентную основу и привязанность к искусству — редкое для аппаратных работников качество, которое вызывало у одних усмешку, у других молчаливое одобрение. Вдруг раздался прерывистый, с низким звуком, звонок сотового телефона Игоря Владимировича.

— Слушаю, Георгий Георгиевич!

Он не ошибся, звонил глава района.

— Ты где?

— На полпути от областного центра.

— Тебе удалось согласовать проект Дворца спорта в «Архитектурном контроле»?

— До конца мы не смогли всё решить. Начальника организации Владислава Игнатьевича срочно вызвал губернатор, он уехал и поручил обсудить все вопросы со своим замом, Виталием Павловичем. Тот не стал вникать в проблему и перенёс на неделю подписание заключительного акта.

— Ты что, не мог убедить его сделать это сегодня? Приедешь...

Разговор прервался, глава отключил свой телефон на полуслове. Игорь Владимирович в недоумении всё ещё держал трубку в правой руке и когда понял, что глава сам прервал разговор, возмущённо воскликнул:

— Разве так можно? Теперь думай, что он хотел мне сказать. Но вижу, что глава недоволен моей поездкой.

На следующий день Георгий Георгиевич вызвал Игоря Владимировича в первые минуты рабочего дня и на повышенных тонах начал выговаривать:

— Ты что, не знаешь, как разговаривать со своим руководителем по телефону?

— Простите, но я не понимаю, в чём провинился, — ответил начальник отдела.

— Не понимаешь? Ты должен был остановить машину, выйти из неё и обстоятельно мне доложить.

— Но я не был за рулём, машину вёл наш водитель, да и слышимость была хорошая.

Не обратив внимания на последние слова чиновника, глава сделал ещё несколько назидательных фраз и велел ему идти к себе.

Игорь Владимирович не слышал, что сказал в заключение его руководитель, в душе закипело, голова закружилась, он, стоя, положил руки ладонями на спинку стула, крепко её сжал, чтобы немного сосредоточиться. Это была ошибка молодого специалиста. Держись прямо, свободно, если начальник «наезжает». Покажи свою твёрдость характера, смотри ему прямо в глаза. Всему учатся, особенно если учит жизнь. Главное — захотеть извлекать уроки и учиться, даже если перед тобой диктатор, самодур, псих. Здесь была особая школа. Начальник отдела учился у своего начальника. Впитывал стиль и методы «твёрдого» руководства. В этом воспитании не было одного важного примера. Ни самый высокий начальник, ни его подчинённый, меньший начальник, никогда не учились и не воспитывались благородству. Не было такой школы и у родителей, особенно не могло быть у детей, которые в самые активные годы учёбы и воспитания жили в условиях ломки, отрицания, опошления отечественной истории, культуры и менталитета своего народа. Страна падала в пропасть, и каждый стремился ухватиться хоть за соломинку. Это падение происходило в умах и в душах. Учителями и воспитателями

были чаще случайные люди, зомбированные чуждыми ценностями жизни. Игорь Владимирович внешне выглядел интеллигентно. Слаженная фигура, новый модный костюм подчёркивали его молодость и аккуратность, он отличался рассудительностью, речь его была тиха и продумана. Чем не руководитель важного отдела? Может, это только ширма?

За внимание надо платить. Не зря же шеф выбрал из многих опытных и зрелых специалистов молодого выпускника областного вуза. Назначил хорошую зарплату, посадил в тёплый кабинет и ему одному поручает обдумывать важные проекты, прислушивается негласно, когда его предложения выходят за рамки разумного. Глава шёл навстречу таким идеям сознательно, потому что хотел выглядеть и в районе, и в глазах областного руководства «продвинутым», современным и перспективным «отцом территории». Перед этим он говорил депутатам:

— Вы думаете, нам дадут деньги на какие-то наши проблемы, зашивать дыры? Это сугубо наше дело. Нужны новые идеи, нужно менять облик города по новым стандартам!

Каким стандартам, он не говорил. Но могла же у кого-то появиться творческая мысль, нестандартная?

Через несколько секунд Игорь Владимирович вышел из кабинета. Сел за свой рабочий стол и задумался. Работа не шла. Зазвонил телефон. Игорь Владимирович посмотрел на него безучастно и не стал отвечать. Через несколько минут в кабинете вновь раздался звонок. Молодой начальник отдела подошёл к маленькому столику, на котором стоял чайный сервиз, и налил кружку цейлонского чая. Дверь открылась, и его сотрудница, ведущий специалист, сказала:

— Игорь Владимирович, звонит Алексей Васильевич Громов, он недавно писал вам письмо по поводу установки памятного знака на комсомольской аллее. Вы помните, он ещё прилагал эскизы? Говорит, звонил вам два раза и подумал, что вы вышли из кабинета. Он просил перезвонить ему.

— Я занят и никому звонить не намерен.

Крути баранку...

Те водители, которых временно оставил поработать глава района, с первой встречи отнеслись к нему критически. Не было ещё в районе такого примера, чтобы новый руководитель одновременно заменил почти всех водителей, обслуживающих руководство администрации. Остались, да и то ненадолго, два человека допенсионного возраста. В мыслях эти многоопытные мужи жили воспоминаниями о былых временах. Раньше руководители всегда садились на переднее сиденье. Велись простые житейские разговоры.

«Рулевые» стеснялись обращаться к знатному соседу напрямую с какими-то своими проблемами, больше говорили о рыбалке, охоте, грибах. Радовались за своих детей — школьников, спортсменов. Иногда выполняли мелкие поручения, связанные с семьями пассажира или личными бытовыми вопросами. Это не напрягало водителей, они охотно выполняли пожелания своих шефов. Порой и сами обращались за помощью. Все понимали и уважали друг друга. Георгий Георгиевич решил сразу указать место каждого, показать разницу в положении. Так поступили и близкие ему подчинённые. Глава садился всегда на заднее сиденье, по обычаю больших руководителей области или государства. Никого не брал в машину с собой. Молчал или разговаривал по телефону. На совещания в областной центр все спутники должны были ехать в своих закреплённых автомобилях и строго следом. Если он задерживался на час-два в каких-то кабинетах или на закрытом совещании, то его спутники должны были ждать в своих машинах, пока он не вернётся и не возглавит кортеж.

Одна из участниц такого «важного» процесса рассказала подругам о своих тревогах в подобной ситуации. Повторим с их слов, как это выглядело.

Валерия Ивановна нервно ходила вокруг чёрной «Волги» ГАЗ-24. Мороз крепчал. Шли первые дни декабря, падал редкий, искрящийся под мягким светом уличных фонарей снег. Серая глыба главного здания региона с массивными, сложенными из тёсаного камня пилястрами напоминала вход в пещеру Циклопа. Такое впечатление осталось в памяти спутниц, значит, сравнение было в их сознании близко к истине. В роли Циклопа был разросшийся непомерно аппарат губернатора области, который часто менялся вместе со своим главой. Синхронно этому явлению сменялись быстро, один за другим, главы регионов. При них была проглочена львиная доля успешно работающих предприятий, гигантов индустрии, а вместе с тем и сами источники бюджета. Но спросить за это было не с кого. Губернаторы получали более высокие должности в столице или исчезали бесследно навсегда.

Яркие плафоны уличного освещения давно звали женщину и её коллег домой. Она мечтала поскорее принять горячий душ и, завернувшись в тёплый халат, упасть на диван. Валерия Ивановна беспокоилась о детях и муже, как бы они не остались голодными. Она постучала в форточку машины:

— Зин, выходи. Тебе не надоело сидеть? Давай сбегает в киоск, может, что куснуть найдём.

— Ой, Валерия Ивановна, а вдруг шеф вернётся, а нас не будет? Ты понимаешь, что нам грозит? Лучше давай послушаем музыку, у Владимира (водителя) есть флешка с записью хороших ансамблей.

Много чего испытали, увидели и услышали опытные водители администрации района за время своей работы. Начнём изучать их со времени появления новых начальников, то есть «пассажиров». Используя слово «пассажир», автор явно смягчает роль такового, искажает истину. На самом деле наш герой был жёстким, властолюбивым начальником, самим по себе центром Вселенной. Приход таких руководителей можно сравнить с цунами или землетрясением. Это явление стало проявляться совсем недавно, с ростом имущественного и социального неравенства. Оно больно отражалось на чувствах и настроении подчинённых. После недавнего фактического «равенства и братства» простые люди вдруг оказались за невидимой чертой.

Пример главы отразился на некоторых подчинённых ему чиновниках. Они так же садились на заднее сиденье, хранили мёртвое молчание, порой прерывая его резкими указаниями: «Так, гони быстро к проходной завода!» Или: «Подъедешь к моему дому, заберёшь сына и отвезёшь в школу. Ровно в двенадцать быть у подъезда администрации. Понял?» Воспитанные в той «совковой» среде, с таким упреждающим и вежливым отношением к рабочему классу, водители «закипали» внутри, готовы были выбросить такого начальника из машины, но понимали, что работы нигде не найдут и до пенсии жить будет не на что. Крепче сжимали баранку и делали что прикажут.

Водители официальных лиц должны обладать особыми профессиональными качествами: блюсти скромность, выдержку, не надоедать своему важному пассажиру разговорами или случайной музыкой. На этот счёт у начальника автотранспортного предприятия есть специальная инструкция или наставления. Как встречать начальника, когда открывать дверь, как мыть и готовить машину к очередной поездке, как и где ожидать своего «пассажира», что можно и чего нельзя просить у него или спрашивать. Главное — тайна маршрута, если он пожелает отклониться от обозначенного в путевом листе. Другое табу на информацию: с кем общался, кому что говорил. Тем более если это была женщина. Последнее правило не было прописано в наставлении, его, между прочим, добавлял при случае сам постоянный «хозяин». Отклонения от маршрута случались, особенно когда какой-нибудь глава (не подумайте, что именно Георгий Георгиевич) возвращался из областного центра, да ещё после «подведения итогов» в какой-то компании. Иногда он приказывал притормозить где-нибудь на окраине соседнего районного центра, встречался с главой того района по предварительному звонку, что-то оживлённо и со смехом обсуждал в сторонке от водителей, а потом говорил своему: «Ты езжай, скажешь дома, что задержался в администрации области, завтра

приезжай до обеда сюда». Здесь его ждала бойкая молодая солистка народного ансамбля, которую уже предупредил по телефону местный коллега.

Тем не менее у водителей бывает и своё братство, понимание друг друга и негласная поддержка. Правда, не всегда и не со всеми. Она особо проявляется, если начальники начинают «чудить», то есть отклоняться от нормального порядочного поведения. Может быть, знатные пассажиры недооценивают человеческие достоинства технических работников? У них своё представление о людях, особенно руководителях. Их зоркий глаз, не испорченный политической борьбой, потоками финансов, красивыми секретаршами, видит всё просто и ясно. Их критерии более нравственные, по-житейски мудрые. Они ценят своё рабочее место, свою семью, работу, стараются быть выдержанными и нейтральными в отношениях. Но готовы оказать неслужебную услугу шефу или его семье, если тот попросит.

Всё красное убрать!

Шла активная подготовка к празднику города. Коммунальные службы формовали газонные кусты, подкрашивали вазоны и цоколи зданий, вывешивали вымпелы, устанавливали красочное панно с видом города и счастливыми горожанами. Электрики меняли на уличных опорах перегоревшие лампы. Моечные машины, натужно гудя, поливали и мыли асфальт. Так было уже много лет, и привыкшие к такому действию горожане гадали: что же новенького придумает местная власть в этом году?

И «власть» старалась, поднимала на ноги все службы, утверждала программы и текущие планы, раздавала задания, строго проверяла исполнение. Радио и телевидение, вместе с муниципальной газетой, «накачивали» сознание людей пониманием важности всех решений и достижений администрации. Особо, заметно подчёркнуто, обозначали ведущую роль главы района, печатали по три-пять его фотографий в одном номере газеты, писали репортажи о его участии в наиболее важных мероприятиях в районе. Газета сообщала, что главой был основан общественный фонд с целью привлечения внебюджетных средств для решения важных вопросов оформления праздника и воплощения в жизнь новых идей. Дизайнер из числа родственников его команды внимательно изучил творческое наследие бывших архитекторов и художников, создал современный лейбл района с графическим изображением юноши, устремившего энергичный взгляд в «будущее». Люди бывалые сразу увидели в нём обобщённый образ комсомольца-первостроителя, украшавшего въезд в главный город района. Было очевидно, что городская среда, её исторический дух, образ молодых создателей произвольно воплотился

в замысле привлечённого художника, не подверженного идеологическому влиянию новоявленных представителей современной муниципальной власти. Получился сакральный знак эпохи. Не строгий значимый герб, а живой, одухотворённый образ недавнего прошлого. Но он совсем не соответствовал духу и ожиданиям сегодняшнего дня не только местного населения, но и всей страны, опошляемой и отравляющей души людей навязанной извне мысли о наживе, доходах, материальном благополучии, исключительности богатых и успешных на фоне тех, кто каждый день создаёт свою долю общего богатства.

В это пригосе утро за неделю до торжеств на центральную площадь вышел из кабинета молодой, энергичный и решительный заместитель главы администрации района. Он был одет в чёрный, свободного покроя, костюм с ярким, в красную полосочку, галстуке, на ногах красовались лакированные туфли. Похоже, что праздник у него наступил задолго до этого дня. К нему тут же подошли два руководителя городских служб и с приветствием заметили:

— Вот, Руслан Сергеевич, заканчиваем подготовку города к празднику, ещё немного подправим цветочные клумбы — и можно приглашать комиссию.

Руслан Сергеевич исподлобья осматривался вокруг, не реагируя на слова встречавших его бригадира и начальника участка. Он остановил свой взгляд на верхушках фонарных опор и начал рассматривать треугольные вымпелы. Повернувшись влоборота к начальнику участка, строго заметил:

— Это ещё что? Кто додумался вывесить вымпелы с красными уголками? А-а?

— Да мы их каждый год здесь крепили, никто нам не делал замечания, — упавшим голосом заметил начальник.

— Потому и не делали, что не соображали. Та администрация, наверное, жила ещё при социализме. Заменить немедленно! Повесьте просто цветные флажки без красного цвета. Поняли? И чтобы я больше не видел красных флагов, вымпелов и прочей советской символики!

На площади незаметно появился начальник коммунально-бытового управления Павел Николаевич Поддубный. Он слышал последние указания заместителя главы. Павел Николаевич не был таким простым и покладистым, как казался. Один только внешний вид широкоплечего коренастого хозяйственника внушал почтение. Он видел «насквозь» новоявленного помощника главы. Ловил каждое его слово не для того, чтобы кивнуть и согласиться, а критически оценить его действия. Конечно, не выдавая своих мыслей и эмоций. Ещё не время. Он знал по собственному опыту, что скоро придёт момент настоящей, открытой оценки. Таких людей

во власти, пусть даже высоких по должности, он называл «помощниками», «секретарями» главы. Павел Николаевич имел в виду особую категорию чиновников. Получив в подарок должность вначале настоящего помощника или секретаря, потом, через короткое время, заведующего отделом, ещё быстрее — заместителя главы администрации, такие чиновники взлетали в мыслях и действиях, словно осветительная ракета в плотную темноту ночного города. Им казалось, что они источник света и мудрости для тёмного и зависимого народа. Вспомним Ивана, нашего героя. Он же читал умные книги и знал, что подобные типажи живут и, словно черви, делают ходы в земле, простите, в жизни, в нужном направлении с давних-давних, даже древних времён. Но мы не будем ходить совсем далеко, полистаем вместе с Иваном книжки Гоголя. Известно, что Николай Васильевич в последние годы жизни много размышлял о своём творчестве и видении будущего. Он мечтал даже поступить на службу в какое-нибудь учреждение чиновником и подпитывать свой опыт, наблюдая их обычное кабинетное существование, чтобы правдивее и точнее отобразить жизнь этих «героев» в своих творениях. Гоголь стремился к божественной чистоте слога и чистоте правды. Писатель считал, что всё, что сделал до этого, — пройденный этап и не стоит внимания. Но Николай Васильевич заблуждался. Он уже настолько познал ту, служебную, сторону жизни, так глубоко проник в психологию прототипов, которых художественно отразил в своих произведениях, что они ещё не одно столетие будут образцом неистребимого воинства бюрократов высокого о себе мнения, но самого низкого достоинства. Говорил же Гоголь, что там, где секретарь заведён только в качестве писца, там он хочет сыграть роль посредника между начальником и подчинённым. Где же он постановлен действительно как нужный посредник между начальником и подчинённым, там он начинает важничать, корчит перед этим подчинённым роль его начальника, заведёт у себя переднюю, заставит ждать себя по целым часам, — словом, вместо того, чтобы облегчать доступ подчинённого к начальнику, только затрудняет его.

Читатель, ты не ошибся, это слова писателя из книги «Выбранные места из переписки с друзьями». Что изменилось с тех пор? Да ровным счётом ничего. Невежество и спесь плодят себе подобных с удвоенной силой.

До праздника района оставалось два дня. Глава отправил своего заместителя в областной центр на организационное совещание по подготовке такого же Дня города, но большего размаха — губернского. Праздник должен состояться на две недели позже. Областной центр заранее начали украшать, на улицах уже колыхались на ветру самые разные флажки, вымпелы, красовались

первые большие транспаранты, прославляющие главный город региона и саму область. Заместитель главы администрации района своим острым начальственным глазом сразу заметил на опорах множество вымпелов красного цвета. Посмотрел на водителя, который внимательно следил за дорогой и многочисленными знаками ПДД. Понял, что тот не замечает красных вымпелов и не сделает в разговоре с друзьями замечание в его адрес: «А вот в областном центре не запрещают красный цвет в оформлении...»

Машина застревала в пробках, обгоняла зазевавшихся и неаккуратных водителей, среди которых в большинстве были недоученные на скороспелых частных курсах молодые люди. Поток в основном бывших в употреблении машин самых разных зарубежных марок плотно заполнял все дорожные полосы в разных направлениях. Наш водитель с усмешкой, а порой и с хлестким комментарием, умело лавировал в автомобильной реке. Профессионал, тем более за рулём служебной машины, здесь походил на солидного отца большого шаловливого семейства, заранее предугадывая неосознанные действия своего динамичного и малоопытного окружения.

Не всё потеряно

Какой только «умный» правитель не пытался «чистить поле»! Не подумайте, что хлебное, для большего урожая. Чистят и другие поля — например, политические: городское или районное, бывает — и областное. Чистят от неугодных людей, чтобы самим собирать урожай от своей популярности. Кто-то начал мыслить самостоятельно и не берёт во внимание линию главы района, кто-то что-то кому-то говорит нехорошее о руководстве района, а кто-то стал печатать в не зависимой от власти газете «сомнительные» статьи, восхвалять бывших руководителей и не замечать трудовые свершения настоящих. От таких, конечно, избавляются. И чем скорее, тем лучше, а то до очередных выборов можно не успеть.

В одной из глав книги мы уже познакомились с бывшим редактором муниципальной газеты Николаем Викторовичем Закатеом. Он окончил лет пятнадцать назад факультет журналистики университета. Прошёл вдобавок школу бойца в десантных войсках. Взяли его с охотой в муниципальную газету. Не было тогда в ней ни одного журналиста с высшим образованием. Всё учителя да инженеры, а то и спортсмены. Кто успел поработать в газете корреспондентом, знает не понаслышке, какая это «радость». То срочно материал по внезапному событию надо подготовить, то приезжает большой начальник из области и надо не пропустить ни одного его руководящего слова из беседы с народом, а потом до полуночи корпеть над репортажем. Не дай Бог сделать ошибку или пропустить «важную»

мысль — курирующий прессу замглавы душу вывернет. А про редактора и говорить нечего, он за всё отвечает. И за «линию партии», и за ошибки, и за «самодетельность», и за «внимание к руководителям». Главное — уловить их линию поведения, их желания. Кончились те времена «буйной демократии», когда редакторы сами были «на коне» и поворачивали куда хотели, писали что думали. Ну какая же власть может удержаться долго при такой печати? Потому всей журналистской рати быстро «обрубили хвосты», чтобы не вертелись без толку перед глазами, а знали свой насест. Николай Викторович, впечатлённый той ещё службой да «медовым временем» журналистики, невмешательством прежнего мэра и его заместителей в дела редакции, соблюдавших без натуги законы о СМИ, вспомнил те времена и написал большую статью о первом главе района. Как-то неосторожно, почти по-мальчишески, напомнил читателям его стиль работы и немалые достижения в хозяйстве района. Он подзабыл, что ему твердил ежедневно верный помощник нового главы, его заместитель, чью надо ставить фотографию на первую полосу, о ком писать, кого надо забыть навсегда. Может, от своего упрямства, недомыслия, а может, и вовсе от неуважения к главе, но редактор это сделал. Видимо, увлёкся, совсем не понял, как попал на «высшую статью», и остался без работы. Полгода ходьбы по учреждениям, все «ворота» закрываются перед носом, как только слышат фамилию Закатей. Бдительные «следопыты» от главы успели всех предупредить. Значит, ты сам «перешёл границу»? Перепутал государства? Ты всё продолжаешь говорить о каких-то законах? У нас свои законы!

Громов не мог остаться равнодушным к событию и человеку, которого сам рекомендовал на должность редактора газеты. Он пригласил его домой «на кофе» и начал расспрашивать:

— Николай, расскажи правду, как было.

— О! Это интересная история. После того, как я написал заявление об увольнении, в голове у меня загудел рой всяких неожиданных идей насчёт новой работы и перспектив. Однако бравые звуки фанфар очень быстро стали затухать, меня никуда не брали. Без объяснений. Как бы то ни было, я не сдавался. И, обломав «крылья мечты» в десятке разных мест, выдал миру, как мне казалось, восхитительный план пойти в охранники.

Закатей долго рассказывал, какие испытания он прошёл, какие надежды рухнули и он стал профессиональным охранником. Муниципальная газета долгое время оставалась без редактора, но под строгим присмотром Руслана Сергеевича. Женщины-корреспондентки выполняли нелёгкую роль «за себя и за того парня».

— Я вижу, ты пережил кризис и выглядишь намного оптимистичней, чем во время газетной работы. Что тебя приподняло, наконец?

— Знаете, Алексей Васильевич, я бы отметил одну важную особенность моей новой работы в охране крупного предприятия. Она в том, что люди там другие. Не сломленные морально и придушенные тупой силой, а вполне самодостаточные, сильные парни. Несмотря на то, что работа в карауле напряжённая, нервная, в трудную минуту тебе всегда подставят плечо. Слова «честь», «порядочность», «совесть» здесь не просто слова, за ними стоят реальные поступки. Да, старомодно, да, где-то наивно, но это правильно, чёрт подери! «Не всё потеряно», — подумал Громов.

В чём сила?

Иван зашёл в читальный зал библиотеки посмотреть новые номера центральных газет. Читательский бум конца прошлого века, когда каждый житель района выписывал по несколько экземпляров газет и журналов, рассеялся, словно дым от потухшего костра. Редкими стали читатели, которые выписывали хотя бы одно издание. Да и тиражи известных газет и журналов сократились в сотни и тысячи раз. Многие покупали их на почте или в киосках от случая к случаю. Иван, конечно, не знал, что наступают третья волна цивилизации в мире, по утверждению американского философа Элвина Тоффлера, которая в условиях пресыщения информационного поля ведёт к сокращению тиражей, обособленности активных источников, разнообразию точек зрения и позиций. Но он хорошо понимал, что государство больше не помощник в этом деле, дешёвых изданий больше не будет, и чаще заходил в библиотеку.

Иван увидел Алексея Васильевича, листающего красочный альбом современного художника Василия Гребенникова. Громов поднял голову и сказал:

— Иван, извини, я посмотрю ещё пару альбомов живописи, пока ты будешь читать газеты. Поговорим в вестибюле.

Минут через сорок они встретились на диванчике в безлюдном холле между читальным залом и абонементом.

Иван крепко пожал руку Алексею и с улыбкой сказал:

— Алексей, вот ругают бывшую советскую прессу: мол, идеологическая была, вводила в заблуждение читателей, искажала статистику и так далее. Правильно ругают. Но ты только посмотри, какая пресса сегодня. Мне хватает полутора часов в неделю, чтобы выудить со страниц что-то полезное. А посмотри, какие амбиции и всезнайство. Причём каждое издание идёт своим прямым коридором, тем, который задали ему владельцы. Раньше газеты и журналы читала вся страна, сегодня все разделились, как клубы по интересам. Многие интеллектуалы остались в одиночестве, рыскают по редким изданиям, интернету или стали блогерами. Но я не об этом хотел сказать. Понимаешь,

какая штука: уже тридцать лет смотрю нашу прессу и не вижу чего-то главного. Раньше была цель у всего государства, были инструменты поддержки народного духа, что ли, наверное, патриотизма, пресса всех объединяла словом. Не могу увидеть сегодня, что у нас в государстве главное, к чему стремится интеллигенция, чем и какими идеями она думает развивать умы и души простых людей. Я слышу порой тех, кто радуется тому, что есть. Они говорят, что никак не надо влиять на человека, он свободная независимая личность и сам определится, что ему надо. Посмотри на молодёжь, она впитывает как губка много такого, что вообще не приемлемо нам, противно духу народа. А старшие поколения вообще в растерянности, не понимают много того, что происходит. Их мысли и оценки событий часто прямо противоположны, они черпают разную информацию из случайных источников, владельцами которых являются те силы, которые знают, что им надо. Они имеют свои цели.

— Ну, Иван, ты далеко зашёл. Вряд ли кто ответит тебе просто и понятно на твой вопрос, каждый будет «философствовать» в пределах своих умственных возможностей. До девяносто первого года вся мощь государства и политических институтов преследовала одну цель, ты знаешь какую. Скажу прямо: в душах людей, не только старшего поколения, но и генетически в сознании и духовной составляющей молодых поколений, остался от этого большой след. Этот след уходит в русскую историю. Не вчера и не сегодня заявила себя Россия не только во внутренней политике, но и на мировой арене. И чаще она превосходила, как утверждают российские философы, другие страны в моральном смысле. Незримый, многими не признанный, но он есть, этот след, как большая широкая дорога по жизни. В чём это проявляется? В поведении всего народа и даже в политике государства. Часто можно услышать от публичных деятелей, особенно писателей, что мы не такие, как наши «друзья-партнёры» и в Европе, и в Америке. Хотя многое изменилось в нравах людей в последнее время не в лучшую сторону, всё же стержень остался. Мы отличаемся от всех более тёплыми отношениями друг к другу. Не улыбками во всю ширину рта, какие мы получаем при общении с ними, а гораздо бóльшим — улыбками наших душ. Понимаешь, это существенное, более искреннее и надёжное чувство. Оно относится не только к русским, русские всегда были на равных в правах и в отношениях ко всем народам, с кем связала судьба. Могу сказать по собственному примеру: когда я с коллегами был в Америке, хозяин дома, где мы жили, сказал, что здесь все чужды друг другу. Если срочно понадобится занять двадцать долларов, тебе, скорее, их не дадут. Отношения ограничиваются словами при встрече и расставании: «Здравствуйте!», «До свидания» («Hallo! How

do you do!» или «Bye-bye! Bye!»), — и сопровождаются при этом широкой улыбкой. Это, конечно, частное мнение, но оно не единственное. Когда к нам приезжали не в первый раз друзья из Америки, а друзья были богатые, имели свой бизнес на родине, я их спросил: «Почему вы приезжаете к нам уже в третий раз? В стране же кризис. Да ещё вы не боитесь брать с собой своих друзей и детей. Вы же слышали, что говорят о нашей стране, какие страхи нагоняют на простых американцев?» Они отвечали: «Вы нам нравитесь, вы такие душевные и добрые, таких людей мы ещё не встречали».

Иван помолчал, потом сказал:

— Ты прав. Я на заводе слышал подобное, когда здесь работали вначале немцы, а потом французы. Они монтировали своё оборудование по контракту. Некоторые даже завели здесь семьи. И говорили примерно то же, что и ты.

Алексей положил руку на плечо Ивана и с улыбкой заметил:

— Вот видишь, это наша национальная черта, менталитет. Он, несмотря на разруху девяностых годов и все проблемы сегодняшнего дня, жив. За рубежом нас многие не понимают, принимают за «слабаков», этаких безответных, не созревших до их уровня людей, некоторые называют нас дикими, потому они так агрессивны, бессовестны, тупо нападают на нас через все средства массовой информации, пытаются унижить, посмеяться. Это значит, что они не видят и не ценят нашу внутреннюю силу, которая намного ценнее их долларов, оружия, передовых технологий. Может наступить такой момент, когда они пожалеют об этом. Но нам надо критичнее самим относиться к себе. Сравните их историю по времени и нашу. Европа многое переняла от греков и римлян ещё в начале первого тысячелетия. Мы начали обретать черты государственности только в восьмом-девятом веках. На Западе уже были письменность, искусство, правовая основа, опытные полководцы и армии, почти тысячелетняя религия, а мы всё только начинали.

Алексей задумался, глаза его выражали внутреннюю борьбу. Наконец он произнёс:

— Иван, не будем питать иллюзий. Я вижу, что эти чувства, менталитет наш заметно измельчились, стали тонким слоем наших душ. Это опасно для общества, для каждого из нас. Мы можем потерять свой внутренний потенциал, ту силу, которой всегда гордились, которая помогала нам выжить. Посмотри, что делается в умах наших интеллектуалов, учёных гуманитарных наук, философов. Ты вряд ли найдёшь для себя точку опоры, чтобы более уверенно строить жизнь, чем-то помогать детям и внукам в этом отношении. Множество теорий, идей порой доходят до полного абсурда. Интернет заполнен самодельными «просветителями», которые вытаскивают из тёмных коридоров своего сознания самые невероятные

теории. Может, в этом броуновском движении зародятся когда-то гениальные мысли. А как нам раздобыться в сегодняшнем дне?

Алексей встал, начал сосредоточенно ходить по ковровой дорожке. Голова его склонилась к груди. Правой рукой он нервно терял волосы. Справа от него стояли полки с ячейками, в которых хранилась доступная читателям картотека авторов в алфавитном порядке и предметная — по разделам знаний. Алексей Васильевич знал, что и его фамилия занесена в эти карточки и в предметном разделе есть наименования его произведений, но, взглянув в них как-то мельком, он больше никогда не подходил к этим ячейкам. Вот и сейчас сосредоточенно ходил, не обращая на них внимания.

Иван с интересом наблюдал за другом.

— Ты знаешь, — Громов вдруг остановился и посмотрел на Ивана, — я вот что подумал: мы не сполна оцениваем ситуацию сегодняшнего дня. Отвлекаемся на какие-то мелочи, роемся в характерах руководителей, хоть и критично, но неглубоко оцениваем результаты выборов в районе, да и области тоже. Мне кажется, мы быстро забыли уроки прошлого. Уроки других стран.

Иван тихо заметил:

— Ты говорил про дух народа. Мы с тобой тоже народ. Всё это относится и к нам. Но посмотри, что делает новая команда, своим пренебрежением к нашим людям, своими амбициями и кадровыми решениями она умаляет значение горожан. Особенно тех, кто построил город, кто хранит традиции наших предков. Да и какое представление о нас она внушает своим поведением молодёжи? Ведь это опасно. Опасно для наших семей и вообще для общества. Так может созреть конфликт как внутри нашего поколения, так и в целом среди населения. Послушай, я вчера зашёл в администрацию подписать одну бумагу и встретил там твоего коллегу. Начал шутить: с чего бы это так тихо в коридорах и так быстро пробегают некоторые сотрудники? Вспомнил, как ты рассказывал про коллектив и какое внимание друг другу тогда уделяли. Обязательно отмечали с тортом и чаем дни рождения каждого. Твой товарищ сказал, что сейчас все сидят по кабинетам тихо и никаких праздников в администрации не отмечают. Все боятся чего-то. Скажи без философии: для чего мы живём? Зачем ходят на работу миллионы наших людей? Вот и сотрудники администрации тоже с утра до вечера трудятся со своими компьютерами, принимают посетителя. Зачем? Думаю, главное, чтобы всем жилось хорошо, радостно: и им, и нам. А если плохо всем, значит, не то делаем, не так живём, понятно? Алексей, извини, что я, возможно, прервал тебя, но я полагаю, что наши мысли сошлись.

— Иван, спасибо тебе! Понимаешь, своим поведением команда как раз и уничтожает тот наш

дух, о котором мы только что говорили. Если здесь такое отношение власти к народу, в области и в стране то же самое, значит, возникает большая опасность утратить вообще нашу идентичность. Нас принудят негласно подстроиться под чужие мерки, потерять, сломить наш дух. Я недавно прочёл исторический труд по Франции. Автор утверждает, что страна во второй половине девятнадцатого века, после всех революций, войн, утратила свой дух, превратилась во вторую страну в мире. Немцы же, объединившись, вышли на главные позиции. Так что не всё просто, как кажется за множеством наших проблем. За деревьями мы не видим леса.

Алексей говорил тихо, полушёпотом, будто их кто-то слушает или они кому-то мешают. Сказалась старая привычка так вести себя в публичном месте. Но вестибюль был пуст. Странное дело. Здесь всегда проходило много народа, читатели что-то искали в открытой картотеке, записывали на память коды и названия книг за маленькими столиками. Но сейчас было безлюдно, если не брать во внимание наших двух героев. Иван отлучился на минуту и возвратился с книгой в руке.

— Алексей, послушай, скажу «по секрету». Мне сейчас передали твою книгу об основателе города и сказали, что глава района, Георгий Георгиевич, велел своему заму отдать её в библиотеку. Но в книге же есть твоя подпись, обращённая к нему. Ты пожелал ему продолжить традиции лучших руководителей района, которые заложили крепкие основы его развития. Странно, конечно. Где вы успели поссориться?

— Хотел как лучше, а получил... Ты знаешь, Ваня, мне его реакция на книгу интересна не только с психологической точки зрения, но и с социологической. Кто нами поставлен управлять — вот её суть. А вместе с ним и вся так называемая «команда», если её вообще можно назвать таким значимым словом. Мы не ссорились, просто каждый стоит на своих позициях. Первые лидеры Приреченска отличались особой гуманностью, во всём их поведении было видно, что они с уважением относились к людям. Они могли талантливо решать хозяйственные проблемы и вместе с тем на таком же уровне развивать духовную социальную сферу. Ты же понимаешь, что без внутренней культуры, потребности собственной души реально делать добро не выходит, получается только гримаса желаемого вместо действительного. Спроси его: чего он хочет добиться в своей работе? Одно только насилие над библиотекой о многом говорит. Это его стратегическая публичная ошибка. А подбор кадров? Он думает, если поставит угодных себе работников, то сможет легко осуществлять то, что считает главной целью? Напомню, что эта книга документальная. То есть все факты имели место и подтверждены в источниках. Это важно для

истории района и нашего главного предприятия, для новых поколений. Она стоила мне больше года работы, и я полагал, что любая администрация просто не могла пропустить такие сведения мимо себя, особенно — глава. Ведь книга написана об основателе города и завода, то есть прямо касается его должности. Но, увы, ни он, ни его приближённые не сочли нужным заглянуть в неё. Представляешь, в районе работает новая команда главы вместе с депутатами, которая наверняка не знает ни людей, ни их достижений, ни истории, ни тех больших проблем, которые решали ещё два десятка лет назад. Они живут сегодняшним днём и не могут родить ничего оригинального, самобытного, что отвечало бы духу территории, её населения, исторической преемственности. Я тешу себя надеждой, что рано или поздно придут такие люди, которым это будет интересно. И мне приятно, что электронный вариант, сделанный библиотекой, живёт и к нему растёт интерес. Значит, людям книга нужна. Ваня, пожалуйста, посиди несколько минут, я сейчас вернусь.

Громов быстро встал и пошёл к дверям читального зала. Минут через пять показался перед Иваном с толстым томом в чёрной суперобложке сборник Иосифа Бродского.

— Ваня, я знаю, что ты не читал Бродского. Да и я не собираюсь вспоминать здесь его стихи. Хочу только показать тебе несколько отрывков из его нобелевской лекции. Это, к слову, о книгах и какое значение он придавал их чтению. Вернее, отношению книг к личности властителей. Весьма поучительно и для нашего «героя». Я эту лекцию перечитал много раз и могу сразу найти нужный абзац. Вот послушай: *«Выбирай мы наших властителей на основании их читательского опыта, а не на основании их политических программ, на земле было бы меньше горя»*. А вот ещё абзац: *«Ни один уголовный кодекс не предусматривает наказаний за преступления против литературы. И среди преступлений этих наиболее тяжким является не преследование авторов, не цензурные ограничения и т. п., не предание книг костру. Существует преступление более тяжкое — пренебрежение книгами, их нечтение. За преступление это человек расплачивается всей своей жизнью: если преступление это совершает нация — она платит за это своей историей»*. Приходит ли это в голову нашим «вождям» — большим и маленьким? Вряд ли они об этом думают, немало других забот. Но мы не раз видели их падение, и на поверхности этих событий было их невежество. Надо сказать и о нас, нашем окружении. Мало кто утруждает себя чтением настоящей литературы. Далеко не каждый в молодости ставит себе цель развивать мышление, интеллект. Литература же делает человека более внимательным ко всему вокруг, будоражит мысли, наводит на сравнения, побуждает

к более критическому осмыслению событий. Таких людей труднее обмануть хитроумным политикам и большим начальникам. Да и на выборах любого уровня они более точно могут определить качество кандидата. Затронув тему литературы вообще, я, конечно, не имею в виду свои несовершенные работы. Они далеки от этого. Но в них много той информации и примеров в пределах нашего района, которые просто надо знать руководителю. Думаю, не случайно уже несколько тысяч наших читателей обращались к ним. Не мешало бы и главе заглянуть на страницы. Ладно, не буду мучить твоё сознание нобелевским лауреатом. Кстати, он был не только прагматичным и гонимым в молодости человеком, но и большим мечтателем. Многое ему удалось исполнить, увидеть, получить. При этом привкус горечи никогда не покидал поэта. Но давай вернёмся к нашим делам. Вот, скажем, ресурсный центр. Зачем глава почти силовым приёмом создал его? Посадил руководить им свою даму? Есть же молодёжный центр. Он взаимодействует с областным центром и коллегами из районов и городов. Достаточно было немного увеличить финансирование, и всё было бы не хуже, чем сейчас. Молодёжный центр стал пасынком в этой системе. Зачем он это сделал? Чтобы показать всем нам и в пику прошлым решениям, что у него получится лучше? Да и рабочее место своему человеку, между прочим, обеспечил. Вот и все «секреты»! Подобный самообман давно описан в классической литературе, почитать бы ему не мешало. У меня есть вопрос: а читают ли они, глава и его команда, вообще что-нибудь, бередают души мыслями великих авторов? Если родители и наставники не вложили в душу и голову детям стремление развиваться до понимания, кто ты в этом мире, то получаем то, что видим в жизни среди гоголевской публики. Ты мне сейчас показываешь книгу, которую я подарил главе, чтобы на примере главного героя он мог разобратся в истории города, района, в той линии развития, которую задали первопроходцы. А вспомни, как он отнёсся к книге Светланы Алексеевны, моей жены! Труд не одного года, документальный, со многими новыми открытиями, скрытыми в архивах до сего дня, и с настоящими героями войны. Это книга о наших земляках и тех неповторимых событиях, о которых не было известно семьдесят лет. Это никак не заинтересовало главу района. Зато он артистически поздравлял ветеранов на праздновании юбилея, награждал их, даже поднимал традиционные «сто грамм». Ты видишь в этом искренность? Эту книгу они тоже передали в библиотеку. Хорошо, что не выбросили в контейнер. А ты говоришь о ссоре. Не тот уровень! Иван, скажу тебе прямо, это не главное в наших отношениях с главой. Я вижу другое. Когда я последний раз приходил на встречу с коллегами в литобединение, с грустью смотрел

на участников. Их возраст вокруг числа «семьдесят». А я помню их другими. Как они вдохновенно читали свои стихи и рассказы. А сегодня все серьёзные, задумчивые, огонь погас в их глазах, и совсем не от возраста. Самое печальное то, что здесь редко появляются молодые таланты, нет почти смены нам, за исключением единичных случаев. Они наверняка где-то пишут, но сторонятся старших. В чём причина? Может, в том, что наш район не развивается, а деградирует, что нет тех вдохновляющих примеров нашей жизни, которые порождают новых поэтов? Сегодня все молодые люди озабочены тем, чтобы не потерять работу или найти её. Молодые думают, как заработать на квартиру, и вообще, как получить достойную зарплату, как поднять детей. Бытовых, чисто житейских проблем раньше было гораздо больше, но люди чувствовали себя по-другому. У них была уверенность в будущем. Государство им реально помогало. И песни были камертоном того настроения. И стихи звучали повсюду. Скажи, Ваня: может, всё оттого, что выбрали не тот курс, мы не занимались воспитанием молодёжи три десятка лет, мы не имели прочных ориентиров, копируя западные «ценности»? И среди новых руководителей нет почти никого, кто вырос на наших российских традициях. Да и откуда они возьмутся, если школы стали заниматься не обучением с воспитанием, а предоставлением образовательных услуг? В этом мало стимулов для гармоничного развития детей.

Зачем пишешь?

— Алексей, извини меня за прямой вопрос, он будет продолжением первых.

Иван часто задавал себе вопрос: в чём суть их работы, зачем они тратят столько времени на бумаги и фотографии, на поездки в архивы и музеи? Он хорошо знал, что многие его знакомые с усмешкой относились к увлечениям семьи Громовых: «Занимались бы выращиванием цветов или своими внуками». И теперь решил напрямую спросить друга об этом.

— Да, Ваня, слушаю. С тобой я чувствую себя более уверенно. Ты хоть и задаёшь неудобные вопросы и говоришь мне прямо всё, что думаешь, но у меня только больше уважения к тебе.

Громов посмотрел на Ивана чистым доверчивым взглядом. Его глаза говорили о чём-то большем, чем обычное уважение. В них таилась общая духовная сила, интуитивное понимание друга, которое не требовало слов. Но здесь был особый случай. Алексей вместе со Светланой последнее время много работали над архивами и записями воспоминаний разных людей, писали статьи и книги.

— Ты вот пишешь новую книгу, — продолжал Иван. — Я хоть и не такой эрудит, как ты, можно

сказать, совсем никакой, но вижу, что писательское дело совсем в упадке и всё меньше людей, особенно молодёжи, читают книги. Больше смотрят в компьютер или смартфон, стараются пробежать глазами по сокращённому варианту, если надо для учёбы или просто захотели блеснуть знаниями среди друзей. Скажи, много ли ты обретёшь читателей? Да и кому нужны сегодня рассуждения представителя прошлых поколений, к коим мы с тобой принадлежим? Причём нас молодые обвиняют в каких-то грехах, в пережитках прошлого. Словом, ничего хорошего от них не жди, когда они увидят обложку с твоей фамилией. Так зачем ты тратишь время?

— Ваня, скажу прямо, я человек в определённой степени наивный. У меня до сих пор в голове рождаются какие-то идеи, возникают такие цели, которые не вписываются ни в уравновешенное состояние окружающих меня людей, в том числе близких друзей и родственников, ни в планы администрации района. Я не дружу с известными людьми, так как время разбросало нас по разным точкам зрения и в политике, и в культуре. Я всё больше замечаю, что они болезненно реагируют на иную от своей точку зрения. Но в душе чувствую, что кое-что из этого нужно людям для поддержания их духовного состояния, для поднятия познавательного уровня в сфере нашей действительности. Сейчас с утроенной скоростью всё меняется на глазах, наступает новая, незнакомая нам эпоха. Можно легко потеряться в этом, утратить жизненную нить, потерять веру в себя, растеряться. С прошлым, думаю, надо расставаться не полным разрывом, а мягким переходом в новое состояние, сохраняя для будущего память и собственные его оценки. Тогда это будущее не возникнет из ничего, не будет пугать своей неизвестностью и опасностью, а поведёт нас более уверенно по тропе жизни. Мы со Светланой Алексеевны ищем забытые, но значимые в истории района и области имена. Иногда удаётся найти таковые и в масштабах страны. Мы не историки и не писатели по большому счёту, не профессионалы. Но мы идём этим путём, конечно, не одни, есть и другие, кто также ищет и пишет, и видим, что никто до нас не дошёл до тех людей, о которых мы нашли какие-то новые сведения, до освещения некоторых важных событий. И читатели, пусть немногие, становятся нашими друзьями, соратниками, помогают уточнять и расширять знания о них. Так прокладывается дорожка в прошлое и в будущее. Образуется связь поколений. Ты спрашиваешь, зачем я пишу? Это могу объяснить двумя эпизодами, чтобы не отвлекать твоё время. Есть в истории нашего района и в целом в оборонной отрасли производства одно имя. Если говорить точнее — несколько имён, достойных исторической памяти. До тысяча девятьсот пятьдесят третьего

и чуть позднее судьбы людей зависели от воли немногих. Скажем прямо — руководителей страны. Но в жизни, её глубине, получалось, что от многих. Многими, в отличие от вождей, были скрытые от большинства труссы, подхалимы, доносчики, люди недалёкие, желавшие выслужиться и быть повыше своих коллег и даже друзей. Выжить или сохранить доброе имя среди них было почти невозможно, даже носителю «Золотой Звезды» Героя, каким был первый директор. Ты сам знаешь много примеров из того времени. У меня возник вопрос: а что же за человек был первый директор главного предприятия? Фотографию видел, а ничего о нём не знал. И понял, что другие из ныне живущих тоже ничего не знают. Начал искать и обнаружил огромную «чёрную дыру», которая вытягивала из истории многие значимые имена и события. Короче, первый директор был оклеветан, когда возглавлял самый секретный и особо важный для обороны страны научный центр. Так он оказался здесь и стал основателем нового города и главного предприятия. Проработал всего три года, пока один из «мстителей» не получил должностное верховенство и, тонко манипулируя своими полномочиями, не поставил его перед выбором: уволиться по собственному желанию или терпеть унижения. Имя Героя более полувека продолжали замалчивать наследники той политики по инерции, оберегая себя. Мы открыли его подлинную биографию для всех жителей района, хотя мемуары, написанные в конце жизни, лежали под спудом всё это время в музейном хранилище. По нашему предложению назвали улицу в городе, одна из школ занялась его историей и готовится также принять имя Героя. Я уже не говорю о близких родственниках, которые нашли автора через интернет, о новых фотографиях и документах, которые они нам прислали. Стоило такое исследовать и написать книги, статьи, очерки? Думай сам! Уместно будет вспомнить и второй эпизод, связанный с этим. Через десять лет после публикации книги на Светлану Алексеevну по социальным сетям вышел сын того главного инженера, которого взял в свою команду первый директор. Его следы на целых шестьдесят лет потерялись, я делал запросы, спрашивал у ветеранов, но никто не знал, куда он уехал. Только находил некоторые научные статьи в интернете, по которым также не смог выйти на этого человека. Сын живёт в Израиле, работает в научно-исследовательском институте. Он сказал, что в архиве матери сохранились неопубликованные статьи и письма отца с фотографиями. В статьях оказались те секретные данные, о которых в то время писать было нельзя. Они проливали свет и на технологию главного предприятия. Мы опубликовали его материалы, помогли умные люди из госкорпорации, и судьба человека, его вклад в науку и современное производство стали

известны многим тысячам читателей. Первоначальная история нашего района, Приреченска и предприятия получила вполне завершённый вид. Но есть особые обстоятельства, когда мы не можем отразить душевное состояние героев, сложный путь их становления и развития, ограничиваясь только фактами, цифрами и документами. А душа просит более глубокого человеческого общения с ними, совместного размышления, переживания за судьбу того или иного. Это дополняет поле исследования и раскрывает новые возможности общения с читателями. Такие размышления привели к необходимости художественного отображения историй. Но у этого жанра есть свои законы, устоявшиеся каноны. Есть, наконец, достижения самых великих и признанных авторов. И мы, как самодеятельные наивные люди, конечно, выльдим выскочками, слабыми и ничтожными, конечно, не признаваемыми некоторыми профессиональными литераторами. Создание книги — сложнейший процесс. В нём должны переплетаться талант автора с его содержательной мыслью, духовной основой и страстью души, личным откровенным отношением к героям, к той теме, которой он коснулся. Понятно, что нужен дар природы. Если его нет или он только заявляет о себе, основой может быть правда и воспитанный жизнью, образованием уровень культуры. Такое произведение менее художественно, но тоже несёт образ эпохи. Поэтому надо быть уверенным, что ты говоришь об актуальных проблемах, что ты достаточно грамотен, чтобы понятно и правильно общаться, не насилуешь родной язык и не разрушаешь то, что читатели ценят по жизни.

— Алексей, ты всё правильно говоришь, только всё равно преодолеть горы предвзятости, огульной критики, закулисной возни самоуверенных оппонентов не так просто. Ты чувствуешь, что выполнил свой долг, может быть, ожидаешь объективной и умной оценки, профессиональных замечаний, но можешь не дожидаться этого. Многие, получив автограф автора на титульной странице, поставят книгу на полку и будут продолжать путать даты, факты, публиковать свои искажённые заметки, по верхам наблюдать за твоими стараниями дойти до любознательного и правдивого читателя. Ещё хуже, будут считать тебя дилетантом и делиться этим со своим окружением. Один крупный предприниматель как-то сказал в своём обширном интервью зарубежному корреспонденту, что особенность русских людей остаётся ещё с ранней историей то, что они привыкли «ломать шапку» перед начальством или признанными авторитетами. На малоизвестного автора они даже не обратят внимания. Это не всё, что я хотел сказать. Смотрю на тех людей, для которых ты пишешь, и вижу в их глазах равнодушие, полное лицемерное безучастие к главному, что ты

пытаешься сказать. Девяносто процентов твоего труда уходит «в песок» и не оставляет следа. Только немногие, пытливые и любознательные, находят для себя что-то значимое. Ты же видишь, что простые люди голосуют на выборах разных уровней, не вникая в личность кандидата глубже. Особенно охотно голосуют за известных руководителей, надеясь получить от них какие-то выгоды, или поступают так по инерции. И «паровозы»¹ на выборах придуманы на этой «национальной особенности». Я понимаю, что и твои проблемы по жизни касались отношений с руководителями, особенно, авторитетными. Многие из них признавали только свои идеи, в этом помогали им помощники и журналисты.

— Иван, ты удивляешь меня. Говоришь как соавтор. Видимо, не случайно мы три десятка лет общались просто и понятно и не думали ставить в вину друг другу какие-то неудобные выводы или особые взгляды на события. Когда я писал первую книгу, признаюсь нескромно, в том числе о своём участии в развитии района и города Приреченска, то предвидел, что «добрые» коллеги и «друзья» со стороны будут придирчиво читать её, взвешивая каждое слово. Если, конечно, вообще будут её читать полностью. Я уже тогда видел их лица и прочитывал мысленно их замечания и форму отторжения. Поэтому писал до предела сжато, перепроверял каждый факт, привлекал документы. Я думал, что такая книга нужна если не моим современникам, то будущим любознательным гражданам района. В ней маленькое окошечко в реальную жизнь нашего времени. И в ней лица и души простых людей, творящих и созидających. Как и ожидал, вскоре услышал реакцию: «Это он о себе написал, присвоил заслуги руководителей, ничего он этого не делал», — и тому подобное. В чём конкретно я ввожу в заблуждение читателей, ни от кого не услышал. Самое грустное бывает, когда получаешь от близких по духу и профессиональной деятельности людей искажение фактов. Такое может случиться только от их поверхностного знакомства с текстом или по причине скрытой неприязни. Казалось, здесь всё строго и правдиво написано, читай и используй в своих публикациях правильную картину событий и их прямых исполнителей. Но в отдельных головах рождается ещё при жизни автора выверт, с которым знакомится большое количество читателей через газеты. Иван, спасибо за разговор. Ты практичный человек, тебя уважают, и ты прав во многом. Зря в своё время не принял предложение преподавать в ПТУ электронику. Учащиеся тебя понимали бы

и любили. Ты же на заводе подготовил не одного молодого рабочего, многие за последние годы окончили техникум, а пятеро, которых я знаю, получили дипломы в политехе. Тот же Павел Морских подался до начальника цеха. А то, что ты не пошёл в политику и оставил вовремя совет, это правильно. Ты — свободный человек и поступаешь так, как велит совесть. Спасибо за советы и понимание.

Былое только спряталось

Громов долго думал о своём разговоре с Иваном, удивлялся его природной прозорливости и трезвой оценке событий. Придя домой, он вдруг вспомнил один эпизод в своей прошлой работе. Глава вызвал его в кабинет и сказал:

— Алексей Васильевич, предлагаю вам взять отпуск и возглавить группу поддержки на выборах президента.

— Василий Григорьевич, я осознанно вышел из той партии, мне по душе хозяйственная работа, у нас много идей в заделе, во всех службах есть творческие люди, не могу назвать их просто исполнителями. С ними интересно работать. У меня нет времени отвлекаться на партийную работу, пусть временную. Хотя наверняка мне предложат вступить в новую партию. Я вижу по объединению политических сил, создаётся такая структура, которая будет исполнять роль руководящей силы. Я уже на себе испытал, что значит партия с государственными полномочиями. Она неизбежно будет стремиться к собственной монополии. Я буду заниматься, если позволят, развитием района в сфере своих полномочий.

Глава молча выслушал и сказал:

— Как знаешь!

Предвыборная борьба набирала обороты. Нашлись все исполнители, кто нужен был для организации выборов президента, местных советов, главы района. Участвовать в такой команде согласились многие сотрудники администрации и муниципальных служб. Одни делали это охотно, другие — незаметно вздохнув, третьи — по-деловому: «Надо — значит, надо!» Поэтому характер будущей объединённой партии стал проявляться без промедления. Из областного центра пришло указание создать институт «сочувствующих» партии «Единство». Чиновники всех рангов сразу ощутили холодок в сердцах: «А если ты не запишешься в „сочувствующие“?» Громов сразу понял, что счётчик включён и надо понять или просчитать, когда прозвонит «последний звонок». Иллюзий не было никаких. Правильно говорят, что лучше уйти на год раньше, чем на день позже. Через несколько дней он вновь зашёл в кабинет главы района Василия Григорьевича Коваленко, чтобы обсудить проблему развития медицинского страхования и задать вопрос по своей перспективе.

¹ Под «паровозом», т. е. условно той мощной машиной, которая везёт состав, избиратели понимают важного кандидата на мандат, который после выборов снимет свою кандидатуру в пользу следующего за ним более слабого кандидата.

Друг нетерпеливо зазвонил высоким колокольчиковым звуком с протяжкой телефон специальной связи вч (высокочастотной), которую называли «правительственной»:

— Заместитель губернатора Сидорчук, — слышался голос в трубке. — Здравствуйте, Василий Григорьевич!

Громов встал, собираясь уйти, чтобы не быть свидетелем, может быть, доверительного разговора. Он знал, что по этому телефону просто так не звонят. Не случайно он служит обеспечению тайны разговоров. Но Коваленко остановил его, махнув рукой вниз, что означало: «Сиди!» Алексей Васильевич сел, но из трубки доносился вполне слышимый бас заместителя губернатора, и он улавливал каждое слово.

— Я вижу, вы неплохо развернули работу по выборам. Первыми отпечатали у себя всю необходимую продукцию для избирательных участков. Мне показали плакаты с кандидатом в президенты, молодцы! Я попрошу вас сделать дополнительный тираж для соседних районов, деньги мы перечислим. Я бы хотел предложить вам решить ещё один вопрос. Вы подали заявление об уходе, мы здесь решили пойти вам навстречу, всё-таки возраст говорит сам за себя. Но мы вас не оставим, есть хорошие почётные места, с предложением вас знакомят здесь, у губернатора. Сейчас мы рассматриваем кандидатуру на должность главы района Петракова Сергея Ивановича. Хороший парень, не подведёт!

Громов знал, что в город из областного центра около года назад переехал молодой предприниматель, владелец большого пакета акций одного из высокотехнологичных предприятий. Он сразу заявил об отводе земли для строительства магазина и учредил газету. Хотя Алексей Васильевич курировал средства массовой информации, к нему никто не обращался с вопросами по изданию газеты. Новый хозяин все вопросы решал с главой.

«Что ж, новое время — новые порядки, — подумал Громов. — Теперь много чего с местной властью не обсуждают, а порой и не подпускают их представителей к своим вотчинам: частная собственность! Взаимодействуем только в рамках закона». А поскольку законодательная база ещё создавалась, «новые русские» вели себя на удивление своеобразно. Но есть вопросы, которые прямо касались руководителей местной власти. Например, вот это предложение агитировать за предлагаемого областными властями кандидата на должность главы района. Предложили-то не общественным организациям, партиям, а именно администрации. Всем понятно, на кого должна поработать администрация района. Её возможности несравнимы с представительством любой партии или движения в районе. А что записано в законе о выборах? Да и кто он такой, этот молодой предприниматель,

которого рекомендует сам заместитель губернатора области? Кто он, чем себя показал, кроме владения деньгами и активами? Зачем учредил ещё одну газету в пику к двум известным? «Пожелание» озвучено, главе надо понять, как с этим поступить, как преодолеть начальственное указание, если он сам заранее готовил себе замену, много думал об этом, испытывал человека, видел, как тот будет продолжать общее дело, что сохранит и за что будет бороться.

Алексей Васильевич выходил из кабинета главы района с тем особым чувством, которое приносит облегчение, снимает душевный груз. Он понимал, что весь этот политический крен аукнется на его судьбе не лучшим образом. Но не боялся этого, напротив, крепла уверенность в своей правоте, которая делает человека свободным, независимым от той силы, которая выравливает своим бездушным катком слабые души, делает их придатком чужих идей и мыслей, исполнителем чужой и не всегда праведной воли. Он уже прошёл своей прежней работой, убеждениями тот известный исторический период, когда низвергались столпы государства, политические провидцы, самые авторитетные, но конъюнктурные учёные. Он увидел, что был обманут той мощной слепой силой в омуте всеобщего одобрения. Та «железобетонная правда», о которой твердили почти столетие на государственном уровне, рассыпалась в прах за одно мгновение. Громов про себя подумал: «Правильно сделал, что не принял предложение главы района...»

Через неделю Громов наяву увидел, как появились в районе пиарщики из центра, они уверенно говорили о своей «компетенции», предыдущем опыте, показывали брошюры в предвыборном штабе. Один из них под хмельком и «по секрету», слабо камуфлируя чувство собственного превосходства, проговорился председателю районной избирательной комиссии, сидя в банкетном зале ресторана. Он вскользь сказал, какие деньги получит их команда «учёных» и сколько всего выделено средств и «пожертвовано» на избирательную кампанию.

Алексей Васильевич знал, что глава тоже не приеет ту ситуацию, которую создаёт центральная власть. Он должен был, хотя бы временно, играть по их правилам, мягко дать понять, что «тянет важный груз» хозяйственной работы в большом районе, что это не менее важно и для политической кампании, какую представляют выборы. Сделает это так, что слыше негласно примут его решение и не будут мешать работе. Да и не везде сидели зомбированные псевдопатриоты, готовые слепо исполнять все политические установки и решения «сверху». Многие понимали, что их указания конъюнктурны. Оставались ещё руководители с критической «жилкой». Они понимали, кто может решать проблемы только на словах, а кто на деле.

Громов нашёл в своих записках: «Современные выборы больше похожи на спектакль. Общество догадывается, что „чёрный пиар“ — это средство обманывать избирателей. Пиарщики продают свою душу любому „денежному мешку“. Они тянут за собой доверчивых и часто непросвещённых простых избирателей».

Глядя на выборную кампанию вблизи, Громов ощущал ту мощную концентрацию сил и средств для обеспечения победы на новый срок действующего президента. Казалось, что «тигр» подготовился к прыжку. Боевая поза ощущалась во всём настрое действующего главы государства и его кабинета министров. Как-то он сумеет подняться, в первую очередь над собой, над прошлым, получится ли у него управлять такой огромной страной в согласии с тем, что ожидает от него народ?

Силы разные и неравные

Тем временем события в Приреченске развивались так, будто они были похожи на чёрную тучу, которая двигалась с запада и покрывала мраком и сыростью отступающее солнечное пространство. Благополучный и самодостаточный район начало лихорадить вначале в сознании людей. От деловой активности многие специалисты стали уходить в политические разборки, наметился раскол в ранее спокойном и в определённой степени дружном коллективе аппарата администрации района. Одни безоговорочно поддерживали создание новой партии и кандидатуру президента, другие смотрели на это с осторожностью и выбирали для голосования ту небольшую политическую силу, которая обещает поддержать пенсионеров и сосредоточиться на решении социальных проблем. Всё больше стали говорить и о смене главы города. Образовалось твёрдое большинство, которое было намерено просить действующего главу остаться работать ещё на один срок. Поддержка большинства не вызвала сомнений. Громов знал настроение Василия Григорьевича, видел, что он колеблется. И причиной такой неопределённости был директор главного предприятия. Без его поддержки выдвигать свою кандидатуру было рискованно, так как за директором стоял многотысячный коллектив завода, и ему была обеспечена поддержка из столицы. Он был депутатом областного законодательного собрания. Коваленко понимал, что реально может победить на выборах, но не хотел создавать конфликтную ситуацию, исподволь наблюдал за руководителем предприятия, получал отрывочные сведения от своих близких знакомых и некоторых депутатов. Проблема выдвижения кандидата на выборы главы города назрела настолько, что произошла утечка информации из кабинета директора главного предприятия. Рассуждая о предстоящих выборах, он сказал своим подчинённым:

— Конечно, Коваленко не Бог весть какой глава, он большой mudak (*непереводимое оскорбительное латинское изречение Помпея в адрес Антония*). Я думаю, мы его всё же поддержим, если догадается прийти ко мне, поговорить. Тогда и решим.

Как уже было сказано выше, закон «ярлыка» никто не отменял. Особенно в среде тех, кто жил по своим собственным представлениям о власти. Утечка информации, конечно, была задумана заранее и вскоре дошла до главы. Коваленко не стал скрывать своего возмущения, говорил об этом открыто со своими заместителями. Дошло это и до охочей на сенсации журналистской братии. Через день он твёрдой рукой написал заявление на имя губернатора, с предупреждением, что не будет выставлять свою кандидатуру на новый срок. Известная газета, которую называли оппозиционной по отношению к местной власти, пригласила главу на встречу. Тот охотно согласился и выложил все свои соображения о позиции директора главного предприятия и его собственной в большом интервью. Читатели в завершении текста прочли: «Не может быть такого положения, чтобы глава района подчинялся директору предприятия!»

Но кто мог тогда предвидеть, что совсем скоро такой глава появится в кабинете администрации района? Помните, тот, что ходил к директору с папочкой? Что? Вы даже имени его не запомнили?

Думать вредно

В кабинете Руслана Сергеевича зазвонил телефон прямой связи с главой.

— Зайди! — услышал он голос своего шефа.

— Через две недели в Москве состоится торжественное собрание госкорпорации «Росмаш» в честь юбилея. Свяжись с сотрудником, ответственным за мероприятие, и назови ему фамилии членов нашей делегации, подкрепи электронной почтой. Обязательно включи в её состав Елену Романовну. Командировку ей сделай за счёт библиотеки. Себя тоже не забудь. Моя фамилия уже в списке госкорпорации в качестве обязательного участника. Я вылечу раньше.

Руслан Сергеевич вперил неопределённый по выражению взгляд в Георгия Георгиевича. Такого с ним ещё не случалось. По скованным движениям заместителя главы администрации можно было заметить, что это указание его смутило. Конечно, он включит в список заместителя по экономике и финансам, директора телерадиокомпании, подтвердит участие директора большого завода. Но как он оправдает присутствие Елены Романовны? Даже ему было затруднительно подвести под эту акцию достоверную версию. Приходилось уже считаться с мнением горожан. Да и «независимая» газета это не оставит без своего особого внимания. Не было ни одного номера без разборки и колких шуток в адрес главы и его

специфического окружения. Горожане читали эту газету, пренебрегая муниципальной, которая за бюджетные деньги делала неприкрытую одиозную рекламу «избранным» административного здания.

Чиновник внимательно смотрел на главу. Но тот не проронил ни одного уточняющего слова и сосредоточенно просматривал бумаги.

Работает недавно, думал о Елене Романовне «верный помощник». Она не руководитель учреждения, а только заместитель, как и я, общественная деятельность едва начала разворачиваться. Да и в районе досужие активисты сразу заметят, что есть заслуженные люди, достойные участия в празднике. Директор библиотеки опять будет возмущаться, что в бюджете нет денег на такую командировку.

Внутренний голос подсказывал Руслану Сергеевичу, что это рискованное дело с точки зрения имиджа администрации. Он прямо отвечал за стабильность в аппарате и в умах руководителей муниципальных учреждений и предприятий. Лишний «напряг» только вредит. Не зря же следил за каждой строчкой «своей» газеты и содержанием сюжетов на телевидении. Значит, надо искать надёжную версию.

Но Руслан Сергеевич был не из того «теста», чтобы не найти оправдания и потеряться в таких проблемах. Тем более всерьёз думать об имидже. Шеф сказал — и точка!

Он связался с Еленой Романовной:

— Лена, привет! Готовься лететь в Москву! Ты включена в делегацию на празднование юбилея отрасли. Это не учёба и не деловая командировка, скорее — деловой праздник. Обслужат по высшей мерке. В делегации Георгий Георгиевич, директор главного предприятия, его заместители и наш первый журналист. Увидишь много знаменитостей, послушаешь звёздных исполнителей в главном зале столицы. Иди к «любимой» директорисе, оформляй командировку. Я сейчас скажу секретарше, чтобы отправила ей телефонограмму, распоряжение шефа получишь позже. Меня тоже не забыли. Вперёд!

Тревога!

То, чего опасались сотрудники библиотеки со дня появления в их здании главы района, не вдруг, но случилось. Светлова Татьяна Игоревна, директор библиотеки, не согласилась перечислить деньги на мероприятие Елены Романовны, которого не было в плане на текущий год. «Огниво» с первых дней их «сотрудничества» периодически скользило по «кремнию», но его силы было недостаточно, чтобы высечь огонь. Это обязательно должно было произойти. И вот искра метеором упала на «горючий материал», и всё вокруг запылало: глава решил уволить

директрису без предоставления другой руководящей должности. Непослушание для него означало должностное преступление. Действия главы упрощал контракт, который был заключён до Нового года, и его срок заканчивался через два месяца. Как использовали такие контракты при новом руководстве, читатели уже знают. Это ещё и значило выбросить работника вон без каких-либо гарантий. Коллектив, который можно было таким называть по сохранившемуся с былых времён менталитету и дружной профессиональной солидарности, «закипел». Коллеги сами рекомендовали на директорскую должность своего испытанного товарища и сотрудницу и не могли понять, в чём её вина. Есть же трудовой кодекс, она ничего не нарушала, напротив, новая заместитель директора сама в нарушение бюджетных правил требовала незаконно исполнения внепланового мероприятия. Это ли справедливость? Они позвонили председателю объединённого комитета профсоюзов районных бюджетных организаций и получили подтверждение того, что действия главы расходятся с трудовым законодательством.

Активные сотрудницы начали звонить в редакцию «независимой» газеты, в представительство КПР в районе и авторитетным людям с приглашением всех на митинг в библиотеку в защиту своего руководителя. Здесь сказался старый инстинкт со времён социализма: посочувствовать и помочь товарищу по работе, несправедливо наказанному, обойдённому должным вниманием, испытывавшему незаконное давление на себя. Справедливость была не просто словом, а понятием ещё живым и законным. Здесь же никто не заметил беспристрастия со стороны главного должностного лица района, напротив, заподозрили его в личной выгоде. О справедливом решении вопроса не могло быть и речи. Всё указывало на то, что глава здесь никого не ценит и решает свои проблемы напролом, без учёта нравственных потерь коллектива и своих собственных. Глава не мог осознать, что вмешался неестественным образом и в жизнь Елены Романовны, которой хотел сделать добро своим назначением её на придуманную должность. Какой демон не хотел «добра» своим жертвам?

Позвонили сотрудницы библиотеки и Алексею Васильевичу Громову. Алексей Васильевич возмутился действиями главы, начал утешать женщин, попытался связаться с бывшими коллегами, но их телефоны молчали или сообщали, что абонент (subscriber) вне зоны действия сети. Громов попросил сотрудников библиотеки отменить своё решение.

— Я сам переговорю с главой, пожалуйста, отмените своё решение о митинге, — сказал он.

Поздно вечером он позвонил Муромцеву домой и рассказал о событии в библиотеке. Евгений

Иванович вздохнул тяжело, будто ожидал такое развитие событий:

— Алексей, он вообще-то думает, что творит? Такие вещи не только главе, но и любому должностному лицу народ не прощает. Как здесь не вспомнить Платона? В своём труде «Государство» он прямо пишет, что справедливый человек схож с человеком мудрым и достойным, а несправедливый — с человеком плохим и невеждой. Как же он этого не понимает, да ещё в начале своей карьеры, делая такие грубые ошибки? Ты извини, что я с такой высоты подхожу к этой ситуации, но ведь глава исполняет не просто муниципальную должность, а в определённой мере и государственную. Он должен знать больше, чем Елена Романовна, тем более то, о чём предупреждали умные люди ещё до новой эры.

— Женья, ты, конечно, прав. Но знаешь, что я думаю? Не обижайся, но и без философов все хорошо понимают, что такое справедливость. Она дана каждому человеку от рождения, как чувство добра и зла. В раннем детстве оно интуитивно, не осмысленно, ребёнок просто чувствует, что кто-то к нему проявил несправедливость: унизил, обидел, отобрал, наябедничал, пригрозил, надсмеялся, нарочно исказил слова и подал их кому-то в выгодном для себя виде. Но взрослый-то человек прошёл школу жизни, что-то изучал и читал, попадал в поучительные ситуации, видел не раз реакцию окружающих людей на свои поступки. Ты что думаешь, он не понимает, что творит? Хорошо понимает, но делает это назло человеку слабее его, чтобы унизить и решить свои корыстные замыслы. Его поступок усугубляет ещё одно, может, самое важное обстоятельство: он облечён властью, за которую мы с вами, со всеми избирателями голосовали и дали полномочия руководить районом. Мы тоже несём ответственность за его решения. А что касается твоих слов, хорошо, что ещё есть люди, которые не чураются открывать книги философов. Во всяком случае, я твою цитату запомню, но думаю, что мне, как старому управленцу, надо сказать молодому главе об этом простым языком. Я попрошу встречи с ним.

Утром следующего дня Алексей Васильевич позвонил в кабинет главы. Трубку взяла секретарь приёмной Анастасия, с которой Громов работал некоторое время.

— Алексей Васильевич, Георгий Георгиевич сейчас на совещании. Что ему передать?

— Настя, пожалуйста, передайте ему, что я хочу переговорить. У меня срочный и важный вопрос.

— Хорошо, я обязательно скажу ему, когда вернётся в кабинет.

Громов прождал ответного звонка весь день, много передумал всего и слегка устал от душевного

напряжения. Открыл гардероб, переоделся по-домашнему и ушёл отдыхать.

Вечерний звонок

После восьми часов вечера Алексей смотрел по ТВ исторический фильм по программе «Культура», когда раздался мелодичный звонок сотового телефона.

— Здравствуйте, Алексей Васильевич, звонит Зарубнин Георгий Георгиевич. Вы хотели со мной встретиться?

— Да, я звонил вам. Секретарь сказала, что вы заняты.

— К сожалению, это так, много было посетителей. По какому вопросу вы звонили?

— Вопрос важный и неотложный, но я не могу объяснить всё по телефону.

— Я пока на месте, приезжайте, я скажу дежурной, чтобы пропустила.

— Хорошо, через пятнадцать минут буду, спасибо!

Громов завёл свою «Ниву» и помчался по мокрому, чуть заснеженному асфальту в сторону красного здания администрации. Во мраке осенних улиц, очерченных слабым рассеянным светом газоразрядных ламп, встречались знакомые и такие близкие сердцу здания и памятники, названия магазинов и аптек. Их строй нарушали огромные рекламные баннеры. В памяти калейдоскопом чередовались картины из прошлой жизни строящегося города. Сколько талантливых людей здесь прошло, сколько идей, изобретений, «сумасшедших решений» воплотились в этих зданиях, мостах, мозаиках и площадях. Люди, люди, люди — главное историческое богатство города, а не камни и бронза с мрамором. Какие были баталии на планёрках и технических совещаниях, какие были яркие руководители: харизматичные, волевые, грамотные, с высокой внутренней культурой и духовностью. Настоящие энтузиасты и романтики, несмотря на возраст и нарастающие проблемы в экономике. Да что там возраст? Стариками считали даже сорокалетних. Молодёжь четверть века строила город, и он был самым молодым в области по среднему возрасту населения. Молодые строители, инженеры, учителя задавали тон всей жизни, всегда были впереди, подхватывали интересные идеи и первыми бросались их воплощать в жизнь. Они на общественных началах строили стадион, сами делали освещение и озеленение. Дважды спасали плотину от внезапного паводка, первыми в области построили слаломную трассу. Могли по первому сигналу выйти на субботник или уйти в тайгу на поиски пропавшего человека. Наградой им была задорная песня или пламя костра на полянке среди вековых сосен и елей. В маленьком городе, вопреки всем строительным нормам и правилам, создали на общественных

началах художественную галерею, зоопарк, шахматный клуб, исторический музей и уникальный музей Боевой славы, где установили ракетные комплексы, самолёты-истребители и боевые вертолёты, танки и пушки. Но это был только фон той большой и зажигающей работы с молодёжью и школьниками. На базе музея создали целую сеть военно-патриотических клубов. В них воспитывались не боевики, а мужественные, закалённые и патриотичные граждане, способные защищать свою Родину. А как любили книги! В книжном магазине порой шли баталии за право подписаться на собрание сочинений известного автора или купить редкую книгу. Не ради моды это делали, как стали утверждать современные нечитатели. Да, жизнь кипела! Вопреки невежеству и во благо развитию! Сегодня всё здесь выглядит по-другому. Не внешне, а внутри каждого, в душах горожан. Ломается представление о романтике, о коллективах и дружбе, о патриотизме и энтузиазме, о любви к книгам и вообще — к знаниям. И мечты стали какими-то бескрылыми, меркантильными. Что-то ушло навсегда, а что-то искажено до неузнаваемости или до «наоборот». Только ведь жизнь продолжается, и главные ценности остаются прежними, так могло казаться, только многое надо испытать вновь, докопаться до истины, преодолеть навязанное нам недоброжелателями. Даже в простых, очевидных жизненных проявлениях думающие люди чаще стали сталкиваться с антиподами привычного сознания, культуры, представления о ценностях. «Как проявит себя новый человек в районе, — думал Громов, — его первое должностное лицо, в беседе с „осколком“ прошлого? Осколком, но не ретроградом».

Дежурная на вахте встретила Алексея Васильевича приятной улыбкой и сказала, что Георгий Георгиевич ждёт в своём кабинете на втором этаже. Дежурное освещение, необыкновенная тишина, подчёркнутая мягкими ковровыми дорожками в полутёмных коридорах, успокоительно влияли на возбуждённого необычным приглашением позднего посетителя. Глава встретил Громова посреди кабинета. Пиджак его висел на спинке кресла у вспомогательного стола для небольших рабочих совещаний. За широкими окнами под тёмным небом мерцали плафоны уличного освещения, присыпаемые редким мокрым снегом. Одиночные машины, описав круг на площади, исчезали в коридорах пригнанных улиц. В кабинете было уютно, рассеянный неоновый свет располагал к спокойной беседе. Хозяин кабинета быстро принёс из смежной комнаты отдыха фарфоровый чайник и предложил гостю пакетики с ароматным наполнителем, печенье и конфеты — обычный рабочий набор для вежливой встречи.

— Алексей Васильевич, так что вас привело ко мне? Я думал, вы пригласите меня к себе домой.

Громов промолчал. Он не ожидал такого предложения, да и не был готов встречать дома главу района. Он никогда не приглашал вышестоящих руководителей, считая это излишним для деловых служебных отношений. Хорошо знал, что такая дружба часто заканчивается большими проблемами и, как правило, обрывается. Друзей находил в стороне от влиятельных политических и хозяйственных руководителей. Может, это была его личная ошибка, но он часто наблюдал за подобными отношениями, чувствовал от этого осадок в душе, понимая, что они неестественные в своей основе, не отражают истинных чувств и создают незримые, но болевые проблемы в деловом окружении.

— Георгий Георгиевич, я пришёл к вам, чтобы упредить от ошибки. Не посчитайте это за вмешательство в вашу прерогативу, я вижу в своём появлении здесь обоюдную проблему. Она касается не только вас как должностного лица, но всех жителей района, города Приреченска. Вы новый человек в районе, мы, избиратели, хотим, чтобы у вас всё получилось. Ведь всякие случайные действия главы отражаются не в лучшую сторону на населении, на каждом из нас. Если у вас не получится, значит, мы проиграем и время, и достоинство. Скажу прямо, сотрудники библиотеки меня пригласили на митинг против увольнения своего директора по вашему указанию. Наслышан о ваших первых шагах в должности главы, и я подумал, что вы добьётесь своего. Но это будет неправильное решение, оно негативно отразится на всех сотрудниках библиотеки.

— Ну вот, уже сразу и митинг! Наверняка наши депутаты от КПР подсуетились. Я думаю, что это просто шантаж.

— Георгий Георгиевич, я думаю иначе, коллектив библиотеки настроен решительно. Также знаю, что там будут активисты от партий, некоторые действительно настроены радикально. Позиция сотрудников умножит их негативное отношение к вашему решению. Оно оценивается многими как несправедливое. Полагаю, что и вы не отступите, будете держать свою линию... Я так почему-то думаю. Противостояние только затянется. Ни коллективу, ни вам это не нужно. Люди в митинговом возбуждении вряд ли смогут объективно высказать свои мысли и требования. Значит, мы получим шумный эффект, о котором завтра заговорит весь город и район. Кадровые вопросы на митингах не решают. И народ останется недовольным, и работники библиотеки не получат нужного решения. Главное даже не в этом. Вы поставили на некоторые ключевые должности своих людей из-за пределов района. Они несколько не лучше бывших на этих местах. Их работа уже показала это. К директору библиотеки нет никаких претензий. Да, там искусственно обострили проблему инспекторы пожарной

охраны, причём в противоречие проекту здания, но такие вопросы не решаются в одночасье. Эту работу вашим сотрудникам предстоит включать в план на следующий год, надо будет выделять дополнительно деньги. Но известные вам люди из комитета по делам культуры, в унисон вашему требованию, упорно настаивают на наказании директора. Понимаете, какое складывается мнение людей по этому поводу?

Громов знал о той роли, которую возложил глава на Елену Романовну, и то, как она начала исполнять свои «обязанности», с первых шагов настроив против себя коллектив библиотеки. Конечно, несмотря на все усилия и уважительное отношение к своему новому заместителю, директор библиотеки не могла согласиться со многими «необычными» требованиями Елены Романовны, её независимыми и несогласованными действиями. Но он решил ни словом, ни намёком не касаться её лично. И строить разговор на объективных фактах и рассуждениях.

Глава слушал, не перебивая, потом заговорил: — Вы, Алексей Васильевич, преувеличиваете негативные последствия смены директора. Она не справляется, и я обязан её уволить. Если вы так настаиваете, давайте вместе посмотрим, что ей предложить, только ни в коем случае не продлять ей договор.

— Не могу согласиться с вашим выводом о том, что она не справляется с работой. Сам был директором учреждения и знаю, как могут надзорные службы, выполняя приказ сверху, сгущать проблемы, не сообразуясь с реалиями. Сами знаете, сколько новых постановлений и инструкций идёт из столицы, исполнители порой не успевают их читать. Совсем недавно одно серьёзное ведомство, и вы об этом хорошо знаете, предписало всем школам и детским дошкольным учреждениям поставить решётки на окна первых этажей. Другое, такое же не менее важное, ведомство через два года обязало их снять. Сколько времени и средств пропало зря? Сейчас появилось предписание расширить проёмы дверей на десять сантиметров и поменять сами двери. Вы же понимаете, какие это затраты и сколько надо времени на исполнение? Я уверен, что это постановление отменят, когда проблема дойдёт до президента. Но при чём здесь сам директор учреждения? Дадите деньги, и она выполнит любое, даже абсурдное, требование столичных «гениев». Коллектив хорошо отзывается о её работе, да и ваши специалисты никаких претензий до сих пор не предъявляли.

Громов заметил, что собеседник внимательно слушает, не перебивает; казалось, что он задумался, как быть дальше, и хотел бы сменить тему разговора.

— Я предлагаю вам вместе с Марией Ивановной Батыгиной посмотреть, что можно предложить

директору, потом обсудим. Кроме того, я попрошу бы любезно вас помочь Марии Ивановне поближе ознакомиться с культурной средой города и района, людьми, что-то подсказать в начале её профессиональной деятельности.

Громову звонила ещё вечером председатель профкома и убедительно просила повлиять на главу с тем, чтобы перевести директора библиотеки на должность заведующего отделом, так как оставаться в прежней роли она категорически отказалась, сославшись на семейные обстоятельства. Алексей Васильевич согласился с этим предложением.

До истечения срока трудового договора с директором библиотеки времени достаточно, чтобы найти верное решение, думал Громов. Если, конечно, глава согласится с той достойной должностью, которую сама директор библиотеки видит для себя и которую поддержат Алексей Васильевич с Марией Ивановной. Всё же появлялась возможность повлиять на решение главы таким доступным образом.

Каждый из собеседников чувствовал, что его оппонент что-то не договаривает, держит до удобного момента свои мысли. Может быть, Георгий Георгиевич готовился ответить на щекотливый вопрос о роли Елены Романовны, директора ресурсного центра, в ситуации с директрисой, а Алексей Васильевич, зная довольно близкие отношения главы района с виновницей всего, что случилось в коллективе сотрудников, не посчитал тактичным коснуться её роли в той сложной обстановке. И всё же хозяин кабинета, как бы для информации, сказал о той миссии, которую возложил на Елену Романовну совет администрации по предложению главы, подчеркнул её роль в объединении творческих сил молодёжи района.

— Если хотите, я познакомлю вас с ней, интересный человек! — добавил он.

Гость рассеянно улынулся, но ничего не ответил. Он ожидал, что глава ещё что-то скажет о ней или её работе. Но Георгий Георгиевич сделал несколько глотков остывшего чая и, улыбаясь, смотрел на Громова.

«Если глава предлагает мне „поработать“ с Марией Ивановной, значит, есть шанс найти приемлемое решение по директору библиотеки», — подумал Громов.

Стрелка часов на стене кабинета приближалась к полуночи. Алексей Васильевич решил затронуть ещё один вопрос, который действительно волновал многих горожан:

— Георгий Георгиевич, извините меня, я затрону один не совсем удобный вопрос. Все, с кем я общался в последнее время, а это разные люди, отмечают, что вы продвигаете своих бывших коллег и знакомых людей на высокие должности, что «круто» относитесь к руководителям предприятий,

кстати, опытным и авторитетным, не хотите встречаться с представителями КПР, а я слышал, что они пытались с вами поговорить, хотели обсудить вместе с вами важные проблемы.

У Громова было особое отношение к коммунистам. Человек своего времени, со всеми его достоинствами и недостатками, он всё ещё думал о какой-то общей цели, о дружеском общении разных политических сил в решении больших проблем. Для него главным был человек, как и для многих его коллег. Он также думал, что народные депутаты, глава района и весь исполнительный аппарат должны тоже на первое место ставить человека, независимо от своей партийной принадлежности. Занимаясь хозяйственной работой, Громов увлечённо продвигал свои идеи в социальной сфере района, поддерживал разумные предложения сотрудников. Сейчас он во вред себе говорил главе района о необходимости находить общий язык с теми, кто остался верен партии. Оставаясь беспартийным, делал это, зная, что за немногими партийными ортодоксами стоят простые доверчивые и ещё деятельные коммунисты, готовые прийти на помощь товарищу, подставить своё плечо в трудную минуту, готовые помогать району при любой персональной власти, если от неё исходят разумные предложения. Его главной мыслью было то, что «мы все — один народ» и надо решать государственные задачи совместно, не разделяя на своих, преданных, соратников и чужих, с их особыми взглядами. Он даже думал, что возможно создать совещательный орган на общественных началах, который бы включил в себя представителей всех партий и движений и собирался раз-два в год для координации своих действий на перспективу. Но понял, что подобные шаги категорически отвергаются правящей партией. Именно это было стержнем в сохранении её власти в каждой области, крае, городе и районе.

Георгий Георгиевич нахмуренно и отвлечённо посмотрел на Громова и сказал:

— Что касается представительства КПР, скажу вам, что я пытался с ними поговорить, но они пренебрегли моим предложением, это их дело.

Громов понимал, что он перешёл «красную черту» вежливого общения и ожесточает собеседника. Но мысленно оправдывал это поведение тем, что всё сказанное им уже было на устах многих горожан и ответственных работников организаций. Он посчитал, что обязан об этом сказать, используя случайную встречу.

— Много говорят и о вашем жёстком решении по отношению к сантехникам, — продолжал Алексей Васильевич. — На днях они не смогли до конца смены вычистить два колодца от ила, вы заставили их работать до полуночи под дождём. Ведь можно было дожидаться утра.

Громов понимал, что продолжает «перебирать», говорит лишнее, что может вывести влиятельного собеседника из себя или, во всяком случае, ужесточить беседу и заставить его до времени попроситься. Разговор был на грани дозволенного этикетом. Алексей Васильевич оправдывал такую ситуацию ещё и тем, что в разговоре по телефону с главой он сказал о том, что хочет обсудить проблему, глядя в глаза собеседнику. Это означало доверительность и выход за рамки тех официальных приличий. Георгий Георгиевич всё выдержал, оставался вежлив и охотно отвечал на вопросы, незаметно мысленно наблюдая за известным в районе собеседником, взвешивал и оценивал его слова. Услышав вопрос о слесаре, он взял в руки планшет и показал видеозапись, которую он сделал накануне вечером:

— Вот смотрите! Я поручил ещё утром убрать снег от бордюров на улице имени директора главного предприятия. Посмотрите, что я увидел три часа назад! Всё по-прежнему! Как к этому относиться? То же и с колодцем. Явный саботаж, демонстрация «свободы и независимости». Если бы это касалось политики — ладно. Но это же наш город, наша с вами повседневная жизнь.

Слово «саботаж», видно, крепко засело в голове Георгия Георгиевича, и он повторит его ещё не раз.

Обдумывая итоги беседы, Громов за полночь возвратился домой.

Через пару дней он позвонил Марии Ивановне и договорился о встрече...

Разговор «на понимание»

Мария Ивановна Батыгина встретила Алексея Васильевича в своём кабинете приятной улыбкой, распахнула гардероб, подхватила и повесила на плечики его куртку. Завязался долгий разговор «на понимание».

Алексей Васильевич работал не с одним заведующим отделом культуры, который недавно преобразовали в комитет по делам культуры и молодёжной политики, объединив его с отделом по делам молодёжи. Он хорошо знал круг проблем, людей, бюджет учреждений, те «острые углы», от которых получали душевные раны даже опытные руководители комитета и учреждений культуры. Первое, что он вежливо и понятно начал объяснять Марии Ивановне, это тонкости работы с руководителями учреждений и специалистами, творческими работниками и талантливыми исполнителями: музыкантами, певцами, танцорами, самодельными актёрами. Особо объяснял, как строить работу с поэтами и писателями литературного объединения.

— Мария Ивановна, — говорил он, — только внешне кажется, что в коллективах полное благополучие, любовь друг к другу и взаимопомощь. На самом деле всё гораздо сложнее. В культурной

среде среди грамотных и амбициозных специалистов постоянно живёт дух соперничества, первенства, личной исключительности. Каждый старается проявить себя, получить добрую оценку своего труда, выгодно сравнить себя с коллегой по работе и творчеству. Порой это обретает крайние формы, которые переходят в прямой конфликт, «бескомпромиссный и порой беспощадный». Особенно обостряются отношения, когда происходит смена руководителя. Тогда выясняется, что половина коллектива видит на его месте одного человека из своей среды, другая — другого. Вот здесь-то и важна роль директора комитета, как он сумеет развести стороны, убедить, не унижая достоинства каждого кандидата на должность, убедить с аргументами и собственной объективностью весь коллектив. Вы что думаете, в библиотеке не было бурных конфликтов? Конечно, были. Мы вели долгие разговоры с каждой из сторон, предлагали варианты, убеждали примерами из жизни. В тупиковой ситуации, которую представляют как «наезд стенки на стенку», мы отдавали предпочтение авторитетным профессионалам вопреки воле сотрудников. Главное, быть объективными, не отдавать личное предпочтение одной стороне, терпеливо выслушивать все доводы, быть выше всех в понимании культуры отношений.

Алексей Васильевич внимательно наблюдал за выражением лица собеседницы, её глазами и про себя думал: «У вас есть проблемы с личной культурой, я уже не раз слышал о них, даже был как-то свидетелем. Сумеете ли вы подняться до уровня своих коллег-предшественников, хватит ли у вас терпения, уважительности к подчинённым?»

Он только спросил Марию Ивановну вслух:

— Что вы читаете, чем увлекаетесь в свободное время?

— Вообще-то читать некогда. Но месяц назад я прочла книгу «Поющие в терновнике», кажется, Макало написала.

— Маккалоу, — уточнил Алексей Васильевич.

— До неё, правда, уже давно, читала «Унесённые ветром», интересная книга. Автора иногда забываю. Митчелл, кажется, не знаете?

— Да, Маргарет Митчелл. В романе много такого, что и мужчинам нравится. Но мне больше интересна сама автор. В ней талант хорошо ужился с духом времени, и от него веет историей того особого периода Гражданской войны. В перипетиях любви есть что-то романтическое, возвышающее героиню над той сложной действительностью. В книге заложена невидимая пружина, наверное, она идёт от души автора и скорее раскрывает её, а не героиню.

— Спасибо, я обязательно её перечитаю. Конечно, я бы хотела здесь жить, выйти замуж. Мне нравится город, район в целом и люди. Правда, не всегда получается понять друг друга.

Другая проблема, которую Алексей Васильевич позволил себе обозначить, — это возможная самостоятельность в работе, отношение с главой города и его коллегами. Тема была явно рискованной. Алексей Васильевич это понимал. Но его несколько идеалистический характер, былая доверчивость к людям подтолкнули обсудить и этот вопрос, изложить личную точку зрения. Если родители или собственный труд души заложили основы этического поведения в этой женщине, то она не позволит себе рассказывать своему начальнику эти доверительные тонкости, обсуждать с ним, принимать или не принимать к руководству советы старшего собеседника.

— Мария Ивановна, вы занимаете сейчас высокую должность в администрации района. Это значит, вы всегда на виду. По вашему поведению судят о личном авторитете. Признаемся, что это очень важно для вас как руководителя. Я понимаю, что вы — протеже главы города, он для вас самый большой авторитет в районе, это естественно, и никто не покушается на ваши отношения с ним. Но есть незримые ограничения. Будете вы их учитывать в работе или нет, от этого многое зависит. Поймите правильно, я хочу, чтобы у вас всё получилось. Скажу прямо, горожанам и жителям района важно видеть достижения в культурной жизни, а не борьбу личностей и провалы. Что я хочу сказать? Окружающие вас люди должны видеть вашу личную самостоятельность и стремление добиваться успехов собственными силами. Если вы будете опираться только на авторитет главы, к которому имеете более свободный доступ, чем ваши коллеги, то окружение замкнётся в себе. Вам не будут доверять, идти навстречу, поддерживать в трудную минуту. Может настать такая минута, когда ваш протеже не сможет вас выручить. Поверьте, кроме административной силы, которая, кстати, временна, есть ещё более мощная сила, сила народного мнения, отношение людей.

Громов внимательно смотрел на Марию Ивановну и думал: «Что возьмёт верх в её душе — здравый смысл или слепое преклонение перед своим главным начальником?»

Комильфо или моветон

Конференц-зал администрации, который служащие называли залом совещаний, располагал двумя сотнями мест. Кого он только не видел за последние тридцать лет! Работал здесь ранее многолюдный по тем меркам Совет депутатов трудящихся. Когда в него вклинился небольшой по количеству малый совет с преимуществом новых лиц от демократической партии, все возбудились, начались резкие споры между «бывшими» и вот этими, самыми «прогрессивными», мыслящими посланниками от народа, какими они себя представляли. Главной их задачей было избавление от бывших партийных и советских руководителей, активных рабочих,

которые не хотели признавать ни эту группу, ни саму новоявленную партию. Один депутат от главного предприятия, всего полгода назад вступивший кандидатом в «руководящую и направляющую» партию, вдруг бросил красную книжечку на стол секретаря парторганизации и вступил в демократическую партию. Был избран в районный совет депутатов по её рекомендации. Там он развил бурную деятельность, много раз выступал с «умными» речами и как-то поделился с мэром впечатлением о его работе:

— Вы знаете, Василий Григорьевич, я думал раньше о вашей работе и считал, что вы ничего не делаете. Или всё, что делаете, никуда не годно. Надо вас и команду, особенно членов партии, гнать. Но теперь изменил мнение. Вижу, что вы работаете. Значит, законы не те, что надо, будем их менять. А по партийцам всё равно примем решение, чтобы здесь больше никого из них не было.

— Но вы тоже партийцы!

— Партийцы, но другие.

Баталии едва не доходили до рукопашной. Но провести в реальность свои настойчивые предложения они не смогли. Вместо «своего человека» на должность председателя совета депутатов, которого они добивались поставить, был избран большинством бывший председатель исполкома горсовета. Но малый совет возглавил представитель от демократической партии, как оказалось, ненадолго, и депутаты погрузились в работу.

За тридцать лет всё и все успокоились, совет стал немногочисленным, всего два десятка депутатов. Для совещаний и сессий нового совета им хватило бывшего помещения библиотеки горкома партии, которое переоборудовали под его деятельность. Новая партия, собранная волей предприимчивых политиков из нескольких небольших скороспелых образований, как и в былые времена, обеспечила себе монополию и крепко держала власть. Регламент помогал соблюдать общую дисциплину в депутатском корпусе, а председатель совета не позволял заметно отклоняться от линии правящей партии группе депутатов, которые прямо называли себя оппозиционерами. Особо они почувствовали «железную руку» с приходом Георгия Георгиевича и внимательно следили как за его речами, так и за внешним видом, поведением, откладывая в сознании его реальные возможности и вероятные опасности. Что-то воспринимали с усмешкой на устах, что-то — сжав губы и насторожившись. Эти депутаты часто задавали неудобные вопросы, пытаясь довести до решения свои проекты. Они обрушивались порой на своих коллег, пока ведущий, то есть председатель, их не обрывал: «Только без личностей, соблюдайте приличия».

Для проведения праздничных или других важных мероприятий часто использовали большой и малый залы Дворца культуры.

На одном многолюдном торжественном мероприятии, но уже в большом зале Дворца культуры, присутствующие обратили внимание на перемены в облике главного руководителя района. Что-то необъяснимое произошло в нём. Две недели его никто не видел и не знал, куда подевался такой «самобытный» начальник. Может, отдыхал на юге, может, какая секретная командировка. Сотрудники только гадали. В приёмной вспоминали, что накануне два серьёзных парня с военной выправкой «влетели» в приёмную и, никак не назвав себя, исчезли в кабинете главы. Вышли они уже втроём. Георгий Георгиевич выглядел испуганным и пробежал вместе с роботоподобными «гостями» мимо секретаря, не сказав ни слова. Всех присутствующих обдало казённым сковывающим холодком. Прошло две недели, глава появился перед сотрудниками администрации в новом облике. Исчез тот Жора с мальчишеским чубом и представился прямо-таки вылитым комильфо. Может быть, вселилась в душу большая уверенность в работе с тем покорным кругом подчинённых руководителей, которых назначали по его прямому указанию, может, надо было показать своё превосходство хотя бы во внешнем виде или проникшее в глубину души приятное ощущение своего равенства с главами других районов. Сотрудники гадали недолго, но чувствовали, что с Георгием Георгиевичем произошло что-то незаурядное, встряхнувшее его жизнь. Может, он пережил чувство пропасти перед собой и остался невредим, может, получил поддержку, от кого совсем не ожидал, но его «боевой» вид говорил о том, что началась новая жизнь. Теперь важно было не только в собственном сознании войти «своим» в круг делового общения с руководителями большого региона и управлений областной администрации. А может, и поддержать имидж во время частых визитов в столицу на нужные и ненужные совещания и праздничные мероприятия. Не последнюю роль наверняка могла играть и симпатичная дама, с которой «приходилось» иногда делить широкие кожаные кресла бизнес-класса в авиалайнерах и места в столичных театрах. Заметили внешние перемены у главы района и многие телезрители на экранах телевизоров. Держал он себя прямо. Сразу бросалась в глаза напомаженная стрижка уложенных вверх с глубоким пробором тёмно-русых волос. Что-то в стиле «блуджер» по технике сужающегося фейда. Над ушами волосы пострижены «под ноль» с медленным удлинением к вискам. Они даже стали казаться более светлыми. Модная причёска брутальных мужчин! Свободно прилегающий к фигуре тёмно-синий костюм (такой цвет часто мелькал с экранов телевизоров на чиновниках аппарата совета министров страны и на заметных публичных олигархах, приближённых к главному

лицу). Застёгивался модный пиджак костюма только на одну верхнюю пуговицу. Брюки были с безупречно наведёнными стрелками. Затёртые туфли областной фабрики сменялись остроносыми итальянцами «Фаби». Какие по значимости и стоимости были часы на запястье, трудно уловить из-за манжеты, скреплённой дорогими запонками, белой, с чуть заметным серым оттенком, модной рубахи. Завершал внешний вид главы этаким акцентом синий галстук с белой крапункой, премиум-класса «Босс». У некоторых, замечу, остроглазых и вечно чем-то недовольных посетителей праздничных торжеств или массовых мероприятий во Дворце культуры возник вопрос: «Откуда у вас, дорогой, появились такие деньги, чтобы облачиться во всё это эксклюзивное, премиальное, заморское? Да и какая „муха“ вдруг укусила, чтобы так быстро поменять имидж? И не проще ли подобрать добротный костюм и новые туфли, делать модную, но неброскую мужскую стрижку?» Один местный острослов, слушая выступление главы, размышлял, положив ладонь на руку своего соседа, товарища по работе:

— Послушай, Степан, не пойму: то комильфо или моветон?

— Здесь, в зале, может быть и первое. Если на работе, то второе. Надо место знать!

А может, ничего необычного в этом не было? Зарплата у глав городов и районов сейчас достойная, общаться приходится в разной среде: от министерских чиновников до высокопоставленных гостей от разных бизнес-сообществ, представителей творческой элиты, губернаторского корпуса. Там бедных людей нет. Зачем портить впечатление, притворяться провинциалом? И верно, встречают по одежке... Может быть, столь внезапное изменение имиджа вызвала молодая одинокая особа, с которой в близком общении не замечали ни одного достойного её внимания молодого человека? Главным для неё и самым авторитетным пока оставался наш герой. Ей-то был знаком вкус новых модных явлений не только по красочным журналам. В ресурсный центр она пригласила из областного города опытного стилиста.

— В первую очередь — забота о народе, — говорила она, — пусть наши провинциалки почувствуют вкус к настоящей моде. Мужчины тоже не будут забыты.

Зал с интересом смотрел на обновлённого главу района. Можно было заметить, что многие женщины совсем не слушают, о чём он говорит, и внимательно разглядывают его прямые плечи, мужественную шею и модную причёску. Тридцатилетняя заведующая отделом Алёна Сергеевна нервно перебирала тонкими пальчиками с декоративными ноготками длинный шелковый шарфик. Его украшала красивая брошь. Края

шарфика лежали на вершине короткой юбки. Весьма заметная среди служащих администрации района молодая женщина иногда поднимала длинные чёрные ресницы и скучающим взглядом пробежала по лицу и плечам оратора. Её красивые губы с неброским нюдовым макияжем подчёркивали гармонию всего лица. Эти губы по своим формам не успели испытать той моды, которая затронула пока юных особ. Для тех, кто перешагнул давно молодёжный возраст, всякие эксперименты с такой выразительной частью лица могли сделать женщину смешной. Поэтому контурной пластикой первыми начали увлекаться девушки. Они накачивали прекрасную часть лица у косметологов для придания ещё большего очарования и сексуальной привлекательности. Наша героиня точно знала, что её естественные, тонко и красиво очерченные природой губы скажут больше, чем накачанные у юных девиц. Внимательный наблюдатель мог заметить их живое движение. Оно выдавало её настроение и даже мысли. Получалось это порой доходчивее выражения глаз. Вот они на мгновение сжались и превратились в тонкую и прямую полоску. Женщина волнуется, ей что-то не понравилось в поведении оратора. И вдруг она приоткрыла их: человек на сцене стал интересен. Спокойные очертания они обрели, когда всё пошло по обычному сценарию. Пшеничного цвета волосы красиво прикрывали плечи волнистыми прядями. Они больше говорили об уверенности и безразличии ко всему, кроме главного человека у микрофона. Только самый внимательный человек, если бы он смотрел ей в глаза и следил за переменной в положении губ, мог догадаться, что внутри неё бурлит своя жизнь, внутренняя, чувственная, её мечты далеки от серьёзной речи начальника всего района. Сам глава часто останавливал свой взгляд на её лице, будто подбирал в том приятном образе нужные слова.

Читатели не простят мне нескромные наблюдения, но таковы уж привычки тех, кто взялся за перо, чтобы передать впечатление от окружающих нас людей в лицах и делах, также в других жизненных проявлениях. Если мы будем думать, что строгий и, казалось, безучастный человек, стоящий за микрофоном, ничего не замечает, что он поглощён темой своего выступления и отмечает только реакцию своих подчинённых, то мы глубоко ошибаемся. Он видел всё. С высоты своего опыта зрелой природы успевал замечать выражение многих лиц, неопрятный костюм или небрежную причёску сотрудника администрации или приглашённого, откладывал в сознании на будущее скрытую от других информацию. Конечно, он видел и эту женщину в седьмом ряду, понимал её стремление отличиться от коллег своего пола по работе, но откладывал свою реакцию до удобного времени.

Алёна Сергеевна

Кабинет Алёны Сергеевны почти ничем не отличался от других в здании администрации района. И всё же были едва заметные отличия. На приставном столике стоял портрет Брэда Питта. Его красивое и мужественное лицо наверняка помогало в трудные минуты отвлечься или, наоборот, обратиться к нему наедине с какими-то заветными словами. Пусть это останется тайной хозяйки кабинета. В маленькой фарфоровой вазочке, с декоративным оформлением в виде трёх розочек на плоской стороне, стоял букетик таких же миниатюрных роз. Всё остальное составляло стандартный набор мебели рабочего места заведующего отделом: компьютер, принтер, телефоны прямой связи с главой района и главой администрации. Городской аппарат стоял на краю большого стола. С левой стороны стопкой лежало несколько объёмных папок. Другие такие же папки-регистраторы были аккуратно поставлены на полки застеклённого шкафа. Алёна Сергеевна готовила проект программы по развитию района на следующие три года. Она собрала справки со всех отделов администрации и муниципальных учреждений, промышленных предприятий и сводила в общий объёмный документ. Это была рутинная работа: копаться в отчётах, отбирать нужную информацию, что-то уточнять по телефону, исправлять неточности и опечатки. Всё, что содержалось на бумагах, ей продублировали в электронном виде. Так было легче ориентироваться и расставлять материал на нужные страницы и в разделы, убирая всё лишнее и корректируя текст. Она возмущалась про себя, когда видела неграмотные предложения составителей, смеялась над автором или его секретарём, когда находила грамматические ошибки, присущие школьникам пятого-шестого класса. Тексты справок служили ей той «лакмусовой бумажкой», в которой отражались вузовская подготовка инженеров и управленцев, их отношение к собственному развитию, отсутствие любознательности и общей культуры. Было время, когда инженеры с гордостью носили голубые ромбики значков выпускников вузов, и недаром! Их общая и специальная грамота была почти на уровне современных кандидатов гуманитарных наук. Грамматическая ошибка считалась позором. К счастью, были и выверенные, грамотные отчёты, с умными предложениями и перспективным мышлением. Таких были единицы, и она знала этих людей, всегда с интересом с ними беседовала, развивала свои мысли и представления на перспективу.

Алёна Сергеевна была одинокой женщиной. Она потеряла мужа, который погиб при восхождении на пик Машербрум в Гималаях. Молодая женщина не была «синим чулком». Близкие подруги знали, что в её душе порой кипели страсти, она хотела

нравиться мужчинам, и они часто теряли голову, готовы были всё бросить и упасть перед ней на колени. Алёна Сергеевна вовремя останавливала себя и отходила от нового поклонника, казалось, жёстко и сухо. Долго переживала мимолётное увлечение, плакала по ночам, больно кусала губы и зарывалась с головой в постель. И сейчас перед глазами встал её ушедший муж Герман. Вот она поднимается с ним на свою первую вершину — Эльбрус. Заснеженная, будто вздутая, округлённая вершина на плато, с которой они, обнявшись, глядят на бурые холмы Кавказских гор. Долго задерживают восхищённый взор на посеребрённых местами пятнах снега и на тёмно-голубой переменной полосе горизонта. Они сливаются в поцелуе, опьянённые всем торжеством природы: сказочным видом, прохладой разрезанного воздуха, переменной расцветкой неба, тем собственным достижением, к которому долго стремились, — покорением вершины, первой в её жизни, пусть и не самой знаменитой по высоте и своей недоступности.

Герман был не только заядлым альпинистом, путешественником, но и увлечённым человеком в профессии программиста. Он первым со своей группой разрабатывал собственные отечественные программы для экономических расчётов и проектов. Научил жену мечтать и покорять собственные вершины в жизни. Алёна Сергеевна не могла забыть это. Чувства исходят из души. Душа живёт в теле, но что или кто её источник — покрыто мраком. Это то, что называют божественным даже те, кто не верит в Бога. Душа руководит человеком и сама, независимо от его телесной сущности и разных мысленных схем в голове, сама знает, кого любить, кого ненавидеть. Она тот сканер, который проникает в души других, чувствует их внутреннее состояние и настраивает обе стороны на созвучный лад. Люди только наивно думают, что сами нашли свою любовь, что их рассудок или вечный телесный инстинкт продолжения рода определил спутницу жизни. Здесь всё сложнее. В душах действуют другие законы и неведомые человеку силы. Они вводят в приятное заблуждение влюблённых простым и ясным объяснением. Но оставим это философам и психологам. Наши герои будут любить друг друга так, будто это одна душа, слитая в мировом пространстве, и она питается высшими силами Вселенной.

Здесь, сейчас, всё было другое, чужое и холодное. Время отняло первый жар сердец, который уходит медленно и болезненно, душа немеет и другим чувствам не оставляет места. Она тает, как лёд в Антарктиде, и слёзы растекаются по планете, слёзы спрятанной навек любви. Время делает попытки оживить её. Хватит ли его на короткой дистанции в этой мгновенности?

Алёна Сергеевна постоянной связи с мужчиной не завела, но испытала несколько увлечений, которые не тронули её сердца, а только оставили тревожный след в душе, какой бывает от ошибок, которые надо исправить или стереть из памяти. Это была своеобразная скрытая школа жизни. Внутренняя, душевная и мыслительная. Недоступная другим, строго личная, чувствительная, исключаящая упрощённое отношение к чувствам. Поэтому её душа просила чего-то более высокого не только во внешнем облике, уме и в силе мужчины. Ей мог понравиться только интересный человек, содержательный, не просто умный, но и грамотный, увлечённый. Она искала свою «гималайскую вершину», а жизненный опыт сдерживал возникавшие в сердце бури. Алёна Сергеевна хорошо понимала, может, по-своему, что есть любовь как природный инстинкт, позыв к продолжению рода или толчок к наслаждению. Но есть и более весомая, значимая любовь, данная человеку. Она не просто подарок Создателя, а воспитанная в муках переживаний, в процессе познания и общения с прекрасным. Такая любовь — плод наблюдения за множеством близких и далёких людей, их достижениями и счастливыми днями в жизни, в осмыслении прочитанных книг и лучших стихов любимых поэтов. Она, наконец, плод воспитания чувств. Сотрудники Алёны Сергеевны, отношения с которыми походили на дружбу, видели её как успешную служащую администрации: собранную, красивую, умную и энергичную. Она пользовалась авторитетом у главы и его заместителей. Вот она такая! А какая она на самом деле, никто не догадывался. Всё скрывалось за ширмой деловых отношений и поверхностными дружескими проявлениями.

...Громко, одним непрерывным скрипучим сигналом, зазвонил телефон прямой связи с главой района. Алёна Сергеевна быстрым движением руки отбросила нависшую на правую бровь волнистую прядь волос и взяла трубку.

— Слушаю, Георгий Георгиевич!

— Алёна Сергеевна, зайдите, пожалуйста!

Она вначале не поняла, почему вдруг он обратился к ней на «вы», да ещё вежливо, со словом «пожалуйста». Быстро освоившись с аппаратными делами, глава ко многим стал обращаться на «ты» без церемоний и приглашал к себе в кабинет коротким словом «зайди».

Алёна Сергеевна быстро встала из-за стола, поправила юбку, заглянула в зеркало за дверью и лёгкими, но уверенными шагами направилась на третий этаж. Заметила внимательный взгляд секретарши, которая раньше почти не обращала на неё внимания, а только подчёркнуто официально отвечала на вопрос, занят или нет глава.

— Георгий Георгиевич один, заходите.

С некоторых пор он, сославшись на подготовку важных документов в областное правительство,

велел секретарю приёмной разрешать входить в кабинет заведующей отделом без предварительной заявки.

Георгий Георгиевич быстро встал из-за стола и сделал несколько шагов навстречу Алёне Сергеевне, приглашая сесть. Для неё это тоже было новым в поведении начальника. Обычно он принимал своих сотрудников сидя и молча, порой дописывая какой-то документ или подписывая готовый. На его лице была сдержанная улыбка, и глаза блестели, выдавая внутреннее волнение. Опытный глаз Алёны Сергеевны заметил эти внезапные перемены в поведении начальника. Но она не подала вида и сделала серьёзное сосредоточенное лицо, как бы обращаясь к нему со словами: «Слушаю вас». Глава быстро сел в своё кресло и спросил:

— Алёна Сергеевна, вам все предоставили справки? Я же давал срок до первого числа.

— Да, Георгий Георгиевич, все сдали, и в электронном виде тоже. Я уже треть материала обработала, у кого надо — потребовала уточнения, так что работа движется.

— Областное министерство требует показать им проект для ознакомления. Они, видимо, торопятся тоже набросать свой документ, это им надо для предварительной работы. Поэтому я прошу вас сделать черновой вариант раньше их намеченного срока к десятому числу. Мы вместе с вами и моими замами посмотрим ваши наброски. Поедете к министру сами.

Глава внимательно, даже с особым интересом, смотрел в глаза собеседницы. Он видел, что она свободна в движениях, бархатный голос её был низкого тембра, мягкий и приятный. В ней не было той скованности и выражения покорности или повышенного внимания к начальнику, которое присуще многим подчинённым, выполняющим указания или приказы своего шефа. Её красивое лицо располагало, вопреки официальной обстановке, в которой находились оба, не к формальным отношениям, а в лучшем случае — к дружественным. Он это чувствовал, но должность обязывала не подавать вида. В нём, пока слабыми внутренними импульсами, начинали тревожить душу новые, совершенно случайные чувства, которых он ещё не успел понять. Но Алёна Сергеевна что-то уловила краешком души, поняла его неожиданное и не свойственное ему состояние по мягкости речи и необычному для главного чиновника, едва заметному волнению. Она вспомнила о Елене Романовне, чьё имя давно было на устах её коллег. При первой же встрече увидела, насколько близка эта молодая женщина к нему, как он заботится о её закреплении на новом месте работы, как оберегает от вмешательства кого-либо в её дела. Опыт подсказывал, что он действует вопреки правилам и традициям аппарата администрации,

ведёт себя, не замечая ни мнения, ни реакции своих коллег. Это было ново для неё. Алёна Сергеевна понимала, что надо быть осторожной, чтобы не попасть в неловкую или опасную ситуацию. Но дух соперницы, пусть мнимой, тот воинственный дух, который рождается в сердцах одиноких красивых женщин вопреки воле и обстоятельствам, вдруг кольнул неслышным выстрелом её сердце. В ней на мгновение пробудилась Мария Магдалина периода её жизни до мифического изгнания бесов самим Иисусом. Пусть женщины думают о себе, избегая или таясь порочных мыслей, что в их душах совсем не прячется дух этой мистической вольной пришелицы из Магдалы. Но он от природы неощутимо зародышем живёт в них, так же как добро и зло. Читатель помнит, как Есенин про свою душу сказал: «Если черти в душе гнездились, значит, ангелы жили в ней». Это метафизически присуще и мужчинам, и женщинам. Но распорядиться тем духом каждая женщина может только сама. На случай самого неожиданного преобразования тысячи художников, как бы сочувствуя, но наслаждаясь образом Марии Магдалины, создавали шедевры живописи, а служители церкви обратили её в провозвестницу воскресения Христа и сделали её святой. По силам ли устоять после такого её триумфа представителям прекрасного пола, хотя бы в мыслях? Но мы не будем так нескромно ворошить душу нашей героини, где сокрыто множество тайн, и заведомо предполагать проявление ею слабости.

Не подавая вида ни глазами, ни голосом о том, что она проникла в тайну его чувств, Алёна Сергеевна вежливо напомнила, что через две минуты начинается аппаратное совещание, которое он обычно ведёт, и поспешила выйти из кабинета.

В небольшой аудитории, знакомой нам по первой главе повествования, как всегда в первый понедельник после первого числа, сидели руководители отделов, управлений, директора муниципальных предприятий. Поспешная приватизация породила много важных и больных для районной власти проблем. Одной из них была ликвидация, а по сути — разгром эффективных муниципальных хозяйств. Те службы, которые создавались десятилетиями, наращивали свой технический потенциал, тонко и органично реагировали на все возникающие ситуации в городе и районе, вдруг стали не нужны, вернее, противоречили законодательству. Новые хозяева, в основном из областного центра, а порой из территорий за тысячи километров от района, распродали часть техники, уволили специалистов и успешно стали побеждать на конкурсах. Такие «победители», показав заниженную цену услуг, посылали в район своих представителей, которые заключали договор с администрацией, потом у местных предпринимателей искали необходимую технику, вольных

работников и «успешно» срывали планы. С такими случайными силами и техникой они не могли качественно выполнить работу. С фирмами судились, теряли время и уровень содержания населённых пунктов, потом «хватались за голову», бормоча под нос: «До чего докатились!» Алёна Сергеевна нашла «лазейки» в законодательстве и предлагала воссоздать подобные предприятия, но с новыми условиями, не нарушая федерального закона. Это давало возможность не только повысить качество содержания территории, но и сэкономить значительные средства.

На планёрке глава выглядел не так уверенно и твёрдо, как обычно. Были мгновения, когда он стал повторяться в мыслях, сделал невпопад замечание директору городской бани и поспешил закрыть совещание.

В середине зала сидели за одним столиком друг перед другом директор районных электросетей Евгений Леонидович Пегов и директор водоканала Анатолий Иванович Целуев. Они, стараясь быть незаметными для главы, за спинами коллег шептались:

— Ты чувствуешь, что кто-то управляет его головой?

— Да! Видно по глазам. Только не «собачий хвост».

Аудиенция

Девятого числа текущего месяца Алёна Сергеевна ехала в областной центр на машине главы района. Когда она заказывала транспорт, секретарь приёмной сказала ей, что глава распорядился дать свою служебную иномарку, так как он весь день будет занят на семинаре по малому предпринимательству во Дворце культуры. Она не придавала этому никакого значения, поскольку сотрудники её уровня часто выезжали в областной центр на машинах одного из руководителей администрации, чаще всего — заместителей главы администрации. «Toyota Camry» бизнес-класса, с присущим ей стильным дизайном и премиальным комфортом, приятно располагала к созерцанию окружающего мира с его изменяющимся ландшафтом, переменчивыми красками полей и мелколесья, всеми теми просторами, которые открывались за ветровым стеклом. После длительного сидения в кабинете, бесконечных совещаний и деловых встреч это было подарком душе. Кстати пришлось и классическая музыка, которую нашёл специально для неё в многозвучном эфире водитель. Алёна Сергеевна давно не слушала серьёзных произведений и была рада любому из них, которое тронуло бы её душу, отвлекло от повседневной работы и однообразного быта. Звучали пьесы из цикла «Времена года» Чайковского в исполнении Михаила Плетнёва. Они проникали в уши через мобильные стереодинамики и дополняли то,

что видела пассажирка по сторонам дороги. Это был июль — пора всеобщего расцвета природы, яркости красок и высокого солнца.

Массивное здание Дома Советов образца сороковых-пятидесятых годов двадцатого века в стиле сталинского ампира с серыми колоннами встретило её казённым бездушным видом, который сразу же отбил лирическое настроение от дороги и повернул на деловой лад. С усилием она открыла массивную, высотой в целый этаж, парадную дверь, за ней — дверь поменьше, во внутреннем тамбуре. Алёна Сергеевна прошла рамку-детектор и оказалась перед не менее массивным, чем входная дверь, полицейским, который потребовал показать служебное удостоверение. За ним две широкие мраморные лестницы с баялинами времён Микеланджело вели на второй этаж. Пройдя спокойно длинный безлюдный коридор, застланный во всю длину ковровой дорожкой, она оказалась в приёмной министра экономического развития регионального правительства. Секретарь попросила присесть, уточнила имя, отчество и сказала, что доложит министру. Через минуту она вышла и сказала:

— Максим Николаевич ждёт вас.

Министр отодвинул кресло, встал из-за стола и с широкой улыбкой встретил её, предложив сесть.

— Чай, кофе? Алина, пожалуйста, кофе! — быстро произнёс он, нажав на кнопку прямой связи с приёмной.

Министр, тридцати пяти лет, показал себя энергичным молодым человеком, схватывающим на лету мысли собеседника, и по всему было видно, что он владел той сложной ситуацией, в которой находился ранее богатый регион с развитой промышленностью и сельским хозяйством. На нём лежала задача навёрстывать потери времени. Это можно было частично сделать, вернув регистрацию предприятий по месту их расположения. То была сверхтяжёлая задача, и решить её без расположения столицы не в состоянии ни один губернатор. Министр искал свои пути смягчения проблемы, делая упор на инвестиции от бывших союзных республик и Китая. Он внимательно следил за работой директоров местных предприятий, глав городов и районов, внимательно искал в их работе новое, более эффективное.

— Алёна Сергеевна, я просмотрел ваш проект. Признаюсь, был удивлён. Вы пошли совершенно другим путём в оценке перспектив развития района, нашли свой подход в оптимизации деятельности промышленных предприятий, исключая, конечно, ваш оборонный завод. Я посмотрел некоторые отчёты администрации, изучил статистику и вижу, что у района есть потенциал для роста. Только вот слышал от своих сотрудников, что ваш новый глава, если говорить эзоповским языком, «закручивает гайки». Не буду вас спрашивать об этом. Попробуем поправить. Я всегда был убеждён,

что кадрам надо давать максимальную свободу в профессиональной деятельности, поощрять их творчество в разумных пределах. Я хочу сделать вам предложение: поработать у нас. Я знаю, что вы живёте одна, и, думаю, ничто не будет вас держать в Приреченске. Мы решим бытовые вопросы. Вам будет интересно здесь.

Алёна Сергеевна ожидала чего угодно от высокого чиновника, только не приглашения работать в его команде. Областные начальники часто свысока оценивали работу районных специалистов, задавали много неожиданных, а порой и провокационных вопросов. Ставили, как говорят, «на место». Алёна была готова к этому и, входя в кабинет, максимально собралась, приняла независимый вид и смотрела прямо в глаза министру. Но его мягкий и спокойный голос, проявленный интерес к делам района и последние слова расположили Алёну Сергеевну, она расслабилась и внимательно посмотрела на высокого собеседника. Предложение министра приняла нейтрально. Нужно было время обдумать. В районе её действительно ничего не держало, кроме успешной работы. Здесь она могла обрести более широкие возможности для продвижения собственных идей. Тем более что при тесном общении с коллегами из других районов и изучении публикаций в газетах она отмечала про себя их упущения в экономике, порой слабую компетентность специалистов, и возникало желание помочь. В новом качестве это стало бы возможным. Она сказала:

— Максим Николаевич, я, конечно, польщена вашим предложением. Но это так неожиданно. Я не готова сейчас ответить. Если вы не передумаете, я отвечу вам через неделю. Можно так?

— Да, конечно, я не спешу. Это предложение на перспективу. Буду рад видеть вас среди наших сотрудников.

Форум

Алексей Васильевич получил персональное приглашение от главы района на участие в форуме молодёжных объединений. Малый зал Дворца культуры был полон. В президиуме форума заняли места директор главного предприятия и его коллега — директор тепловой электростанции, глава района и представитель от областного правительства по работе с молодёжью. Во всём ощущалась торжественность момента, значимость первого большого мероприятия по объединению творческих молодых сил района. В рекламных листках была распечатана программа форума, расписано время и место встречи главы района с молодёжными группами после пленарной части. Модератор форума, а вы уже догадались, что это была Елена Романовна, незаметно для всех задержалась на последнем ряду, внимательно отслеживая действия активистов своей команды. Первым выступил

директор главного предприятия. Он подробно осветил положение дел на заводе, подчеркнул его успешную конкурентную позицию на мировом рынке, призвал молодёжь готовить себя к работе в современных условиях.

— Ваше основное образование, которое вы получите в вузе или колледже, это только начало вашей учёбы. Вам придётся постоянно переучиваться, осваивать новые технологии, навыки и знания. Только так можно двигаться вперёд и быть конкурентоспособным.

Выступил и второй директор по той же схеме, за ним сделал заключение вступительной части форума представитель правительства области по работе с молодёжью. Он рассказал об активной работе своих коллег, об успешной реализации нескольких проектов и отметил добрым словом активное участие городских туристов и байкеров в областных молодёжных мероприятиях.

В зале стояла тишина, многие не понимали смысла выступлений обоих директоров. Они не предложили никакого проекта, в котором бы могли поучаствовать молодые ребята, не сказали о конкретной поддержке каких-то инициатив. Директора больше сообщали об особенностях работы своих предприятий. Молодые представители клубов и секций думали о своём: как получить реальную поддержку предприятий и администрации города. В былые времена, о которых глава и слышать не желал, такая поддержка была не только от двух больших предприятий, но даже от отдельных цехов и небольших хозяйственных структур.

Ведущая спросила аудиторию:

— Кто желает выступить?

Зал оживился, послышались тихие шепотки и слова: «Иди, иди, скажи о нас...» Поднялся молодой человек, сидевший в первом ряду, заметно смущённый своей ролью выступающего. Он сбивчиво и торопливо начал говорить о работе клуба ролевого моделирования:

— Материалы трудно достать, место нашли в сыром подвале, нет денег на аренду подходящего помещения, инструктора нет, всё сами придумываем...

Проблемы, конечно, важные, зал одобрительно поддержал выступающего товарища, но ведущая напомнила о регламенте, чем совсем смутила парня, и он поспешил вернуться на своё место. Слово попросил Алексей Васильевич.

— Уважаемые участники форума! Конечно, сегодня есть много проблем с досугом молодёжи, поддержкой её важных инициатив. Я думаю, что ресурсный центр вместе с молодыми энтузиастами сегодня на правильном пути, и они смогут решить большинство больших вопросов. Для молодёжи сегодня важной проблемой стало не только объединение с целью организации досуга, творческого развития и участия в конкурсах, значимых

соревнованиях, но самое главное — проблема трудоустройства. Район много потерял рабочих мест за последние десятилетия. Кто-то определился с работой, а кто-то ищет её. Но у молодёжи есть желание пробовать себя в предпринимательстве, в бизнесе. Это непростое дело, требует специальных знаний, умения разрабатывать бизнес-планы, да и не так просто найти помещение, доступное по затратам и оборудованию. Все эти вопросы решаются через бизнес-инкубаторы. Такой опыт есть в соседнем городе, это направление развивается в стране и за рубежом. Я думаю, что здесь можно объединить усилия и опыт главного предприятия и администрации города. Свободных помещений достаточно, методической базой могут поделиться наши коллеги из соседнего города, я был у них и говорил на эту тему. Проблем не будет.

Громов не стал говорить о личном опыте и попытках создать такой инкубатор в районе. Он был в столице по этому вопросу на специальных курсах. Слушал бывшего министра отрасли и его американского коллегу, получил методические пособия. Но когда вернулся в город и обратился в администрацию района и руководству главного предприятия, то услышал:

— Нам это не надо...

Стартапы (Startups) не состоялись. Так была похоронена интересная идея, которую успешно реализовали коллеги в соседнем городе и развили её до создания технопарка.

Громова после этого выступления ни разу не пригласили на форумы. Главную роль здесь играл и первым лицом на них был глава района, а едва заметной тенью — директор ресурсного центра. Идея форумов явно исходила от него. Ему и править бал. Выступления с мест без предварительного согласования могли преподнести незначительные сюрпризы, да ещё в присутствии значимых гостей. Район продолжал изобретать всякие заумные схемы поддержки малого и среднего бизнеса, выделял деньги на поддержку инициатив и проектов, но эффективная система так и не сложилась.

«Уводят» лечебницу?

У подъезда межрайонной физиотерапевтической лечебницы стояла огромная фура. Несколько молодых людей в форменной одежде осторожно кантовали к открытому заднему борту по деревянным брускам габаритный медицинский аппарат. В лечебнице за счёт средств областного управления недавно сделали капитальный ремонт. Процедурные кабинеты оснастили современным импортным оборудованием. Спрос на лечение, особенно среди ветеранов, был большой, и больным приходилось записываться за месяц-полтора, чтобы получить лечение. Около фуры стояли несколько человек пожилого возраста

и с любопытством смотрели на рабочих и аппарат. Один из них спросил:

— Ребята, вы куда собираетесь везти прибор? Мы как раз записались на лечение, уже знакомы с этой «железкой».

Грузчики ответили:

— Не знаем, дед! Наверное, в областную больницу. Мы оттуда приехали.

Когда первый аппарат был погружен в машину, грузчики ушли в помещение и через несколько минут возвратились с коробками в руках. За их работой наблюдали врач и завхоз. Любопытные ветераны спросили врача:

— Скажите, пожалуйста, зачем увозят оборудование?

На что врач нервно ответил:

— Всё, закрываем лечебницу, зря стоите! Будете в область ездить, если, конечно, у вас есть лишние деньги.

Эти слова смутили случайных свидетелей, им показалось, что врач сам недоволен проводимой областной операцией по изъятию дорогостоящего оборудования. Он как бы подсказывал: «Что стоите, рты раскрыли? Идите жалуйтесь! Мне по службе не положено».

Пожилые люди сразу догадались, что дело не простое, надо всё выяснить.

Один из них позвонил председателю совета ветеранов и сообщил, что сегодня не смогли попасть на процедуры в физиотерапевтическую клинику. Там приступили к демонтажу оборудования, у подъезда стоит фура, на которую погрузили габаритный аппарат и медицинские приборы. Председатель быстро связался с заместителем главы администрации Василенко Надеждой Павловной. В администрации ничего не знали.

Не прошло и часа, как в зал совещаний совета ветеранов вбежал взволнованный мужчина и сбивчиво, хриплым голосом, стал объяснять председателю причину своего появления здесь:

— Борис Борисович, вы понимаете, я хожу целую неделю на процедуры, мне осталось ещё пять сеансов, а сегодня не допустили до процедурного кабинета, сказали, что поликлиника закрывается. Это правда?

— Мне уже звонили, сейчас выясню, в чём дело, — ответил председатель совета ветеранов. — Подождите, я сейчас позвоню начальнику медсанчасти.

— Василий Павлович, добрый день! Звонит Борис Борисович Ветров, передо мной пациент физиотерапевтической поликлиники, он говорит, что вы прекратили процедуры и увозите оборудование. Это так?

— Борис Борисович, не совсем так. Да, мы частично убираем неиспользуемое высокотехнологичное оборудование и передаём его в областную больницу. Завтра возобновим работу поликлиники.

— Василий Павлович, я попрошу завтра прийти к нам на совет и рассказать подробнее об этом.

На заседании совета ветеранов Василий Павлович взял с собой своего заместителя, главного врача поликлиники и сотрудницу управления больницами. Он подробно доложил о работе поликлиники: сколько человек прошло за последний год лечение, какое новое оборудование было использовано, как отзываются пациенты о качестве процедур, пока Борис Борисович не остановил его:

— Василий Павлович, но в чём же проблема? Почему остановили процедуры, какое оборудование отдаёте областной больнице, с кем соглашались? Знает ли глава города?

Главврач на мгновение смутился:

— Нет, с главой мы не обсуждали, он и так знает, что у нас нет средств на содержание поликлиники в тех же объёмах...

— Так, значит, вопрос в деньгах? Почему сразу не сказали?

— Его решал директор областного медико-реабилитационного центра.

Слово попросил член президиума совета ветеранов Алексей Васильевич Громов.

— Уважаемые гости, уважаемый совет! Мы сейчас ясно услышали, что вся проблема в деньгах. Значит, нам надо помочь медикам решить эту проблему. Настораживает то, что Василий Павлович как-то уклончиво осветил вопрос. Значит, ответ надо искать на уровне его руководства и нашей администрации. В качестве аргумента могу заметить, что физиолечебница пользуется большим спросом у людей, особенно старшего возраста, то есть ветеранов главного предприятия, первостроителей города, инвалидов. Сам недавно прошёл курс физиолечения, сейчас всё в порядке. Мне понятно одно: поликлиника нужна жителям района, и не только. Значит, наши действия должны быть направлены на поиск источников финансирования. Один из главных аргументов в этом вопросе — внимание к ветеранам нашего завода, которые работали во вредных условиях и нуждаются в профилактике и лечении.

У последней черты

По выступлениям приглашённых медицинских руководителей района Алексей Васильевич уловил, что они не говорят всю правду, уклоняются от упоминания имён своих областных начальников, будто на них кто-то наложил табу. О перспективе продолжения работы лечебницы говорили сбивчиво, неуверенно, но дружно поддерживали идею поиска средств, будто этим хотели защитить себя. А может, ещё и потому, что их главный руководитель в области недавно выступал перед районными депутатами и доказывал, что средств не хватает, столица запретила иметь несколько профильных ставок. Значит, весь вопрос в деньгах.

Через день Алексею Васильевичу позвонил на домашний телефон председатель заводской профсоюзной ветеранской организации и попросил о встрече. В офисе отдела завода по работе с персоналом его встретили два человека. Один из них был недавно вышедший на пенсию начальник маркетинговой службы, активный член КПР, человек авторитетный на заводе и в районе.

— Алексей Васильевич, вы вчера выступали на городском совете ветеранов. Ваше выступление всем понравилось, нам представляется, что мы должны действовать сообща. Известно, что областные начальники нашей больницы и администрация района действуют согласованно. Для нас важно то, что сейчас стоит вопрос не только по изъятию оборудования, но и вообще по закрытию лечебницы в районе. Дело почти безнадёжное для нас. Мы хотим провести митинг по инициативе районного комитета КПР в ближайшие выходные дни и просим вас выступить. Пожалуйста, согласитесь, это важно!

Громов и сам понимал, что это очень важно. Он был свидетелем создания этого уникального для района объекта, инициированного авторитетным директором завода, которого называли «отцом города». Директор следил за строительством и оснащением лечебницы, вкладывал в это душу, собственным здоровьем, искренне радовался, когда первые группы работников главного предприятия прошли там лечение. Лечебница была гордостью района, да и всей области. И вдруг — закрыть?

На митинг пришло много горожан, медицинские работники, корреспонденты независимой прессы. Не было представителей администрации и муниципальной газеты. Ни одного. Даже тех, кто просто обязан быть на таких встречах. Руководство города подчёркивало тем самым большую дистанцию между двумя партиями. И не только. Оно выражало пренебрежение мнением горожан. Свидетели позже сказали, что скрытный представитель там был и всё фиксировал. Но тайны у организаторов митинга не было ни от кого. Напротив. Здесь присутствовал представитель от регионального отделения КПР, он же и главный корреспондент областной партийной газеты.

Первым выступил организатор митинга, секретарь местного отделения партии Зубров Егор Филиппович.

— Наше районное отделение КПР не смогло получить достоверную информацию ни от медицинского управления области, ни от администрации города. Вот и сегодня сюда не пришёл ни один представитель от главы района, хотя некоторые сотрудники ещё вчера изъявляли желание участвовать в публичном разговоре. По всему видно, что глава района запретил своим подчинённым прийти сюда. Но вы видите, как важна лечебница для пожилых людей, для работников главного

предприятия, по чьей инициативе она была построена, да и из области сюда направляли немало нуждающихся в лечении. Я предоставляю слово Алексею Васильевичу Громову, который много лет курировал здравоохранение в районе, почётному гражданину района.

— Уважаемые участники митинга, друзья, правильным было бы, чтобы нас пригласили депутаты районного совета, может, и сам глава, и послушали нашу тревогу. Но мы видим, что они сами по себе, а народ сам по себе. Печально! Я скажу коротко по делу. Эту поликлинику создавали по инициативе директора главного предприятия в те благополучные годы, чтобы обеспечить работникам вредного производства доступ к таким видам лечения, которые мы могли получить только в европейской части страны и на юге. Важность предприятия объяснять излишне. Были привлечены средства завода, редкие специалисты из центра страны, было заказано уникальное оборудование. Поликлиника более сорока лет успешно лечила не только работников главного предприятия, но и всего района. Кстати, она была капитально отремонтирована на средства Центрального медицинского управления.

Громов назвал цифры посещаемости поликлиники, число пролеченных в ней пациентов, привёл выдержки из двух отзывов посетителей от районного совета ветеранов и главного предприятия. Завершил свою речь словами:

— Я поддерживаю предложение вашего отделения партии обратиться к губернатору области и президенту за помощью. Думаю, что проблему надо срочно рассмотреть на сессии районного совета депутатов. Наше управление здравоохранения и администрация эту проблему не решат.

По району уже несколько дней ходили слухи, что уникальное оборудование хотят передать в ведение частной медицинской организации и что в этом заинтересовано одно важное лицо в области. Инициаторы митинга ясно понимали, что определённые люди, должностные лица в областном центре, являются причиной этого события и хотят пожертвовать лечебным учреждением. Действуют напористо, прикрывают главную цель версией о нехватке средств и получают поддержку на самом «верху». Район и так многое потерял. Неизвестные «деятели» обанкротили несколько предприятий, увезли современное уникальное оборудование с одного успешного работающего большого завода, а всё оставшееся в корпусах пустили на металлолом. Были попытки местной власти и главного предприятия помешать этому, но неведомая сила всех отстранила и довела дело до конца. Район потерял тысячи рабочих мест. На долгие годы за бетонными заборами стояли с выбитыми стёклами, или полуразрушенные, убитые корпуса других предприятий. Но больше

всего на настроение жителей района негативно влияли закрытые двери и безжизненные тёмные окна пустыющих школ и детских садов. Не стало большинства рабочих мест, сократились кадры, сразу резко упала рождаемость, и несколько детских учреждений оказались ненужными. Громов понимал, что допустить опустошение лечебницы — значит, подвести город и район к последней черте. Её значение было гораздо дороже самого здания и уникального оборудования.

Областные газеты напечатали отчёты о событиях в городе, а сокращённый текст выступления Громова был помещён в столице в газете «Правда». Сотрудники аппарата администрации района «по секрету» сообщили Алексею Васильевичу, что негласно приехал губернатор области и встречался с главой. Разговор был «закрытым», и никто так и не узнал его содержания. Или они вместе исправляли опасную для обоих ошибку, или глава просил губернатора об участии в разрешении проблемы. В любом случае это делалось под решительным давлением общественных сил района.

Через несколько дней глава собрал депутатов и провёл сессию горсовета с приглашением руководителей головного медицинского управления из области и местных учреждений. Казалось, что глава района и прибывшие руководители озабочены проблемой и начали вести обсуждение в русле поиска средств. Громов внимательно наблюдал за депутатами, ждал их решительной поддержки. Но услышал несколько уклончивых фраз от председателя бюджетной комиссии. Стало понятно, что никто не будет выражать своё мнение прямо и доходчиво. «Народные избранники» ожидали, что скажет глава. Было ясно, что он не только владеет всей информацией, но и ведёт какую-то свою линию в этом деле. Такое называют игрой. Оказалось, не так сложно было за счёт некоторых перестановок кадров и желания ключевых руководителей решить проблему. Никто уже не заводил и речи о закрытии физиотерапевтической поликлиники. Через некоторое время вопрос был окончательно решён: нашлись деньги, успокоились лоббисты из области, дорогое оборудование заняло свои прежние места. Жалоб на качество лечения и внимания к пациентам не было, как и раньше. На очередной встрече с почётными гражданами района Громов заметил, что действия активистов КСР «сдвинули проблему с мёртвой точки». Что сразу вызвало возражение главы:

— Да мы эту проблему решили сами с директором главного предприятия и губернатором. И коммунисты здесь ни при чём!

Чины людьми даются...

В кабинете Георгия Георгиевича раздался звонок сотового телефона, и на дисплее высветилась

знакомая нам фамилия Андрея Сергеевича Стрелкова — заместителя губернатора области.

— Добрый день, Георгий Георгиевич! Как вы там подготовились к зиме? С уборкой зерновых, знаю, справились достойно, да и план по освоению средств на ремонты идут в соответствие с графиком. Так что — поздравляю! Но я хотел бы поговорить о другом. Город ваш современный, красивый, но время делает своё дело. Знаю, что у вас много проблем с ремонтом благоустройства города, приведением в порядок внутривортовых площадей, тротуаров, нет защищённых автобусных остановок. Нам тут Москва предлагает, правда, на конкурсной основе, современные идеи и может помочь с оборудованием. Надо переговорить на этот счёт. Приглашаю к себе. Когда сможете приехать? Познакомлю с женой, посмотрите наш новый оздоровительный комплекс. Если хотите, можем съездить на охоту. Да и рыбалка у нас здесь классная. Местные рыбаки в соседнем районе помогут с техникой и снастями. Выбирайтесь, жду!

Ездил или нет глава района на встречу с влиятельным руководителем областного правительства, неизвестно. Только через две недели он вызвал главного архитектора в кабинет и сказал:

— Игорь Владимирович, предстоит большая работа. Району выделяют дополнительные средства на благоустройство и тематические площадки — детские и спортивные. Оборудование сделано по зарубежным технологиям, ровно такое, как и за границей. Надо не ударить в грязь лицом и всё подготовить как надо. Займитесь проектом, обсудите с депутатами места установки спортивных тренажёров и детских игровых комплексов. Одновременно начнём готовить реконструкцию набережной, тоже с установкой современных малых архитектурных форм и импортного оборудования. Интересная работа, как раз то, о чём мы с вами мечтали и что предлагали не один раз горожане при опросах общественного мнения и на встречах с депутатами.

Это было точно так. Горожане не раз обращали внимание руководителей района и города на запущенную набережную с переросшим ивняком, который загораживал вид на реку и служил мусоросборником для прохожих. На исхоженных тротуарах зияли дыры от выбоин, а на стыках брусчатки торчали грязные пучки помятой травы. Местами прохожие обходили их по газонам, вытаптывая широкие тропы. Старые скамейки стояли с проломанными брусками и угнетали взоры отдыхающих многослойной обветшалой покраской со сплошными сколами.

Игорь Владимирович с родителями жил в этом городе со дня рождения, окончил здесь школу и недавно — архитектурно-строительный факультет университета. Свой человек! Глава пригласил его на должность, не обратив внимания на опыт

и реализованные проекты. Их просто не могло быть по причине молодости. Как и всякий молодой специалист, он держал в голове, а может, и в своих бумагах, фантастические проекты архитекторов мирового уровня, наработки своих преподавателей или собственные курсовые работы. С этим багажом молодой архитектор сел за стол в кабинете с табличкой на двери: «Главный архитектор». Что думал глава района, нам неизвестно, но можно предположить, что на самом деле условным «главным архитектором» он ставил самого себя. Другими словами, полагал, что сможет в общих чертах на словах представлять специалистам и главному архитектору форму или облик какого-то объекта, а его подчинённый будет выполнять инженерную работу — делать окончательный проект или заказывать более сложный вариант в проектный институт.

Георгий Георгиевич коротко объяснил Игорю Владимировичу свою идею и дал месяц на составление эскизного проекта набережной. Проект понравился главе района, фантазия просто щекотала чувствительные нервы амбициозного начальника. «Такое не стыдно будет показать и Стрелкову, — подумал он, — с деньгами пройдем без проблем!» Оставалось выбрать по конкурсу подрядную организацию. Нашли в областном центре с подкаски «знатоков» от правительства подрядную организацию. По учредительным документам было видно, что «фирма» создана совсем недавно в составе двух учредителей. Техники и строительной базы не имела. Но условия конкурса учитывали только сравнительную с другими участниками экономию. Организация получила хороший аванс, наняла в городе строителей и рабочих и приступила к работе. Но что-то пошло не по плану, рабочие со скандалом ушли, инженер-строитель стал требовать полный расчёт, и «внезапно», как всегда, пришла зима. На следующий год утверждали новую, более затратную смету, почти всё лето искали подрядчика, исправляли недолелки и брак. Работу с трудом довели до завершения. Всё было сделано на «отлично». Плитка лежала ровно, прохожие не спотыкались. Тротуары расходились веером: пойдя направо, пойдя налево — всюду прекрасный вид. Качели для взрослых и детей, скейт-парк, эстрада, богатые скамьи по английским образцам, и здесь же — частное кафе с итальянским брендом. Порадоваться, да и только. Но — увы. Не тот народ достался архитектору и его начальнику. Дикари, да и всё тут. Послушайте, что они говорят:

— Испортили набережную. Пожилым людям, которые здесь спокойно гуляли много лет, мешает этот скейт-парк. Постоянно под ногами крутятся ребятишки, играют, гремят железом, не дают пройти. Предлагали же построить такой парк в районе спортивного комплекса. Не послушали стариков. Зачем столько тротуаров? Зачем сократили зелёную зону? Шезлонги уже оборвали.

Архитектор явно увлёкся чужими проектами, устроил холмы, которые больше похожи на мини-курганы, а ещё более — на могильные холмики. Старикам от них только груз на душе. Горожане молодого возраста тоже стали проявлять недовольство: с колясками трудно ходить, шумно. А тут ещё жители начали возмущаться устройством автобусных остановок.

— Кто такое мог выдумать? — гневно говорили они между собой в ожидании автобусов. — Брызги от дождя летят вместе с грязью прямо на ноги ожидающих свой маршрут, от солнца могут защититься только несколько человек. Почему такие маленькие остановки сделали кругом? Что, не хватило денег, или кто-то успел «ополовинить» то, что выиграло по конкурсу?

Никто в администрации внятного ответа не дал на эти вопросы:

— Есть — и пользуйтесь, крытых остановок совсем до этого не было!

Муниципальные СМИ «били торжественно в барабаны» и восхваляли главу района с добавлением имени архитектора.

Мгновение, но какое!

Георгий Георгиевич зашёл в кабинет Алёны Сергеевны. Раньше у него не было причин заходить в кабинет заведующей отделом, как и в другие подобные кабинеты. Телефон прямой связи работал без перебоев, да и секретарь приёмной всегда сидела на месте. По особым случаям глава посылал её пригласить кого-то из своих заместителей для частного разговора. Тем самым он подчёркивал важность предстоящей беседы, которая в основном касалась использования бюджетных средств, с последующим утверждением на сессии.

Алёна Сергеевна машинально откинулась на спинку кресла, поправила прядь вьющихся светлых волос. Качнулась серёжка с жемчужиной в ажурной серебряной оправе. Взгляд Георгия Георгиевича промелькнул по ней, словно спичка по коробку. Алёна Сергеевна попыталась встать, но глава, раздвинув веером все пять пальцев, энергично помахал кистью правой руки вниз и проговорил:

— Сидите, сидите! Алёна Сергеевна, я на минутку, можно сказать, проходил мимо и решил заглянуть к вам. Не скрою, мне приятно заодно лично сообщить вам, что полчаса назад звонил министр экономического развития области и восхищался вашей работой. Ему не просто понравился наш материал по программе развития, но он нашёл, что вы, в нарушение утверждённой методики, сами вышли на новый путь в таком деле и удивили всех его помощников. Вначале они подумали, что вы ошиблись или не читали методические указания, а потом увидели что-то новое в этом, до чего не догадались ваши коллеги. За делами я как-то не обратил на это внимания. Ваш подход даёт возможность оптимизировать расходы

бюджета без ущерба для экономики предприятий. Поздравляю!

Алёна Сергеевна поднялась с кресла, в некотором смущении подошла к широкому окну с закрытыми белыми жалюзи и дёрнула за шнур. Жалюзи раскрылись во всю ширину витражного проёма, и солнечные лучи брызнули ярким светом на стены и мебель кабинета. По её лицу было видно, что она смущена лестными словами своего руководителя, который раньше не позволял себе расточать похвалы и вообще давать положительные оценки сотрудникам: «Сделал — и хорошо, работай дальше...»

Яркий полуденный свет отразился и на лице главы, высветив в странном ракурсе всё его внешнее состояние. Георгий Георгиевич на минуту показался мальчишкой или юношей на границе совершеннолетия. Причёска была необычно взъерошена, глаза блестели, глупая улыбка придавала ему вид сбитого с толку студента. Свет выдал то, что никто и никогда в этом здании не мог видеть в лице строгого собранного начальника, — такого беспомощного молодого человека. Что случилось? Больше, чем солнечный свет, на него влияло само лицо Алёны Сергеевны, поразительно красивое, трепетное, почти юное, с вопрошающими чёрными глазами под приподнятыми в удивлении тонкими бровями. Всё формальное, обязательное для служащих администрации, холодное и чужое в одно мгновение исчезло во внешнем виде и поведении этих взрослых и бывалых людей. Но только на минуту. Алёна Сергеевна сухо поблагодарила Георгия Георгиевича за оценку, такую высокую, её «скромного» труда и быстро села за стол.

Глава вновь обратился в начальника и стал вдвое старше в глазах его подчинённой. Оба в смущении посмотрели друг на друга, и Георгий Георгиевич наконец промолвил:

— Алёна Сергеевна, министр мне сказал о своём предложении вам. Это, конечно, лестно и для меня, и для вас. Но мы с вами начали работать не столь давно, у нас есть нереализованные планы, вашим сотрудникам трудно будет всё довести до ума без вас, поэтому я думаю, что уходить вам пока преждевременно. Вы, конечно, извините меня, в конечном счёте решать вам. Но я бы не хотел вас отпускать. Знаю, что вы живёте в стеснённых условиях, я попросил посмотреть вам более достойное жильё, и мне показали его. К тому же мы приняли решение повысить вам зарплату, и некоторым сотрудникам тоже. В столице скоро начнут работать президентские курсы руководителей, я зондировал перспективу поучаствовать в этой престижной учёбе и вам. Такая возможность есть. Нет, вам совсем незачем менять работу...

Георгий Георгиевич подошёл вплотную к Алёне Сергеевне, она даже подумала, что он хочет положить ей руку на плечо, и ногой отодвинула назад кресло на колёсиках.

— Георгий Георгиевич, спасибо за вашу заботу, я подумую!

Алёна Сергеевна не могла увлечься «служебным романом» в той формальной и размеренной обстановке административной службы. Всё её существо искало душевный простор. В нём мог проявиться и друг по жизни, с созвучной душой и той же пылающей страстью. Но она понимала, что он всегда будет походить на дублёра, доброго и приятного, порой созвучного, но уже другого, не первого, в его первозданной сущности.

Когда Георгий Георгиевич вышел из кабинета, Алёна Сергеевна набрала номер телефона министра и на его приветствие тихо сказала:

— Максим Николаевич, это Алёна Сергеевна. Приреченск. Я согласна на ваше предложение.

Отошла к зеркалу, кончиками пальцев провела по щеке, лбу, откинула прядь волос от виска и решительно вышла из кабинета.

Георгий Георгиевич, возвращаясь в свой кабинет, коротко приказал секретарю:

— Ко мне — никого!

Он сидел в кресле с высокой спинкой, откинув голову назад, и застывшими глазами смотрел в потолок. Сразу рушились два его намерения. Это был удар по его честолюбию, которого он не смог избежать.

Слабые тоже могут

Время шло, и наступал момент, когда главе района надо было окончательно определиться по работе директора библиотеки. Алексей Васильевич сидел за рулём своего автомобиля, когда раздался звонок сотового телефона. На дисплее обозначилась фамилия главы, как будто он подслушивал его мысли.

— Здравствуйте, Георгий Георгиевич, слушаю вас.

— Алексей Васильевич, вы излишне доверяете Светловой, то, что вы говорили о коллективе библиотеки, это просто шантаж, я повторяю. Нельзя её оставлять, поймите...

Громов растерялся от удивления, не мог сразу сообразить, что ответить.

«Значит, он ничего не понял, нет, наверное, в силу своего характера, решил идти своей дорогой, решил сделать так, как задумал до их разговора, — лихо радочно думал он. — Значит, и всё остальное было только игрой, попыткой расположить к себе. Такие люди остаются сами собой, их твёрдую позицию не может поколебать такой „нахальный“ полуночный разговор бывшего заместителя главы. Пусть он хоть трижды будет почётным гражданином. „Мы воспитаем своих почётных“».

Георгий Георгиевич более двадцати минут без перерыва убеждал Громова в собственной правоте. Со звуком в машине возникали проблемы, Алексей Васильевич напрягался, что-то пропустил, не слышал. Он ещё раз попытался его убедить:

— Георгий Георгиевич, это будет неправильно, мы, по вашему же желанию, определили ей другую должность, это самый оптимальный вариант...

Телефон главы внезапно замолчал. Смущённый Громов, который был в растерянности и не знал, как дальше поступить — идти ли на приём к нему или встретиться с заместителями, включил стартер и медленно поехал домой. В груди вовсю горел огонь того беспокойства, которое охватывает человека, когда он видит, что кто-то попадает в беду и у него нет сил помочь этому человеку.

Алексея Васильевича пригласила в свой кабинет заместитель главы администрации района по социальным вопросам Надежда Павловна Василенко. *(Не путаем главу администрации с главой района. Надежда Павловна была заместителем второго главы, выполняющего исполнительские функции. Подобное руководство района в народе называли «обуглавым», и большинство понимающих людей смеялись над такой структурой управления. Глава администрации был фактически заместителем главы района, и при соответствующих характерах и позиции каждого главы могли возникать серьёзные противоречия и конфликты. Такое наблюдали во многих районах и городах.)*

Надежда Павловна сказала, что в присутствии директора комитета по делам культуры и молодёжной политики Марии Ивановны Батыгиной предлагает рассмотреть вопрос по кандидатуре будущего директора библиотеки. Алексей Васильевич дважды беседовал с председателем объединённого совета районных профсоюзных организаций, несколько раз разговаривал с директором библиотеки Светловой и пришёл к заключению, что надо выполнить её твёрдое желание возглавить детский отдел. К такому решению её подтолкнула необходимость заниматься с дочерью — выпускницей средней школы и подготовки её к поступлению в университет. Алексей Васильевич почувствовал между тем её обиду на власть, от которой она хотела уйти на более спокойное место. Бороться с этой властью ей было не по силам. Она знала, что должность любого директора — «расстрельная». То есть приняла на себя такую ответственность, которая может и погубить её из-за личной позиции важного чиновника или под давлением контролирующих органов, которым подскажут, где искать, «доброжелатели». Потому руководитель всегда взвешивает, стоит ли того его здоровье и благополучие семьи. Алексей Васильевич ещё раз позвонил председателю профсоюзной организации, и они пришли к выводу, что надо предложить такой вариант главе района: перевести действующего директора библиотеки на должность заведующей детским отделом, которая была свободна более месяца.

Кабинет заместителя главы администрации района был просторный, светлый, с минимальным количеством мебели, которая служила только исполнению служебных обязанностей. Вместо традиционного портрета на стене висела картина местного художника, на которой были изображены пороги большой реки. Картина подсказывала посетителю, что работа

хозяйки этого кабинета больше похожа на опасные пороги, которые надо проходить каждый рабочий день.

Надежда Павловна обратилась к Батыгиной:

— Мария Ивановна, что думает комитет по дальнейшей судьбе Татьяны Игоревны Светловой?

— Мнение однозначное: её надо уволить!

Начальница от культуры сидела с опущенной головой и обеими руками крепко держала край столешницы. Волосы она не успела расчесать, они произвольно падали на глаза и бросали тень на верхнюю часть лица. От этого оно выглядело мрачным и жёстким. Громову даже показалось на мгновение, что над её головой скопилось небольшое тёмное облачко, напоминавшее известное изображение демона Мефистофеля у Эжена Делакруа или Михаила Врубеля, настолько оно было размыто в пространстве.

Алексей Васильевич опешил. Он не ожидал столь категоричной позиции председателя комитета. В её голосе он услышал жёсткие начальственные нотки, хотя она сказала это тихо, опустив глаза на стол. Недавно он беседовал с ней, видел женщину, которая в обычной жизненной ситуации могла проявить соучастие к подчинённому ей человеку и даже протянуть руку помощи. Но здесь она была категорична. Это совсем не походило на женщину, мечтающую о счастье. Будто настоящий дьявол вселился в её душу или затуманил сознание. Алексей Васильевич не выдержал и спросил:

— Кто так решил? Мы же советовались и с коллективом, и с профсоюзной организацией, все сошлись на том, что Светлову надо не уволить, а перевести на детский отдел.

— Так решил глава...

— Но мы же с ним говорили, и он, как я понял, дал нам с вами право определиться с дальнейшей работой Татьяны Игоревны. Через три дня кончается срок контракта, она, доверившись главе администрации, написала заявление, в котором пропустила по его совету строку, где указывается должность, на которую она согласна перейти. Ей было сказано, что это будет сделано в день перехода.

— Я ничего не могу больше сказать...

— Надежда Павловна, — обратился Громов к хозяйке кабинета, — я настаиваю на переводе Татьяны Игоревны в детский отдел. Пожалуйста, передайте моё мнение главе района и главе администрации. У меня не будет другого предложения.

Это ставило в трудное положение заместителя главы администрации, которая знала, что подобная позиция Громова будет принята негативно её шефом и часть вины за итог их встречи он возложит на неё.

Наступил день окончательного решения главой района вопроса по кандидатуре директора библиотеки. Беспокойство всё более овладевало Громовым. Он позвонил в администрацию Надежде Василенко:

— Надежда Павловна, извините за беспокойство. Не могли бы вы мне сказать, у кого заявление Светловой и подпишет ли его глава?

— Знаю точно, что заявление лежит без подписи у главы администрации. Хочу вас успокоить: он за то, чтобы глава района подписал его на перевод Светловой в детский отдел, как вы и говорили. Георгий Георгиевич молчит, сейчас он находится в своём кабинете, это точно.

— Но время уже закончить рабочий день: восемнадцать часов. Сотрудники наверняка покинули здание? — спросил Громов.

— Будем ждать, я вам позвоню, когда вопрос разрешится, — вздохнув, ответила Надежда Павловна.

— Спасибо! Я тоже буду ждать. Фактически время прошло для оформления перевода. Срок договора истёк минуты три назад. Я дважды звонил Георгию Георгиевичу, но он сразу выключает телефон. Видит же мою фамилию на сенсорном экране смартфона. Это уже предел для возможных отношений.

Стрелки на часах перевалили за девятнадцать ноль-ноль. Томительное ожидание. Звонка от Надежды Павловны всё нет. Громов отчётливо понимает, что никакого решения тоже нет. Звонить бесполезно. Но человек не всегда поступает по воле разума, приличий, условностей той ячейки общества, с которой вдруг оказался связан общей проблемой. Здесь в свои права вступает интуиция, она даёт подсознательный толчок, за которым разум бессилён и поведением руководит та метафизическая сила, которую философы до сих пор не определили. Он вновь берёт трубку:

— Надежда Павловна, вы сами не пытались пройти в кабинет главы?

— Нет, что вы, он никого не впускает. Даже своего главного партнёра, можно сказать, товарища — главу администрации.

— Надежда Павловна, может, вам лучше пойти к нему и сказать, что Громов стоит на своём? Нам уже будет трое против одного.

— Попробую!

Прешёл ещё час. Плюс пятнадцать минут. Нервы Алексея Васильевича не выдержали, и он вновь позвонил по сотовому телефону Надежде Павловне. Громов понимал, что вероятный отказ главы района подписать заявление будет означать полный разрыв с ним и его ближним окружением. Но это никакого значения уже не имело. Лично ему это совсем было не нужно. Его самодостаточность будет определять свой собственный путь как в данной коллизии, так и в дальнейшем участии в жизни района. Он уже видел, как обратится ко всем представительством партий и движений в районе, кроме одной, и они вместе проведут митинг на площади, о котором давно мечтали, что он поедет на приём к губернатору области с письмом за подписью сотен активистов и служащих от самой библиотеки. Он распался свой мозг ещё какими-то ходами в той вероятной открытой и бескомпромиссной борьбе за справедливость в одном конкретном вопросе. На звонок быстро ответила Надежда Павловна. Голос её был совсем другим, чем

час с четвертью назад. Она с заметно учатившимся дыханием, прерываясь, сказала:

— Алексей Васильевич... глава... подписал... перевод. Я не смогла позвонить... поскольку все разом поднялись и пошли на выход...

— Спасибо большое. Извините, Надежда Павловна, что доставил вам столько беспокойства.

— Нет, вы нас извините, это наша работа, жаль, что всё так обернулось.

Громов срочно позвонил домой Татьяне Игоревне Светловой и сообщил о решении главы.

Эти события не только оставили гнетущий след в душе Алексея Васильевича, но и привели к полному разрыву его отношений с главой района. Его личный принцип в этом событии ничего не значил. Силы были на стороне чиновника. И этот чиновник сам определял будущие связи. И поступил так, как и следовало от него ожидать, независимо от позиции Громова. Он решил его просто не замечать. Все контакты, встречи, участие во многих мероприятиях Громову стали недоступны. С М И хранили угодническое молчание. Известная газета в рамках своей специфики фантазировала и сочиняла «правдоподобную» версию разрешения конфликта в библиотеке. Другая газета, муниципальная, отвлекала население репортажами о достижениях своего главного героя. Жизнь продолжалась, и мало кто в районе заметил, что коллектив библиотеки пережил самый трудный момент в своей истории, впервые отстоял своего человека вопреки давлению жёсткой и бездушной силы первого по должности лица района. А Громов задавал себе мучительный вопрос: «Может, я зря тогда встретился с главой? Надо было идти на митинг и там сказать то, что я говорил Зарубнину при личной встрече. Но в его отсутствие это был бы пустой звук, „паровозный свисток“. Да и угодливые персоны могли исказить мои слова, подать в выгодном для них содержании. Это уже было, например, когда директор главного предприятия заявил: „Громов хочет командовать детскими садами“. Нет, я поступил правильно, сказав ему прямо то, что думал. И пусть он сам отвечает теперь за свои поступки. Этот человек живёт в оболочке амбиций, в душевной слепоте. Рано или поздно он наткнётся на непреодолимое препятствие, и оболочка развалится сама собой. Но что станет с её хозяином?»

Алексей Васильевич занялся любимым делом: изучал историю области и района, написал небольшую книжку и активно помогал Светлане Алексеевне собирать материал для книги об истории образования в районе и своих земляках — ветеранах войны. В жизни Громова случались такие периоды, когда он оставался один на один с собой, когда стремительный поток перемен всё смешивал, раскидывал на расстояние единомышленников и противников, и всё крутилось в историческом хаосе сил в поисках точки опоры. Он тогда говорил:

— Не беда, у меня не было ни минуты свободного времени, теперь смогу заняться своими делами, до которых не доходили руки.

Он сел за письменный стол и старался восстановить в памяти значимые события, участником и свидетелем которых был. Извлекал забытые документы, короткие записи, встречался с теми, кто оставил свой след в истории района, но по своей скромности оставался незамеченным. Он записывал на диктофон и в блокнот их воспоминания, копировал фотографии, ездил с женой по архивам, и постепенно эта работа превращалась в законченную историческую главу. Если ему удавалось восстановить в памяти и закрепить в статье или книге имя интересного человека, создателя своего времени, он радовался как мальчишка, которому удалось забыть гол в ворота соперника. Соперником было беспмятство новых поколений, которых жизнь ещё не успела поднять на уровень мудрости и пронизательности. Той пронизательности, которая высвечивает самого человека в историческом круговороте.

В этом увлечении Громов даже не заметил, как с культурного поля района исчезла директор комитета по делам культуры и молодёжной политики Мария Ивановна Батыгина. Об этом не было сообщений в газетах. Был ответственный работник — и нет его, и никому дела нет до него, никто и не спрашивает, где, куда... Когда Алексей Васильевич случайно узнал об этом, он в душе пожалел молодую женщину, которую без подготовки бросили в недоступную ей среду, решая свои «великие» задачи. Ищут новую кандидатуру, но все устали и не хотят знать, кто будет на этом месте. Надломилась та невидимая нить в душах людей, которая удерживает их в активной, неравнодушной жизни в том внешнем мире, который подпитывает интерес, будит сопереживание, соучастие, желание участвовать в каких-то инициативах, проявлять себя полезными делами среди равных. Случилось ещё одно тихое незаметное падение. А сколько будет ещё?

Разное...

В кабинет директора ресурсного центра без стука и предварительного звонка вошли два молодых человека:

— Здравствуйте! Елена Романовна?

— Да. Чем обязана? Я спешу, извините.

— Вам незачем спешить, у нас с вами большой разговор.

Молодые люди извлекли из внутренних карманов кожаные красные корочки удостоверений с государственными гербами.

— Разрешите представиться: майор Колесников, следователь отдела по экономической безопасности.

— Майор Воинов...

Разговор был вежливым, даже подчёркнуто вежливым. Казалось, что «гости» перепутали кабинет и зашли не по адресу. Можно было подумать, что

незримое око сопровождает таких важных персон и они пришли сюда против своей воли, что офицеров кто-то упрямил, что субъект следствия представляется собой важную фигуру и обращаться с ней надо осторожно, чтобы не иметь больших неприятностей по службе. Молодые люди в штатском попросили показать решение сессии городского совета депутатов, где одним из пунктов значилось выделение средств на деятельность ресурсного центра на текущий год. Они могли этого и не делать, в папке одного из следователей уже лежала копия такого документа. Мало что у них в папке было ещё, главное — убедиться, что ты пришёл не зря и выполнишь свой служебный долг. Работаешь не по собственным домыслам и предположениям, а на основе тех документов, которыми пользуется их оппонент. У них была профессиональная задача — узнать, как она ими распорядилась, и соответствует ли это закону и правилам.

Несколько месяцев назад работники библиотеки, узнав о таком важном решении сессии районного совета возмущались:

— Как легко ей достаются деньги. Мы просили два года подряд увеличить смету на аналогичные мероприятия, депутаты отказали, а тут — на тебе, сразу такую сумму!

Читатель знает, что Елена Романовна с первых дней работы очертила незримый круг между своей официальной персоной и коллективом. Сотрудники библиотеки не ведали о её планах на ближайший год и запросах в комиссии районного совета депутатов на финансирование своих программ. Позже они узнавали о них со слов директора библиотеки или прессы. Поэтому воспринимали любую новую информацию неприязненным молчанием и неуверенным ожиданием вероятных провалов. Известная читателю газета язвила по этому поводу, называя «виновником щедрости» только главу района. Глава наверняка не читал эту статью. Зачем? Всё равно критикуют в каждом номере, обвиняют во всех смертных грехах — стоит ли трагить нервы?

Сотрудники библиотеки в тот же день узнали о визите государственных мужей в кабинет коллеги и шёпотом спрашивали друг друга:

— Что будет дальше?

«Вежливый» разговор двух майоров с Еленой Романовной взволновал её не на шутку. Она не смогла ни объяснить, ни подтвердить целевое использование почти миллионной суммы выделенных средств. То, что они нашли в одном из подтверждающих документов, скорее говорило о таком нарушении, за которое отвечают только перед судом.

Майор Колесников закончил писать протокол и учтиво пригласил хозяйку кабинета поставить свою подпись. Он с торжественным видом протянул ей авторучку, уверенный в победе над очередным расхитителем государственной собственности. Ещё минута — и тот самый дьявол, о котором я говорил ранее, довольный воплощением своего изощрённого

сценария, исчезнет незаметно через замочную скважину. Но подумайте сами: разве может так прозаично сойти со сцены одна из главных и деятельных героинь, тем более женщина — красивая, молодая, незамужняя? Рука не поднимается так поступить автору. Поэтому он применит опыт первой главы.

Итак, к одиноким большим звёздочкам на погонах майоров вдруг приблизились ещё по одной, вначале на правых плечах, потом — на левых. Бывшие минуту назад майорами, подполковники явно ощутили приятное тепло пятиконечных с позолотой знаков на плечах, несмотря на их малый, в общем-то, размер. Подполковник Колесников на мгновение растерялся и подумал, что это временная галлюцинация от ежедневных переработок на службе. Но видение только начиналось. Вначале авторучка, а за ней и лист бумаги с готовым протоколом вдруг поднялись над головами служилых, сделали по два круга над их головами и, покачиваясь, вылетели в приоткрытое пластиковое окно. За ними, оторвавшись от пола, поднялась и сама Елена Романовна. Майоры увидели только чёрное облачко, какое бывает от горячей автомобильной покрышки. Окно вдруг распахнулось во всю ширь и пропустило чёрный клуб дыма. Лёгкий ветерок сдунул последние бумаги на столе кабинета, створка окна с шумом захлопнулась, и оба офицера в ужасе посмотрели друг на друга.

Через месяц в интернете, на сайте «Одноклассники», появилось сообщение из далёкой и загадочной Новой Зеландии. На фотографии повыше текста красовалась сама Елена Романовна в обтянутых джинсах с изорванными до неприличия коленками. Она держалась за руль большого двухколёсного мотоцикла старой модели и улыбалась во весь свой презрительный рот. Из текста можно было узнать, что она отдыхает в романтическом месте и когда вернётся, пока не знает.

Читатель наверняка подумал: «А как же воинственные маори — аборигены острова? Ведь могут и скушать такое привлекательное своими формами и наверняка вкусное существо».

Алексей Васильевич просматривал сайт администрации города. Начинаясь новая предвыборная кампания. Завершался четвёртый год пребывания у власти Георгия Георгиевича. Все закулисные действия влиятельных сил района и области по выдвижению на новый срок кандидата на главу оставались неведомы населению. Да и неинтересно это стало. Ощущалась усталость от такой напористой власти, и многие вообще никак не пыгались узнать, кого же будут выставлять на главную должность. Как правило, для выдвиженцев такого рода полномочия продляют, конечно, проведя «правильно» выборы. А если законодательство не изменится, то и большие выборы не надо будет проводить по кандидатуре

главы. Изберут по спискам в совет, а там «свои» депутаты проголосуют без проблем. Зелёная улица нужному кандидату будет надёжно обеспечена. О чём беспокоиться занятым людям?

Накануне Нового года, не веря своим ушам, Громов услышал по радио в машине, что в списке претендентов на должность главы района нет фамилии Георгия Георгиевича. Впервые горожане не услышали в репортажах даже привычного и обязательного для СМИ упоминания его имени как действующего руководителя. Сразу вспомнились портреты членов Политбюро, из которых время от времени внезапно исчезал один из них. Люди гадали, что с его живым представителем случилось. Кто-то читал короткое сообщение, кто-то пропустил, но вскоре все забывали, что такая фамилия была в составе высшего руководства страны. До выборов оставалось чуть больше месяца. Алексей Васильевич вдруг ожил, схватил телефон и стал звонить Евгению Ивановичу:

— Женя, слушай, что я скажу. Пока до конца не понял и не поверил, но в списке кандидатов на пост главы города нет фамилии Зарубнина. На сайте уже увидел сообщение, что из штатного расписания убрали главу администрации. Но должность-то главы района остаётся в любом случае.

— Свято место пусто не бывает, — грустно сказал Муромцев. — И оптимизм здесь пока неуместен. Думаю, что вирус бюрократизма и всезнайства уже пустил корни, школа-то была не одного года. А где воспитывали молодые кадры, умеющие работать на народ, с независимым и ответственным мышлением, ты знаешь?

К читателю

Дорогой читатель, чтобы не затруднить вас размышлением, где же всё изложенное в книге происходило, скажу прямо: это было на Урале или около него. Там климат не столь суров, много таких же «главных предприятий», кующих оборону страны, да и города там более-менее культурные, обустроенные.

Хотя нет! Я, наверное, ошибся. Это было в Сибири. Тайга, морозы. Нет, наверное, не в ней, холодной. Спросите любого англичанина, он вам точно скажет, что не в Сибири. Там ведь медведи ходят по улицам, морозы и медведи, медведи и морозы, снег круглый год и медведи. Точно так! А мы провели вас по культурному современному городу и медведей видели только в зоопарке. Так что извините. Это, скорее, было между Москвой и Санкт-Петербургом. Там чаще такие герои встречаются, вспоминаете? Я, однако, запутался, потерялся, как лодка в океане. Ах, точно! В океане, людском. Он же везде одинаков, как волны и бури. Как разойдётся, шумит, бушует, потом успокоится надолго, не отличишь, в каком океане конкретно так ведут себя волны. Как и люди.